

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ**

Монография

**Санкт-Петербург
2025**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Монография

Санкт-Петербург
2025

УДК 343
ББК 67
А43

*Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора
А. Н. ПОПОВА*

Рецензенты

Н.С. АЛЕКСАНДРОВА – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

Д.М. КОКИН – заместитель начальника кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Актуальные проблемы уголовного права и криминологии :
А43 монография / Д.А. Безбородов, Л.В. Готчина, А.В. Зарубин [и др.] ;
под общ. ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербург-
ский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2025. – 236, [4] с.

ISBN 978-5-6054272-7-8

Коллективная монография «Актуальные проблемы уголовного права и криминологии» представляет собой фундаментальное исследование, явившееся ответом на ключевые вызовы современной правоприменительной практики. Авторы предлагают оригинальные решения дискуссионных вопросов, сочетающие глубокий теоретический анализ с практическими рекомендациями. Особую ценность монографии придает междисциплинарный подход и использование современных исследовательских методик. Научный труд адресован широкому кругу специалистов – от ученых-правоведов до практикующих юристов.

УДК 343
ББК 67

ISBN 978-5-6054272-7-8

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

А В Т О Р Ы

Д.А. БЕЗБОРОДОВ – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент – *глава 1*.

А.В. ГОТЧИНА – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор – *глава 2*.

А.В. ЗАРУБИН – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент – *глава 3*.

А.А. ЗИМИРЕВА – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук – *глава 4*.

Р.М. КРАВЧЕНКО – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент – *глава 5*.

Д.Ю. КРАЕВ – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент – *глава 6*.

Ю.В. МОРОЗОВА – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук – глава 7.

А.Н. ПОПОВ – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор – введение, глава 8.

Е.В. ХРОМОВ – прокурор Гаврилово-Посадского района Ивановской области, доцент кафедры ЭИПИ Ивановского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, кандидат технических наук – глава 10.

Р.Д. ШАРАПОВ – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор – глава 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
Глава 1. Некоторые вопросы квалификации преступлений против собственности, совершенных в соучастии.....	8
Глава 2. Анкетный опрос как технология сбора первичной социологической информации для исследований по уголовному праву, криминологии и уголовно-исполнительному праву.....	34
Глава 3. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица.....	57
Глава 4. Теории причинной связи.....	76
Глава 5. Применение состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, при небезопасном оказании услуг.....	94
Глава 6. Отграничение нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) от предусмотренных ст. 105, 277, 295, 317 УК РФ посягательств на жизнь по признакам субъективной стороны.....	125
Глава 7. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности.....	144
Глава 8. Некоторые уголовно-правовые аспекты киберпреступлений.....	161
Глава 9. Современная теория дифференциации уголовной ответственности в отечественном уголовном праве.....	184
Глава 10. Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ).....	196
<i>ЛИТЕРАТУРА</i>	223

ВВЕДЕНИЕ

Современное уголовное право и криминология находятся в состоянии постоянной динамики, обусловленной процессами цифровизации, усложнением общественных отношений и появлением новых вызовов правоприменительной практики. Эти изменения требуют не только оперативного реагирования со стороны законодателя, но и глубокого, многоаспектного научного осмысления. Настоящая коллективная монография «Актуальные проблемы уголовного права и криминологии» является ответом на эту насущную потребность и представляет собой свод исследований, направленных на решение наиболее дискуссионных и сложных вопросов отечественной юридической науки и практики.

Актуальность данного научного труда определяется его фокусом на ключевые проблемы, с которыми сталкиваются сегодня правоприменители и теоретики. Среди них – квалификация киберпреступлений в условиях цифровой реальности, разграничение неосторожных и умышленных преступлений, вопросы соучастия, дифференциации ответственности и освобождения от нее, а также проблемы в таких социально значимых сферах, как безопасность услуг, дорожное движение и защита животных. Авторскому коллективу удалось не только выявить и систематизировать эти проблемы, но и предложить их оригинальное научно обоснованное решение, что придает монографии признак научной новизны.

Важнейшей отличительной чертой издания является органичное сочетание фундаментального теоретического анализа с конкретными прикладными выводами. Исследования, посвященные общим институтам уголовного права, вносят существенный вклад в развитие его догмы и предлагают пути совершенствования законодательства. В то же время главы, сфокусированные на отдельных составах преступлений, содержат ценные рекомендации для судей, прокуроров, следователей и адвокатов, позволяющие минимизировать ошибки квалификации.

Методологическая основа монографии отличается разнообразием и междисциплинарным подходом. Наряду с традиционными методами догматического и сравнительно-правового анализа в работе обосновывается и демонстрируется применение социологических инструментов, что расширяет горизонты научного познания и открывает новые возможности для эмпирического обоснования будущих законодательных реформ.

Несмотря на коллективный характер, монография представляет собой целостное научное произведение. Ее структура логически выстроена и охватывает ключевые узлы современного уголовного права – от общих вопросов ответственности до проблем квалификации в конкретных сферах. Все главы написаны ясным, академическим языком и снабжены ссылками на актуальную судебную практику и научные источники.

Таким образом, настоящая монография нацелена на комплексный анализ актуальных вызовов, стоящих перед уголовным правом и криминологией. Она адресована широкому кругу специалистов – ученым-правоведам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также практикующим юристам и призвана стать заметным событием, способствующим дальнейшему развитию уголовно-правовой науки и практики в Российской Федерации.

Глава 1. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ В СОУЧАСТИИ

Совместность действий при соучастии в преступлении существенным образом увеличивает общественную опасность преступного посягательства и превращает его в качественно иное деяние, чем совершаемое одним лицом. При этом, однако, действия каждого из соучастников влияют на преступный результат различным образом. Это связано с тем, что совместное участие двух и более лиц в совершении преступления может проявляться по-разному. О соучастии можно вести речь и в тех случаях, когда существует юридическое разделение ролей и участие в конкретном преступлении проявляется в пособнической, подстрекательской или организаторской деятельности, и тогда, когда соучастники преступления являются его исполнителями (соисполнителями). И все же, несмотря на это обстоятельство, можно говорить о повышенной общественной опасности таких действий, поскольку они создают либо увеличивают реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям, находящимся под уголовно-правовой защитой, способствуют росту общественной опасности личности непосредственных исполнителей преступления.

В соучастии в преступлении выделяется несколько уровней. Так, действующее уголовное законодательство в ст. 35 УК РФ¹ определяет конкретные формы совместного совершения преступления: во-первых, совершение преступления группой лиц; во-вторых, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; в-третьих, совершение преступления организованной группой; в-четвертых, совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией). В основе данной классификации лежит именно степень организованности совместного общественно опасного поведения.

При конструировании составов преступлений против собственности законодатель учел две формы совершения данных преступлений в соучастии: группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Однако, как свидетельствует практика, совершение преступлений в иных формах соучастия

¹ Здесь и далее нормативные акты приводятся по: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: [https:// docs.cntd.ru /](https://docs.cntd.ru/).

не является исключением. Поэтому представляется целесообразным дать характеристику группы лиц в посягательствах на собственность.

В соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным *группой лиц*, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.

Совершение преступления группой лиц представляет собой форму соучастия с наименьшей степенью проявления совместности.

Для группы лиц характерно то, что исполнитель участвует в выполнении объективной стороны конкретного преступления вместе с другими лицами, подлежащими уголовной ответственности (соисполнителями). При этом возможны следующие виды исполнения преступления: а) лицо выполняет объективную сторону конкретного состава преступления в полном объеме при присоединяющейся деятельности других соисполнителей; б) лицо участвует в выполнении объективной стороны конкретного состава преступления частично, присоединяясь на каком-либо этапе совершения общественно опасного деяния к деятельности других лиц – его соисполнителей.

Данный вид соисполнительства в преступлениях против собственности специфичен тем, что возможность участвовать в выполнении объективной стороны состава преступления зачастую обусловлена особенностями механизма совершения конкретного преступления и далеко не во всех случаях такое участие связано с непосредственным выполнением деяния, явившегося главной и непосредственной причиной наступления преступного результата. Такие действия довольно часто играют роль способствующих совершению преступления условий.

Поэтому соисполнителей можно подразделить на две категории: 1) исполнитель (соисполнитель), выполняющий основное деяние в посягательстве на собственность; 2) исполнитель (соисполнитель), обеспечивающий своим действием (бездействием) реализацию основного деяния другим лицом.

Например, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ законодатель называет три вида завладения предметом хищения: а) изъятие; б) обращение; в) изъятие и обращение. Эти виды реализуются в конкретных формах хищений, определяя особенности соисполнения

в зависимости от специфики предмета хищения² и характеристики способа деяния: тайно, путем обмана, злоупотребления доверием, завладения вверенным имуществом, открыто, путем нападения³. Для корыстных преступлений против собственности, не являющихся хищениями, это такие действия, как требование⁴, обман, злоупотребление доверием⁵, неправомерное завладение⁶. Для некорыстных посягательств на собственность – уничтожение, повреждение⁷.

Взаимодействие между соисполнителями в группе лиц без предварительного сговора имеет непосредственный характер и осуществляется в процессе выполнения объективной стороны состава конкретного преступления. вполне вероятны ситуации, когда параллельно с деятельностью одного исполнителя осуществляются действия другого лица. При отсутствии взаимодействия можно вести речь исключительно о совпадении деяний

² См., напр., п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», определяющий, исходя из особенностей предмета, момент окончания присвоения и растраты и, следовательно, пределы, до которых возможно соисполнение данных преступлений. (Здесь и далее постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, если не указано иное, приводятся по: Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: [https:// www.vsrfr.ru/](https://www.vsrfr.ru/)).

³ См., напр., пп. 3–5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», определяющие способы завладения при краже, грабеже и разбое.

⁴ Так, в соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» вымогательство является оконченным преступлением с момента, когда предъявленное требование, соединенное с указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, доведено до сведения потерпевшего.

⁵ Обман и злоупотребление доверием при причинении имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ) реализуются несколько иначе, чем при мошенничестве (ст. 159–159.6 УК РФ), что обусловлено механизмом причинения вреда объекту преступления.

⁶ См., напр., п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

⁷ Статья 167 УК РФ вообще не содержит признаков совершения преступления в группе, несмотря на распространенность таких эксцессов.

нескольких лиц. Такие лица подлежат ответственности как совершившие преступление единолично.

Для соучастия в форме группой лиц без предварительного сговора характерно, что каждый из соучастников полностью или частично выполняет объективную сторону конкретного состава преступления. При этом обязательно исполнение основного признака любого состава деяния. При соисполнительстве все соучастники приобретают равный с точки зрения юридической оценки деяния правовой статус, независимо от объема и характера участия в выполнении объективной стороны совершаемого преступления. Для данной формы соучастия, кроме указанных моментов, свойственна минимальная степень согласованности, что обусловлено невозможностью сговора в любом виде до начала совершения преступления, и обязательное выполнение объективной стороны состава преступления всеми соучастниками.

Субъективная сторона соучастия этой формы достаточно проста. Ее характеризуют следующие основные моменты: а) знание о том, что соучастник действует не в одиночку, а вместе с другими соучастниками; б) осознание того факта, что деятельность других соучастников направлена на выполнение объективной стороны этого же преступления; в) стремление достичь одного и того же результата путем совершения преступления.

Отсутствие предварительного сговора как специфический признак соучастия в форме группой лиц без предварительного сговора подразумевает или полное отсутствие у соучастников согласования о предстоящем совершении преступления, или это согласование носит неопределенный и незначительный характер.

Совместность действий (бездействия) возникает уже после начала выполнения объективной стороны конкретного состава преступления. Это обстоятельство может вызвать трудности при установлении объема вины и пределов вменения в части, касающейся, например, размера похищаемого имущества, способа завладения им при перерастании преступления либо констатации умысла на уничтожение имущества у одного из соучастников и умысла только на повреждение имущества у другого соучастника. Поэтому положения об эксцессе исполнителя в рамках ст. 36 УК РФ при такой форме соучастия могут быть реализованы достаточно часто.

Субъективная связь при соучастии в форме группой лиц без предварительного сговора является минимальной и устанавливается или в момент начала совершения преступления, или в процессе его совершения. Кроме того, особенностью субъективной связи при данной форме соучастия является ее ограниченный характер. То есть единственное, о чем осведомлены соучастники, так это о том, что к их деятельности присоединяется другое лицо (или другие лица). Соучастие без предварительного сговора подразумевает только наличие соисполнителей, объединенных единством места и времени совершения преступления, и в ряде случаев повышает общественную опасность содеянного (поскольку, как уже отмечалось, даже простое объединение усилий может повлиять на результативность преступления). Данная форма соучастия в преступлениях против собственности является малораспространенной. Видимо, поэтому законодатель избегает использования ее в качестве квалифицирующего признака преступлений против собственности. В ситуации совершения хищения группой лиц без предварительного сговора содеянное ими следует квалифицировать (при отсутствии других квалифицирующих признаков, указанных в диспозициях соответствующих статей) по ч. 1 ст. 158–162, 164 УК РФ. Однако, давая разъяснения по применению норм, регламентирующих уголовную ответственность за отдельные преступления против собственности, Верховный Суд Российской Федерации в п. 12 постановления Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал на то, что, постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 35 УК РФ, может признать данное обстоятельствоотягчающим наказание со ссылкой на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Уровень совместности деяния в группе лиц без предварительного сговора, как правило, довольно низок. Так, хорошо известно, что при такой форме объединения лиц каждый из участников знает, что совершает преступление не один, а вместе с другими (другим), т. е. совместно, и присоединяет свою деятельность к уже начавшимся действиям другого лица или группы лиц. То есть умысел на совершение определенных действий может возникнуть одновременно у нескольких лиц без предварительного соглашения (сговора), каким-либо образом проявленного вовне (слова, жесты, мимика, телодвижения), либо лицо или несколько лиц

также без предварительного сговора сознательно присоединяются к совершению уже начавшегося преступления с молчаливого согласия всех участников. Однако это еще не говорит в пользу того, что структурная организация совместности в данном случае носит неорганизованный характер. Ведь мы оцениваем конкретный факт совместного совершения преступления, который обусловлен сочетанием объективных и субъективных признаков совместности, а они проявляются здесь в полном объеме.

Группой лиц без предварительного сговора фактически могут совершаться разные преступления против собственности, например хищения или уничтожение или повреждение имущества, и очевидно, что эти посягательства могут быть и более опасными, чем преступные деяния, совершенные по предварительному сговору. Это обусловлено тем, что предварительный сговор сам по себе предполагает точное, достаточно оптимальное число участников совершения конкретного преступления. В то время как численность групп без предварительного сговора может быть любой и достигать нескольких сотен или даже тысяч человек, так как они образуются под влиянием не только сознательно используемых, но в значительной степени случайных обстоятельств.

Наиболее часто встречающаяся на практике форма соучастия в преступлениях против собственности – совершение преступления *группой лиц по предварительному сговору*. От соучастия без предварительного сговора данная форма отличается наличием, во-первых, сговора между соучастниками (причем сговор может касаться самых разнообразных сторон совместного совершения преступления), во-вторых, временем достижения такого сговора – заранее. Предварительный сговор в общих чертах представляет собой заключение между участниками соглашения о совместном участии в преступлении и предполагает единство их намерений на совершение действий, образующих объективную сторону данного преступления. Такое соглашение должно состояться до момента начала выполнения объективной стороны конкретного состава преступления хотя бы с одним из участников. В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» при квалификации действий виновных как совершение хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору суду следует выяснять

следующие обстоятельства: а) наличие сговора соучастников до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества; б) состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла; в) какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления.

В том случае, когда соучастие возникает в процессе совершения преступления, предварительный сговор, без всякого сомнения, отсутствует. Поэтому одним из важнейших моментов, на который необходимо обращать внимание при квалификации преступлений, совершенных совместно, – это момент возникновения субъективной связи между соучастниками. Характер и форма состоявшегося между соучастниками сговора принципиального значения для квалификации не имеют. В целом предварительный сговор указывает на изменение степени совместности деяния, характеризуя устойчивость связей между соучастниками. То есть сговор о совершении преступления фактически является прямым свидетельством того, что степень организованности в такого рода деяниях возрастает, что повышает их результативность.

Теоретически, однако, не следует исключать ситуации, когда присоединяющиеся действия соучастника образуют предварительный сговор. Это возможно, например, если преступник в силу каких-либо обстоятельств временно приостанавливает начатую преступную деятельность (которая уже подпадает под признаки конкретного юридически начатого, но неоконченного преступления) и начинает подыскивать тех лиц, которые помогли бы довести ему преступление до конца. Однако при этом следует учитывать разъяснения, приведенные в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которым при квалификации действий двух и более лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, судам следует иметь в виду, что в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично. Однако это безусловно справедливое замечание Верховного Суда Российской Федерации

вызывает один вопрос: возможно ли учесть для такого лица признак совершения преступления группой лиц в рамках п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ?

В содержание предварительного сговора входит соглашение: а) о самом факте совершения конкретного преступления; б) о совместности общественно опасного поведения, т. е. о характере взаимодействия при совершении преступления и о тех ролях, которые будут играть соисполнители, совершая различные действия в рамках объективной стороны выполняемого состава преступления.

Давая оценку сговору как свойству, которое меняет степень совместности деяния и переводит его на качественно новый уровень, еще раз следует констатировать, что он в данном случае характеризуется уяснением объекта и предмета преступления, способа посягательства и др. То есть состоявшийся до совершения преступления сговор нередко носит самый общий характер. Поэтому зачастую возникают вопросы об уголовно-правовой оценке эксцесса одного из участников группы. Так, Пленум Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 5 сентября 1986 г. № 11 (ред. от 30 ноября 1990 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» указывает: если группа лиц по предварительному сговору имела намерение совершить кражу или грабеж, а один из участников применил или угрожал применить насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, то его действия следует квалифицировать как разбой, а действия других лиц – соответственно как кражу или грабеж при условии, что они непосредственно не способствовали применению насилия либо не воспользовались им для завладения имуществом потерпевшего. Аналогичное разъяснение содержится и в абз. 2 п. 14.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям ст. 161, 162 УК РФ. Кроме того, Пленум учел и то обстоятельство, что сговор – явление динамичное и в процессе совершения

преступления может видоизменяться, не порождая эксцесса одного из соисполнителей. И если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками. Аналогичные решения принимались Верховным Судом Российской Федерации и по конкретным уголовным делам.

И еще одно немаловажное обстоятельство: поскольку уголовный закон говорит о совершении преступления по предварительному сговору группой лиц, постольку внешне совместность в данной ситуации может проявляться: а) как соисполнительство⁸; б) как совершение преступления с распределением ролей при наличии двух или более соисполнителей⁹.

⁸ В соответствии с абз. 4 п. 9.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», «если исполнителем преступления является лицо, отвечающее признакам специального субъекта (предусмотренным, например, в частях 5–7 статьи 159, статьях 159.1, 160, 176, 178, 195–199.4, 201 УК РФ), то указанные деяния могут признаваться совершенными группой лиц по предварительному сговору только в случае, когда в совершении деяния участвовали два и более таких субъекта. Иные работники организации не могут признаваться соисполнителями указанных преступлений».

⁹ Стоит обратить внимание на одно существенное обстоятельство. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (абз. 1 п. 12) до внесения в него изменений постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» содержалось указание на то, что действия виновных следует квалифицировать по указанному признаку, если в совершении преступления участвовали два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности. Такое определение группы лиц по предварительному сговору было, как представляется, весьма удачным. Однако эти разъяснения были исключены из текста Постановления. Это дает основание предположить, что в состав группы лиц с предварительным сговором могут входить лица, не подлежащие уголовной ответственности, что, как представляется, идет вразрез с общей концепцией соучастия в преступлении. Что же касается использования для выполнения объективной стороны конкретных хищений лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других

В последнем случае действия участников совместного преступного деяния этой формы необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление, выполненное соисполнителями, т. е. по признаку совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Например, вполне вероятно квалификация по признакам пособничества хищению, совершаемому по предварительному сговору группой лиц.

Однако если лицо единолично выполняет объективную сторону состава преступления, а организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовали в совершении хищения чужого имущества, в соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору. В этом случае согласно ч. 3 ст. 34 УК РФ действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Именно в силу указанных выше обстоятельств в правоприменении спорным остается вопрос квалификации действий лиц, которые непосредственно не завладевают имуществом, однако выполняют иные действия, направленные на оказание содействия исполнителю преступления, например обеспечивают безопасность совершения кражи, вывозят похищенное, устраняют препятствия или выполняют какие-либо иные действия.

Абзац 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержит указание, в соответствии с которым уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой как за совершенные при соисполнительстве наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них, но другие участники

обстоятельств, то в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации использующий признается единственным исполнителем преступления (см., напр., пп. 12, 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»).

в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления). В данном случае Верховный Суд Российской Федерации признает соисполнительством в основном функции, обеспечивающие либо один из конструктивных элементов кражи – тайность изъятия, либо реализацию квалифицированных хищений – проникновение в помещение, хранилище, жилище. В противном случае говорить о соисполнении и, следовательно, о наличии группы лиц по предварительному сговору нельзя. Поэтому сомнительным представляется отнесение Верховным Судом Российской Федерации к соисполнению действий лица, вывозящего похищенное имущество после его изъятия, поскольку такого рода действия не входят в объективную сторону кражи. Примечательно, что до принятия Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 практика была несколько иной.

В пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указывается на необходимость учета конкретных действий виновных, непосредственно направленных на исполнение объективной стороны этих преступлений. Кроме того, учитывая особенности субъекта в составах преступлений, предусмотренных ст. 159.1–159.6, а также ст. 160 УК РФ, можно сделать вывод о том, что исполнителями (соисполнителями) данных преступлений могут быть лишь специальные субъекты. Например, в соответствии с разъяснениями, данными в п. 27 обозначенного Постановления Пленума, в качестве исполнителя присвоения или растраты может рассматриваться только лицо, обладающее признаками специального субъекта. Исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ, лица, не обладающие соответствующим статусом или полномочиями, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с лицом, которому это имущество вверено, должны нести уголовную ответственность по ст. 33 и ст. 160 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников. Наличие группы лиц

по предварительному сговору будет в том случае, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающие признакам специального субъекта присвоения или растраты (например, руководитель организации, в чьем ведении находится похищаемое имущество, и работник, несущий по договору материальную ответственность за данное имущество), которые заранее договорились о совместном совершении преступления. Поэтому возникает вопрос о квалификации хищения, совершенного лицами, одному из которых имущество вверено, а у другого таких правомочий не было, но оно помогало завладеть предметом.

Применительно к ст. 162 УК РФ нужно констатировать, что судебные органы признают разбой совершенным группой лиц по предварительному сговору в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществлял один из них, а второй обеспечивал безопасность или применял насилие либо создавал угрозу применения насилия¹⁰.

¹⁰ Так, С. признан виновным в совершении разбойного нападения группой лиц по предварительному сговору с Т. с целью завладения чужим имуществом в крупном размере, с проникновением в помещение.

С. занимался частной зубопротезной практикой и по роду деятельности сотрудничал с Б., который работал литейщиком. С. не расплатился с Б. за один из заказов. С., встретив своего знакомого Т., сообщил ему, что у литейщика в мастерской имеется в сейфе крупная сумма денег, и предложил завладеть ими. В процессе подготовки к преступлению С. сообщил о графике работы литейщика, описал обстановку в мастерской.

С. договорился с Т. о совершении разбойного нападения на потерпевшего с распределением ролей. Согласно договоренности Т. должен был оглушить потерпевшего, чтобы тот потерял сознание, и забрать деньги, а С. должен был наблюдать за окружающей обстановкой и обеспечивать безопасность, стоя у дверей мастерской.

Т., не ставя в известность С., взял с собой браунинг. Во время нападения Т. выстрелил не менее трех раз из пистолета в потерпевшего. Но поскольку после произведенных выстрелов потерпевший продолжал оказывать сопротивление и попытался задержать Т., тот убежал и вместе с С. скрылся с места преступления. Суд первой инстанции квалифицировал действия С. по п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения. В надзорной жалобе адвокат осужденного С. поставил вопрос об изменении судебных решений в отношении С. и переквалификации его действий с п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, поскольку разбойное нападение совершил лишь один Т., а С. явился соучастником покушения на грабеж.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил приговор без изменения, а надзорную жалобу адвоката – без удовлетворения по следующим основаниям.

Относительно применения уголовно-правовых норм о краже, грабеже и разбое Верховный Суд Российской Федерации в п. 14 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дает рекомендации, в соответствии с которыми применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, одним из виновных, охватываемое умыслом других участников группы, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, подлежит оценке по ч. 2 ст. 162 УК РФ как действия соисполнителей и в том случае, когда оружие и другие предметы были применены только одним из них. Аналогичные разъяснения даются и в п. 14.1 указанного Постановления в части причинения тяжкого вреда здоровью: если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил потерпевшему тяжкий вред здоровью либо смерть, действия всех участников группы следует квалифицировать по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего¹¹.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» в п. 14 также содержит разъяснения, в соответствии с которыми в случаях, когда согласно предварительной догово-

По смыслу уголовного закона (ст. 35 УК РФ) уголовная ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них.

Таким образом, заранее согласованные с Т. действия С., направленные на совершение разбоя, связанные с оказанием помощи непосредственному исполнителю разбоя, правильно расценены судом как соисполнительство разбойному нападению (Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2004 г. № 389П04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Аналогичные решения принимались и по другим делам (см., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2007 г. № 618П06. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹¹ Однако при этом действия лица, непосредственно причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекшие по неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также по ч. 4 ст. 111 или п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ соответственно.

ренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону состава вымогательства (например, высказывает требование либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Если же лицо осуществляет заранее обещанные передачу исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то, при отсутствии признаков участия в составе организованной группы, его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части ст. 163 УК РФ и ч. 5 ст. 33 УК РФ.

При неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения несколькими лицами по предварительному сговору действия каждого должны согласно рекомендациям Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в п. 24 постановления Пленума от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2025 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», оцениваться как соучастие в преступлении в виде соисполнительства (в соответствии с ч. 2 ст. 34 УК РФ). Поэтому действия виновных лиц квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ вне зависимости от того, кто из участников преступной группы фактически управлял транспортным средством. В данном случае, рекомендуя оценивать такие действия как соисполнительство, Верховный Суд Российской Федерации, видимо, исходил из того, что угон зачастую связан с преодолением препятствий при завладении транспортным средством (отключение систем сигнализации, отвлечение хозяина автомобиля либо лиц, ответственных за его охрану, применение насилия и т. д.), поэтому функции, обеспечивающие основное действие – завладение, являются соисполнением угона¹². Стоит отметить, что Верховный Суд Российской Федерации

¹² К., Б. и Я. заранее договорились о завладении транспортным средством путем применения насилия к водителю и удаления его из автомашины. С этой целью они остановили автомобиль под управлением Ч.

Во время следования Я. набросил на шею Ч. шнурок и стал затягивать его. К. остановил автомашину. Шнурок порвался, и потерпевший выскочил из автомобиля. Я. и Б. догнали потерпевшего, посадили на заднее сиденье, сами сели по бокам.

толкует объективную сторону завладения достаточно специфично – как завладение и поездка без намерения присвоить транспортное средство полностью или по частям (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»).

Такое толкование формально расширяет границы соисполнения данного преступления.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в рекомендациях по применению различных составов преступлений против собственности, которые, несомненно, находят отражение на практике, разрешил не все вопросы. Основные доводы сводятся к тому, что, например, объективная сторона хищения не исчерпывается действиями, состоящими в том, что субъект берет, переносит, получает или как-то иначе изымает имущество из владения потерпевшего.

Поскольку, например, структура объективной стороны кражи представляется достаточно сложной, то совершение преступления должно оцениваться с учетом специфичности того или иного способа хищения. Следовательно, для признания участника группы исполнителем кражи достаточно совершения им действия, которое непосредственно направлено на достижение общего преступного результата – завладение имуществом.

Можно сделать вывод о том, что участие в совершении преступления группой лиц по предварительному сговору может образовываться не только однородными действиями, но и разнородными, однако такими, которые в момент совершения преступления представляют собой содействие другим исполнителям.

К. повел автомобиль в безлюдное место. Б. душил потерпевшего, а Я. удерживал потерпевшего за руки.

Смерть потерпевшего Ч. наступила от сдавливания органов шеи петлей. Убедившись, что водитель мертв, Б. и Я. вытащили труп из автомашины.

Завладев автомашиной, осужденные катались на ней по городу, пока автомобиль не был остановлен сотрудниками милиции.

Согласно показаниям осужденных, Я. и Б. в присутствии К. оговорили возможность завладеть автомашиной, выбросив из нее водителя. К. согласился принять участие в планируемом преступлении, поскольку, кроме него, никто не умел управлять автомобилем (Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2007 г. № 498П06. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Конечно, на практике при анализе подобной ситуации сложно с достаточной точностью определить, какова была роль соучастника в совершении преступления – исполнитель, организатор, подстрекатель или пособник. Возможность осуществить это зависит от тщательного изучения объективной стороны конкретного состава преступления, выполненного в соучастии.

Обеспечивающее исполнение предполагает совершение одним или несколькими соисполнителями деяния, хотя и описанного в составе конкретного преступления, но при этом образующего не основное деяние, а обеспечение способа его совершения, или создания необходимой обстановки, или выполнения иных действий, способствующих его реализации. К примеру, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ законодатель называет виды завладения предметом хищения: а) изъятие; б) обращение; в) изъятие и обращение. Эти виды реализуются в конкретных формах хищений, определяя особенности соисполнения в зависимости от специфики предмета хищения и характеристики способа выполнения деяния: тайно, путем обмана, путем злоупотребления доверием, завладение вверенным имуществом, открытое, нападение¹³. Для корыстных преступлений против собственности, не являющихся хищениями, это такие действия, как, требование¹⁴, обман, злоупотребление доверием¹⁵, неправомерное завладение¹⁶. Для некорыстных посягательств на собственность – уничтожение, повреждение¹⁷.

¹³ См., напр., пп. 3–5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», определяющие способы завладения при краже, грабеже и разбое.

¹⁴ Так, в соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» вымогательство является оконченным преступлением с момента, когда предъявленное требование, соединенное с указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, доведено до сведения потерпевшего.

¹⁵ Обман и злоупотребление доверием, указанные в ст. 165 УК РФ, реализуются несколько иначе, чем те, о которых идет речь в ст. 159–159.6 УК РФ, что обусловлено механизмом причинения вреда объекту преступления.

¹⁶ См., напр., п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2025 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

¹⁷ Нужно заметить, что, например, ст. 167 УК РФ вообще не содержит признаков совершения преступления в группе, несмотря на распространенность

Рекомендации, касающиеся оценки деяния обеспечивающего исполнителя содержатся и в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». При этом стоит отметить, что в данных рекомендациях Пленума напрямую указывается на необходимость установления и учета конкретных действий виновных, непосредственно направленных на исполнение объективной стороны этих преступлений, что представляется абсолютно правильным, поскольку ограничивает возможность признания обеспечивающим исполнением действий, не являющихся таковыми, а образующих, к примеру, состав пособничества мошенничеству.

Разъяснения такого рода содержатся в абз. 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в соответствии с которым уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой как за совершенные при соисполнительстве наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них, но другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления). В данном случае Верховный Суд Российской Федерации признает соисполнительством, по сути, функции, обеспечивающие тайность изъятия.

Только законодательное описание конкретного состава преступления позволяет ответить на вопрос, какие действия нужно выполнить исполнителю, чтобы включиться в общую цепь причинности. Что касается различия в характере и объеме действий соучастников в подобной ситуации, то оно юридического значения практически не имеет – все лица остаются соисполнителями.

таких эксцессов. Поэтому в данной ситуации даже при фактическом соисполнении на квалификации это не отразится, однако существует возможность учета данного обстоятельства как отягчающего наказание в рамках п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Совершение преступлений против собственности *организованной группой* либо *преступным сообществом (преступной организацией)* представляет собой весьма распространенное явление. Эти формы соучастия характеризуются гораздо более высоким уровнем совместности в совершении преступления (о чем свидетельствует усложненный характер предварительного сговора), что придает им большую общественную опасность по сравнению с иными проявлениями организованной совместности. Поэтому, даже если лицо не выполняет объективную сторону конкретного состава преступления, его действия оцениваются как соисполнительство в силу наличия особой формы совместной преступной деятельности – организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией).

Данная практика закреплена в решениях Верховного Суда Российской Федерации. Например, в соответствии с абз. 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» при признании этих преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Аналогичные рекомендации даются и относительно квалификации действий участников преступного сообщества (преступной организации). Так, в соответствии с разъяснениями, приведенными в абз. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», действия участника преступного сообщества (преступной организации), не являющегося исполнителем конкретного преступления, но в соответствии с распределением ролей в составе этого сообщества выполняющего функции организатора, подстрекателя либо пособника, подлежат квалификации независимо от его фактической роли в совершенном преступлении по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации без ссылки на чч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ, а также по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

Таким образом, в отличие от рассмотренных ранее форм соучастия – совершение преступления группой лиц и группой лиц

по предварительному сговору, предполагающих в качестве участников исключительно соисполнителей, непосредственно участвующих в выполнении полностью или частично объективной стороны конкретных посягательств на собственность, специфика участия при совершении преступления организованной группой состоит в том, что допускается возможность признания соучастниками любых лиц независимо от тех функций, которые они выполняли при совершении конкретного преступления.

Поэтому возможны следующие виды участия в совершении преступления в составе организованной группы, признающегося соисполнением: а) непосредственное выполнение объективной стороны конкретного посягательства на собственность; б) обеспечение выполнения объективной стороны конкретного преступления путем создания необходимых условий (приискание объектов для посягательства, орудий и средств совершения преступления, поиск возможных способов сбыта похищаемого имущества, обеспечение транспортом и связью участников группы, иное обеспечение организованной группы, иное содействие совершению конкретных посягательств).

Такая юридическая фикция служит одной единственной цели – наиболее суровыми мерами покарать участников организованных преступных формирований. Дело в том, что в некоторых случаях обеспечение принципа справедливости, а также решение задач уголовного законодательства требуют определенных юридических правил, но они в силу различного рода обстоятельств из положений действующего уголовного законодательства не могут быть выведены. Поэтому приходится подводить при известных предположениях данный фактический состав к действующей уголовно-правовой норме. Однако представляется, что такая практика не вполне обоснованна, поскольку до невероятных пределов размывает понятие исполнения преступления, что едва ли соответствует основным уголовно-правовым принципам, а обеспечить максимальную жесткость наказания можно другими средствами.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Организованная группа, исходя из ее законодательного определения, обладает такими специфическими признаками, как *устойчивость* и *специальная цель объединения*. Поэтому квалификация преступления как совершенного организованной группой лиц предполагает, что виновные заранее объединились в устойчивую организованную группу для совершения одного или нескольких преступлений. И если предварительный сговор с содержательной стороны в основном и в теории, и на практике не вызывает сколько-нибудь серьезных разногласий, то устойчивость как своеобразный показатель степени организованности совместности общественно опасного поведения понимается в теории и на практике неодинаково.

Законодательного определения понятия «устойчивость» не дано. Поэтому суды вынуждены опираться на толкование данного понятия, которое содержится в постановлениях Пленумов Верховных Судов СССР и Российской Федерации. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 (ред. от 30 ноября 1990 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» указывается: под организованной группой следует понимать устойчивое объединение двух или более лиц с целью совершения одного или нескольких преступлений (п. 13.1).

Об устойчивости группы могут свидетельствовать, в частности, предварительное планирование преступных действий, подготовка средств реализации преступного умысла, подбор и вербовка соучастников, распределение ролей между ними, обеспечение мер по сокрытию преступления, подчинение групповой дисциплине и указаниям организатора преступной группы. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» организованная группа определяется как группа из двух или более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств (п. 10).

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» отмечается, что об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь

между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений (п. 4).

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется: организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла (п. 15). Абзац 3 п. 15 данного Постановления содержит описание признаков устойчивости организованной группы. В числе основных признаков устойчивой организованной группы Верховным Судом Российской Федерации называется большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, техническая оснащенность группы, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей).

Даже простой анализ приведенных рекомендаций показывает, что Верховный Суд идет не по пути содержательного раскрытия понятия «устойчивость», а по пути увеличения признаков, которые якобы раскрывают данное понятие или указывают на его существование. Причем в перечень признаков, указывающих на «устойчивость», попадают и такие оценочные категории, которые к устойчивости отношения не имеют (например, «сплоченность», «постоянство форм и методов преступной деятельности» и др.).

Лексическое значение слова «устойчивый» – «не подверженный колебаниям, постоянный, стойкий, твердый»¹⁸. В качестве характеристики совместности деятельности людей термин «устойчивость» используется в большей мере в социальной психологии и также рассматривается в качестве показателя длительности существования конкретной группы. Данное обстоятельство было воспринято и судебной практикой.

¹⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 22-е. М., 1990. С. 838.

Можно сделать вывод о том, что устойчивость характеризуется наличием достаточно прочных постоянных связей (касающихся совершения одного преступления или нескольких преступлений) между членами группы и специфическими индивидуальными формами и методами деятельности. Вместе с тем в социально-психологической науке не вызывает сомнений положение, в соответствии с которым устойчивость понимается как выражение жизнедеятельности группы. В уголовно-правовой теории и судебной практике в качестве показателей устойчивости выделяется целый ряд объективных и субъективных признаков:

1) объективные признаки устойчивости: а) продолжительное по времени существование группы и стабильность ее основного состава; б) разработка плана совместной преступной деятельности либо плана совершения конкретного преступления, требующего довольно тщательной разработки и планирования; в) предварительное распределение ролей между членами организованной группы (распределение ролей должно носить устойчивый характер, т. е. каждый член такой группы при совершении преступлений выполняет, как правило, узкий круг функций, возложенных на него организатором); г) обеспеченность орудиями и средствами совершения преступления; д) единообразии способов и форм, в которых протекает преступная деятельность;

2) субъективные признаки устойчивости: а) умыслом лиц, входящих в организованную группу, охватывается долгосрочный характер взаимодействия участников группы по поводу совершения преступлений; б) осознание того, что основной состав группы остается постоянным, т. е. участники группы имеют сознательное представление о других соучастниках как неизменных участниках совершаемых преступлений (или одного преступления, которое требует тщательной разработки); в) осознание своей роли в организованной группе, а также роли других участников группы, в том числе и руководящей роли организатора.

Основой выделения именно этих элементов послужило то, что устойчивость является следствием взаимодействия, сложившегося в организованной группе, и обуславливается: а) личностной обозначенностью ее членов, т. е. способом личностного выражения в данном объединении; б) структурой организованной группы.

Учитывая особенности участия в организованной группе, следует отметить одно немаловажное обстоятельство. При вменении признака совершения преступления организованной группой необходимо принимать во внимание, что в совершении конкретного преступления могут участвовать не все участники организованной группы. С организатором или руководителем организованной группы ситуация предельно проста – он подлежит ответственности как исполнитель за все совершенные организованной группой посяательства на собственность независимо от того, принимал ли он в их совершении непосредственное участие, при условии, если они охватывались его умыслом. Однако с другими участниками группы ситуация несколько иная – они в соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ подлежат ответственности как соисполнители исключительно за преступления, в подготовке или совершении которых участвовали. Таким образом, можно сделать вывод, что для простого участника организованной группы факт осведомленности о конкретном, например, хищении является недостаточным для вменения ему данного хищения в вину. Важно, чтобы лицо участвовало либо в приготовительных действиях, либо в непосредственном совершении преступления. Констатация данного факта представляется важным обстоятельством реализации принципа личной ответственности.

Так, если хищение совершено организованной группой лиц и был причинен значительный ущерб гражданину либо похищено имущество в крупном или особо крупном размере, то ответственность за него в полном объеме несет и руководитель группы, если данное хищение охватывалось его умыслом, даже если он и не принимал непосредственного участия в его совершении, а также те ее члены, которые участвовали в подготовке или совершении хищения. Решая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хищение в составе организованной группы, следует исходить из общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

Устойчивость как показатель степени организованности совместности зависит от трех основных компонентов. Во-первых, от интенсивности деятельности преступной группы. Устойчивые группы – это только действующие группы, поскольку именно преступная деятельность способствует развитию взаимодействия между членами группы и служит своеобразным контролером по проверке его прочности при подготовке и совершении конкретного преступления. Во-вторых, от удовлетворения личного интереса каждого участника общественно опасного деяния. Чем в большей мере группа ориентирована на формирование личностных связей, а не только функциональных, защиту интересов отдельных ее членов, тем более устойчива эта группа. В-третьих, от наличия своеобразной психологической защищенности каждого члена группы.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что в подавляющем большинстве случаев анализируемая организованная группа лиц появляется для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, однако теоретически не исключается и возможность ее образования для совершения преступлений иных категорий (по крайней мере, действующее уголовное законодательство на этот счет никаких ограничений не содержит).

Организованная группа, как уже отмечалось, именно благодаря высокой степени совместности в целом обладает повышенной опасностью по сравнению с простым соучастием с предварительным сговором. Однако это еще не является достаточным основанием для того, чтобы действия лиц, являвшихся членами организованной группы, оценивались как юридически тождественные – соисполнение, о чем наглядно свидетельствуют тенденции применения уголовного закона. Так, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация) допускают рассмотрение в качестве субъекта преступления лиц, обладающих признаками только общего субъекта уголовной ответственности, даже в тех случаях, когда состав преступления, выполненный участниками этих объединений, содержит указание на специального субъекта данных деяний¹⁹.

¹⁹ Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (абз. 2, 3 п. 28) приведено следующее разъяснение: «В организованную группу по смыслу части 3 статьи 35 УК РФ

Так, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 (ред. от 30 ноября 1990 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» в п. 13.1 содержит указание о том, что необходимо отграничивать вымогательство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, от вымогательства, совершенного организованной группой. При этом далее (абз. 3 п. 13.1) рекомендуется действия лиц, совершивших вымогательство в составе организованной группы, независимо от роли каждого участника рассматривать как соисполнительство. В абз. 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» приведены практически аналогичные рекомендации. В отличие

могут входить также лица, не обладающие признаками специального субъекта, предусмотренными частями 5, 6 или 7 статьи 159, статьей 159.1 или статьей 160 УК РФ, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений.

В случае признания мошенничества, присвоения или растраты совершенными организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части статей 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ».

В соответствии с абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в организованную группу (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ и п. «а» ч. 7 ст. 204 УК РФ) в организованную группу помимо одного или нескольких должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта получения взятки или коммерческого подкупа.

Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» «в организованную группу (пункт „а“ части 4 статьи 174.1 УК РФ), помимо одного или нескольких лиц, которыми в результате совершения преступления приобретены легализуемые денежные средства или иное имущество, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ. В случае признания совершения названного преступления организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этого преступления, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по пункту „а“ части 4 статьи 174.1 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ».

от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, в соответствии с п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в организованную группу могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. Верховный Суд Российской Федерации указывает на то, что в случае признания мошенничества, присвоения и растраты совершенными организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Можно сделать вывод о том что, видимо, Верховный Суд Российской Федерации, предлагая таким образом оценивать действия членов организованной группы, руководствовался исключительно желанием отразить общественную опасность такой группы и подвергать равной уголовно-правовой репрессии всех ее участников, рассматривая их как соисполнителей, вид и размер наказания которым, как правило, является большим по сравнению с другими соучастниками.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации представляется не вполне обоснованной, поскольку прямо противоречит законодательному определению соисполнительства, данному в ст. 33 УК РФ. Для того чтобы лицо было признано соисполнителем, необходимо выполнение этим лицом полностью или частично действий, которые составляют объективную сторону преступления, совершаемого в соучастии. В противном случае речь может идти только о соучастии с юридическим распределением ролей и, соответственно, квалификация должна осуществляться со ссылкой на конкретную часть ст. 33 УК РФ независимо от степени согласованности действий соучастников. Что же касается назначения наказания участникам организованной группы, то здесь нельзя не отметить, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит никаких ограничений относительно зависимости вида и размера наказания от характера участия в совершении преступления.

Глава 2. АНКЕТНЫЙ ОПРОС КАК ТЕХНОЛОГИЯ СБОРА ПЕРВИЧНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ, КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРАВУ

Анкетный опрос: значение, виды, процедуры. Важной составляющей эмпирической информации при проведении исследований по уголовному праву, криминологии и уголовно-исполнительному праву являются результаты, полученные при помощи технологии опроса. Его суть заключается в получении информации о тех или иных социально-правовых явлениях, таких как преступность, сопутствующих «фоновых» явлениях (токсикомания, бродяжничество, проституция), событиях общественной жизни, зачастую выступающих факторами преступности или ее условиями, в совокупности представляющих собой ее детерминацию. Значимость метода опроса имеет свои преимущества, которые определяются:

организационными приоритетами (опрос организовать легче, чем осуществить любой другой метод социологического исследования);

относительной дешевизной;

возможностью бесконтактного проведения (с использованием онлайн-опроса, что повышает процент анонимности опроса, а значит, снижает процент искажения информации);

содержательностью и универсальностью информации. При помощи опросного метода можно получить любую информацию по проблеме миграционной преступности, организации профилактической работы в местах лишения свободы, полноте и достаточности признаков любого состава преступления и практики его применения при квалификации преступления. Такие сведения не всегда полно отражены документально или могут фиксироваться с помощью наблюдения;

возможностью максимального использования технических средств для обработки полученных в результате опроса данных.

Вместе с тем опросные методы имеют и свои негативные стороны. На качество полученной этими методами информации влияют факторы, связанные, с одной стороны, с личностью респондента (уровень образования, культуры, свойства памяти,

защитные механизмы психики, отношение к исследуемой проблеме и к организации или человеку, проводящему опрос). С другой – факторы, связанные с деятельностью самого исследователя (начиная с наличия навыков в составлении опросного листа и заканчивая мастерством работы анкетера с респондентом).

На результаты опроса негативно влияет присутствие при опросе посторонних лиц, неудачно выбранное время и место опроса, несоблюдение принципов анонимности, плохая организация самой процедуры опроса.

Основными видами опросных методов являются анкетный опрос и интервью, которые в зависимости от ряда признаков подразделяются на сплошные и выборочные (по масштабам охвата генеральной совокупности), индивидуальные и групповые (по процедуре проведения), массовые и экспертные (по глубине знания проблемы), устные и письменные (по форме проведения опроса и фиксации ответов), очные и заочные (по способу общения с респондентом), одноразовые и многократные (по частоте проведения опросов), стандартизированные и нестандартизированные (по уровню стандартизации процедур опроса).

Специфика опросных методов заключается в том, что в них с логической точки зрения реализуется система «вопрос-ответ», в последующем проводится качественная и количественная обработка полученных ответов.

Как технология сбора первичной социологической информации для исследований по уголовному праву, криминологии и уголовно-исполнительному праву чаще всего избирается анкетный опрос.

Само название этого метода предполагает его «структуру: два крайних полюса – исследователь (сложное понятие, включающее в себя как разработчиков основных документов опросного метода, так и тех, кто непосредственно осуществляет опрос анкетеров) и респондент (тот, кого опрашивают – анкетированный), а также звено, опосредующее их отношения, – анкета (или инструментарий)»²⁰. Процедура применения данного метода предусматривает основные этапы, к которым относятся:

²⁰ Коробов В.Б., Готчина Л.В. Социальные технологии профилактики наркомании : учеб. пособие / под ред. В.А. Кутина. Белгород, 2006. С. 24–25.

подготовительный – предусматривает разработку программы опроса, составление плана и графика работ, проектирование инструментария, его пилотажную проверку, распространение инструментария, составление инструкций для анкетера, респондента и других лиц, участвующих в опросе, подбор и подготовку анкетеров, решение организационных проблем;

оперативный – процесс анкетирования, имеющий свои собственные стадии поэтапного осуществления;

результатирующий – осуществляется обработка полученной информации. Исходя из структуры метода, определяется его характеристика, которая включает в себя ряд требований, предъявляемых к исходным документам анкетного опроса, к анкетеру, к респонденту и к самому инструментарию (к анкете, опросному листу).

Прикладное социологическое исследование (практическая его реализация) отличается от теоретического тем, что здесь работает не один исследователь, а целая группа (исследовательский коллектив) во главе с опытным научным руководителем. Внутри такого коллектива, как правило, существует творческое разделение труда. Как правило, кто-то специализируется на составлении программы исследования, кто-то отвечает за подготовку инструментария, другие организуют работу опросной сети и проводят само анкетирование, на завершающем этапе кто-то занимается машинной и аналитической обработкой полученных данных.

Анкетеры для осуществления анкетного опроса должны обладать определенными качествами: психологическими, нравственными и интеллектуальными. Как правило, это все те, чья работа позволяет входить в контакт с большим числом людей, соответственно, иметь навыки общения. Зачастую сам анкетер не является разработчиком инструментария и может не знать о целях и задачах исследования, поэтому он нуждается в соответствующем информационном обеспечении (инструктаже), которое дает возможность уточнить задание по организации и процедуре опроса, обсудить нюансы работы с анкетой и респондентами, сроки выполнения работы и сдачи анкет. Это требует от анкетера пунктуальности, ответственности, точности, обязательности, внимательности при исполнении своей работы, что обеспечивает надежность и достоверность результатов анкетирования.

Как правило, после инструктажа анкетеру вручается специальная инструкция с подробным описанием содержания работы и рекомендациями по ее исполнению. Предполагается, что анкетер осознает, что именно от него зависит качество проведения опроса, поэтому он должен обладать организаторскими способностями, быть общительным, коммуникабельным, способным побудить респондента к сотрудничеству, создать атмосферу доверия и рабочую обстановку по заполнению анкет. Все приемы труда анкетера должны способствовать качественному заполнению анкет респондентами. Для этого анкетер должен четко следовать выборке и инструкции, хорошо знать инструментарий, ориентироваться в исследуемой проблеме, грамотно проинструктировать респондентов по технике заполнения анкеты и об ее возврате. По окончании анкетирования анкетер должен представить отчетные документы опроса: заполненные анкеты, маршрутные листы (с указанием, когда, где и в какое время проходил опрос и кто был опрошен), отчет о проведенном опросе (с указанием, кто, где, в какое время и в каком месте проводил анкетный опрос, сколько человек участвовало в исследовании, какие есть замечания по процедуре опроса). Соответствующую подготовку должны пройти и опрашиваемые. Их необходимо нацелить на добросовестную, максимально строгую и точную процедуру заполнения анкеты, о чем сообщается в краткой беседе.

Каждое конкретное социологическое исследование требует создания особой анкеты, но все они имеют общую структуру. Любая анкета включает в себя три основные части: вводную, содержательную (основную часть) и заключительную (паспортичку). Во введении указывается, кто проводит исследование, его цель и задачи, способ заполнения анкеты, подчеркивается анонимный характер ее заполнения, а также выражается благодарность за участие в анкетировании. К вводной части примыкает и инструкция по заполнению анкеты. Паспортичка (демографическая часть) содержит в себе сведения о респондентах для проверки надежности информации. Это вопросы, характеризующие пол, возраст, образование, социальное положение, стаж работы респондента и др. Особое значение имеет составление основной (содержательной) части анкеты. Содержащиеся в ней виды задаваемых вопросов, порядок их размещения, формализация предполагаемых ответов определяют возможность получить наиболее достоверную инфор-

мацию об изучаемом объекте. Для этого необходимо хорошо ориентироваться в теме исследования.

Формулировка вопросов – самый важный этап составления анкеты, которому предшествует процедура эмпирического определения основных понятий исследования и отбора соответствующих эмпирических индикаторов, каждому из которых соответствует один из вопросов анкеты. В этой связи большое методологическое значение имеет типологизация вопросов, без знания которой невозможно построить грамотную анкету.

По *предметному содержанию* вопросы можно подразделить следующим образом:

вопросы о фактах. Целью этих вопросов является получение информации о социальных явлениях, о состоянии правоприменения. При заполнении данных паспортички вопросы могут касаться личности респондента, его действий, поступков или их последствий;

вопросы о знаниях. Их цель состоит в выявлении знаний респондента о состоянии преступности, ее детерминации, личности преступника. Как правило, это вопросы об осведомленности опрашиваемого. Такие вопросы могут содержать задания-ситуации, решение которых возможно при применении определенных навыков и использовании знаний;

вопросы о мнении. Эти вопросы направлены на получение мнений, оценивающих прогнозные показатели преступности, результаты новых профилактических кампаний, например пробации, пожеланий, предложений о совершенствовании механизма противодействия преступности, нормы права и ее правоприменения. Ответом в этом случае выступают оценочные суждения, основанные на индивидуальных представлениях. Через мнения выявляется отношение человека к проблеме;

вопросы о мотивах. Эти вопросы призваны выявить субъективное представление человека (например, следователя, преступника) о мотивах своей деятельности. Для выявления подлинной картины мотивации деятельности необходим целый комплекс подобных вопросов.

По *логической природе* выделяют:

основные вопросы. На них строятся выводы об изучаемом явлении, они составляют большую часть анкеты;

вопросы-фильтры. Эти вопросы задаются для отсева некомпетентных лиц при опросе по изучаемой проблеме или же с целью выделения части респондентов из всего массива по определенному признаку;

контрольные вопросы – служат для проверки устойчивости, правдивости и непротиворечивости ответов, определения их искренности и достоверности;

наводящие вопросы – помогают правильно осмыслить основной вопрос для получения более точного ответа. По своей психологической функции, определяющей отношение респондента к самому факту анкетирования и к тем вопросам, на которые ему предстоит ответить, наводящие вопросы делятся:

а) на *контактные вопросы*, их цель – создать интерес к исследованию о проблемах преступности в регионе, квалификации преступления определенного вида. Как правило, это первый или один из первых вопросов анкеты, который по форме должен быть весьма простым и касаться самого респондента, как бы настраивать его на заинтересованное участие в анкетировании. В качестве контактных вопросов часто используют вопросы чисто событийного характера. Главная же функция этого вида вопросов – побуждение респондента к наиболее полному и искреннему представлению своего мнения по существу исследуемой проблемы;

б) *буферные вопросы*, их цель – переключение внимания при переходе от одного тематического блока к другому; часто этот вид вопроса представляет собой не только собственно вопрос, но и повествовательную преамбулу к нему, где исследователь поясняет логику мысли, создавая этим симметрию общения: респонденту корректно предлагается переключиться с одной проблемы на другую. Ему предлагается подумать и переключиться. Вопросы этого вида, как правило, начинаются с общей формулы: «Как вы думаете?». Далее идет описание новой проблемы;

прямые вопросы – направлены на выражение отношения респондента к анализируемой проблеме, их оценку с его собственной позиции;

косвенные вопросы. При ответе на эти вопросы респондент отвечает от имени группы, в безличной форме, что позволяет ему как бы скрыть свою собственную позицию и усилить критический акцент своих высказываний. Кроме того, косвенные вопросы задаются и тогда, когда прямые вопросы не вполне удобно задавать

или есть предположение, что на них не будет получено искренних ответов, это ситуации, касающиеся частных сторон жизни (например, мотивов употребления алкоголя, коррупции).

По **характеру ответов** на поставленные вопросы они подразделяются на следующие виды:

открытые вопросы – предполагают оригинальный повествовательный ответ в виде слова, предложения или нескольких предложений. Формально эти вопросы выделяются тем, что за ними следует несколько пустых строк, которые и следует заполнить. Полученный ответ при этом носит естественный характер, дает максимум информации по теме исследования. Однако возникают сложности, связанные с обработкой полученных ответов. Отметим, что процент ответов респондентами на открытые вопросы сегодня минимальный. Это объяснимо рядом причин: трата большего времени на набор формулировок, снижение анонимности и др.;

закрытые вопросы – ответы на них предполагают выбор из предложенных респонденту вариантов. Такие вопросы достаточно легко обработать, отпадает необходимость последующей интерпретации полученных ответов, но при этом есть опасность навязать свои ответы респонденту в случае предоставления недостаточно полного перечня вариантов ответов. Поэтому всегда предлагайте респонденту вариант открытого ответа для его индивидуальной записи в виде «Иное (укажите)» или «Другое...». То есть рекомендуется чаще применять полузакрытые вопросы;

полузакрытые вопросы. Здесь наряду с набором определенных вариантов ответов в ситуации невозможности выбрать подходящий вариант из предложенного перечня респонденту предоставляется возможность высказать свое мнение по обсуждаемой проблеме в свободной форме, т. е. соединяются признаки открытости и закрытости;

шкальные вопросы. Ответ на эти вопросы дается в виде шкалы, в которой необходимо отметить тот или иной показатель;

вопросы-меню. Здесь респонденту предлагается выдать любое сочетание вариантов предлагаемых ответов;

дихотомические вопросы (или альтернативные) – предполагают ответы по принципу «да–нет», носят взаимоисключающий характер. При этом предложенный перечень альтернатив должен быть полностью исчерпывающим, а сами альтернативы должны

быть перемешаны без смещения в какую-либо сторону, т. е. уравновешены.

Процедура составления анкеты представляется ответственным делом, связанным с формулированием гипотез в вопросах респонденту на доступном языке. Составление анкеты требует компетентности и опыта исследователя, так как вопросы анкеты должны быть одинаково поняты различными социально-демографическими группами населения, изложены доступно, а сама анкета должна соответствовать критериям достоверности, надежности и валидности. Поэтому особое внимание должно быть уделено верстке анкеты.

Верстка анкеты предполагает группировку вопросов в итоговую структуру. Тут речь идет и о типографском оформлении анкеты, и о логике компонования вопросов, и их последовательности. Сформированная система вопросов должна быть проста для заполнения и обработки. Все разделы анкеты могут иметь пояснения и выделяться особым шрифтом перед соответствующими блоками вопросов. Все блоки вопросов и сами вопросы логически связаны между собой, но логика построения анкеты может не совпадать с логикой обработки информации. При необходимости перед каждым блоком вопросов можно давать пояснения, как работать с вопросом (особенно это важно при наличии вопросов-таблиц), как отмечать выбранный вариант ответа. Все вопросы анкеты должны быть пронумерованы по порядку, варианты ответов на вопрос также нумеруются по порядку. Категорически запрещается разрывать текст вопроса и переносить его на другую страницу. Хорошо использовать разный шрифт при печатании вопросов и ответов, при возможности использовать цветную печать. Можно использовать рисунки для снятия психологического утомления респондента. Иллюстративно могут быть оформлены и некоторые вопросы, что разнообразит технику заполнения анкеты, позволяет избежать монотонности восприятия текста. Анкета должна быть исполнена четким шрифтом, предусматривать достаточное место для записи ответов на открытые вопросы и четкие стрелки-указатели переходов от одних вопросов к другим при фильтрации респондентов. К вопросам желательно размещать пояснительную информацию, например диспозицию нормы, если вопрос связан с ее содержанием, приведением конкретных данных, если вопрос об их оценке.

Сама же последовательность вопросов может быть сформирована либо методом воронки (компоновка вопросов от наиболее простых к более сложным), либо определена методом поэтапного развертывания вопросов (пятимерный план Гэллапа). При этом необходимо помнить, что в любом случае количество вопросов в анкете лимитировано. Практика показывает, что анкета, требующая для заполнения более 45 минут, несет в себе больше случайной или недостаточной информации (что связано с усталостью респондента). Поэтому оптимальным считается время заполнения анкеты в течение от 25 до 45 минут, чему соответствует 25–30 вопросов по теме исследования.

Совершенно очевидно, что каждый вопрос должен быть задан нейтрально со стороны исследователя, предполагать точный ответ, не должен быть двусмысленным. Вопросы должны быть понятно и кратко сформулированы, а их результаты после обработки представлены в таблицах, диаграммах, схемах. Приведем их некоторые примеры.

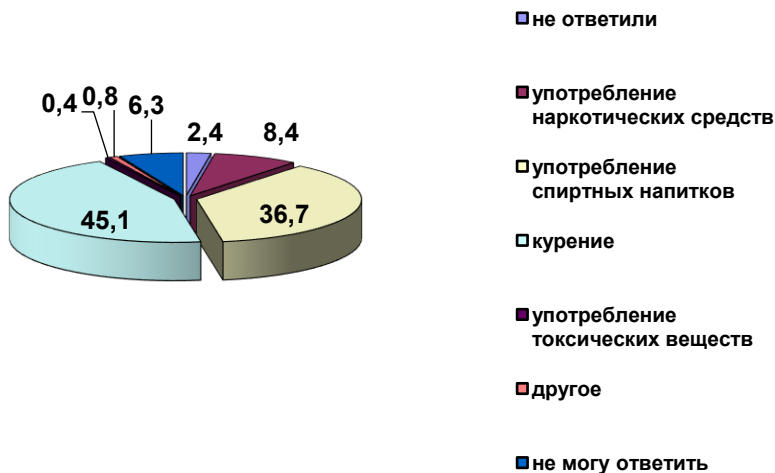

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Укажите, какие вредные привычки более всего распространены среди Ваших сверстников» (в %)

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к наркомании?» (в %)

Варианты ответов	Не ответили	11 лет	12 лет	13 лет	14–15 лет	16–19 лет
Не ответили		0,0	1,3	1,1	1,3	0,4
Меня эта проблема не волнует	0,0	0,0	18,7	11,7	16,0	9,6
Это страшное явление, необходимо принимать меры по борьбе с ней	11,1	73,7	54,7	56,4	49,0	80,8
Отношусь отрицательно	0,0	10,5	22,7	29,8	28,2	2,9
Не вижу в ней ничего плохого	0,0	5,3	1,3	0,0	2,2	3,3
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	2,5
Не могу ответить	11,1	10,5	1,3	1,1	2,2	0,4

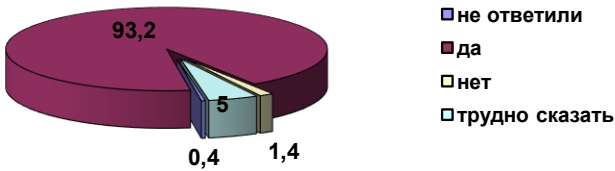

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, опасна ли для молодежи наркомания?» (в %)

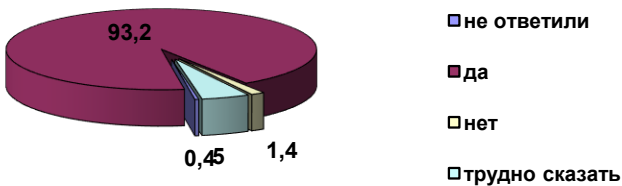

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Возможно ли излечиться от наркомании?» (в %)

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие органы, по Вашему мнению, реально занимаются проблемой наркомании? (возможно три варианта)»

Варианты ответов	% ответивших
Не ответили	1,4
Церковь	5,0
Органы местного самоуправления	6,8
Учебные заведения	14,9
Общественные объединения	4,4
Органы здравоохранения	33,3
Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав	26,5
Средства массовой информации	16,9
Органы по работе с молодежью	32,1
Социальные работники	34
Полиция	27,3
Никто не занимается	15,3
Другое	0,8
Затрудняюсь ответить	9,4

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы о том, куда следует обратиться для проведения лечения от наркозависимости?» (в %)

Варианты ответов	Не ответили	Да	Нет	Не могу сказать
11 лет	0,0	52,6	36,8	10,5
12 лет	2,7	68,0	20,0	9,3
13 лет	1,1	75,5	10,6	12,8
14 лет и старше	2,2	58,0	25,0	14,7

Т а б л и ц а 4

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы, кто может помочь справиться с наркозависимостью?»²¹

Варианты ответов	% ответивших в возрасте 16–19 лет	% ответивших в возрасте 11–15 лет
Не ответили	2,6	2,7
Нарколог	52,0	64,5
Психиатр	14,7	15,1
Психолог	18,7	23,5
Педагог	1,6	5,1
Друзья	5,0	3,7
Родители	9,0	16,3
Никто кроме себя	33,9	26,3
Вообще никто	1,0	1,6
Другое	1,8	1,6
Не знаю	12,9	8,4

Составление анкеты предполагает ее проверку, апробацию, уточнение. Для оценки качества анкеты проводится пилотажное исследование. В ходе его осуществляется проверка содержания анкеты, формулировок и последовательности вопросов, вариантов ответов и т. д. Пилотаж проводится на выборке до 100 человек опытным социологом в форме интервью с фиксацией ответов респондента, его реакций на содержание вопросов, их понимание и восприятие, а также с обязательной фиксацией времени, затраченного на опрос. Все это позволяет выявить недостатки инструментария, он корректируется и направляется к массовой работе.

Если в ходе пилотажного исследования устанавливается, что многие из опрашиваемых отвечают, что не знают или вообще оставляют вопрос без ответа, то это означает, что вопрос непонятен респонденту, если же большинство опрашиваемых дают

²¹ Готчина Л.В. Молодежный наркотизм: состояние и проблемы профилактики (на материалах социологического исследования в Центральном федеральном округе России) : монография. Белгород, 2006. С. 98.

однотипный ответ, это означает, что вопрос имеет трафаретную форму, не нацеливает на выявление специфической информации. Когда вопрос вызывает у респондентов разнообразные комментарии и замечания, значит, он разработан недостаточно глубоко и ясно, упущены существенные моменты о спрашиваемом предмете.

Отказ заполнять анкету свидетельствует о том, что она либо непонятна, либо поставлены слишком «лобовые» вопросы, либо респондент не получил соответствующей подготовки, и здесь необходимо что-то поменять. Пилотажное исследование, таким образом, способствует обеспечению валидности анкеты (ее способности обеспечить получение необходимой информации), повышению ее надежности в качестве инструментария исследования.

Важной методологической проблемой опросного метода является характеристика самого процесса анкетирования. Кроме некоторых вышеназванных аспектов этой проблемы назовем некоторые типичные характеристики этого процесса, с тем чтобы выявить основные типы анкетирования, исходя из места и средств его проведения.

По месту проведения анкетирования обычно указывают на опрос по месту работы, службы. Однако этим не исчерпывается жизнедеятельность человека. Именно по ее сферам и можно типологизировать виды анкетного опроса: по месту жительства (месту заключения), по месту работы, в местах лечения, отдыха, развлечения, просто прохожих.

По способу распространения анкет опросы подразделяются: на *раздаточные* – бумажный вариант или ссылка на анкету; *почтовые*;

прессовые – анкета предлагается в прессе;

телетайпные – при этом способе распространение и сбор инструментария и сопровождающих его документов осуществляются с помощью телеграфной сети.

По типу исследовательских задач опросы бывают:

глубинные – нацелены на получение поисковой информации об организованной преступности в регионе, эффективных мерах профилактики преступности несовершеннолетних;

фокусированные – собираются данные по конкретной проблеме наркоситуации: например, распространение наркомании среди школьников;

стандартизированные – нацелены на получение статистической информации;

социометрические – нацелены на получение информации о взаимоотношениях в группах подростков.

По уровню компетентности респондентов различают:

массовый опрос – мнение неспециалиста по той или иной теме;

массовый опрос в сотрудничестве с исследователем – предполагает информационную помощь респонденту со стороны анкетера в осмыслении анализируемой ситуации;

симптоматический опрос – достаточное знание у респондента общей информации без глубокого осмысления задач и целей исследования;

экспертный опрос. Он проводится зачастую с прогностной целью. Для ее достижения анкетер с промежутком времени задает вопросы экспертам по интересующим его вопросам. На основании полученных результатов можно сформировать динамику экспертного прогноза, а по прошествии времени оценить его достоверность и качество (табл. 5).

Попытка предвидения будущего – научно аргументированного суждения о состоянии преступности, изменении ее уровня, структуры для формирования оптимальных целей при организации профилактической деятельности важна.

Прогнозирование формируется на базе двух функций: познания и оценивания. Познание связано с осознанием сущности социально-правового явления: преступности, ее тенденций на современном этапе, причин и факторов появления и развития негативных последствий, субъектов и объектов профилактического воздействия.

Т а б л и ц а 5

Как, по Вашему мнению, изменится наркоситуация в Вашем регионе в ближайшие 5–7 лет?²²

Значения	% экспертов, исследование 2010 года	% экспертов, исследование 2006 года	% экспертов, исследование 2002 года
Количество молодых наркоманов увеличится, но незначительно	46,54	32,56	18,80
Количество молодых наркоманов будет расти	4,66	2,33	–
Количество молодых наркоманов будет расти неуклонно	–	–	25
Ситуация принципиально не изменится	18,60	18,60	18,8
Количество наркоманов незначительно снизится	13,94	20,93	25
Можно прогнозировать резкое снижение количества молодых наркоманов	4,62	18,60	–
Снизится темп роста количества наркоманов, а уровень наркотизма возрастет (увеличение наркоэкспериментаторов и иных проявлений наркотизма)	11,64	4,65	–
Иное	–	2,33	12,40

Целеполагание – это интеллектуальная деятельность человека по выработке целей своей деятельности.

Научное предвидение – это предположение о ненаблюдаемых предметах (процессах) прошлого и настоящего, а также возможных явлениях будущего, выдвигаемое на основе сформулированных теорий, законов, гипотез¹. Оно предусматривает исследовательскую работу, в том числе экспериментальную, его непосредственное осуществление является умозаключением от прошлого к будущему.

²² Готчина Л.В. Молодежный наркотизм в современной России: состояние и профилактика : монография. СПб., 2013. С. 216.

¹ Виноградов В.П., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972. С. 17.

В литературе прогнозирование часто отождествляется с планированием, что является неверным. Одни ученые считают, что прогнозирование включает разработки, предшествующие планированию. Другие – рассматривают его как этап, последующий за планированием. Третьи противопоставляют прогнозирование как подход к стихийным, неуправляемым процессам природы или общества планированию как способу регулирования управляемых социальных процессов²³. Между ними существует опосредованная связь. В качестве опосредствующих звеньев выступают цель и норма, после выработки и принятия которых возникает вопрос о плане реализации этой нормы. Поэтому прогнозирование предназначено для выработки на его основе социально значимой цели.

Объяснение полученных результатов анкетирования экспертов наиболее сложное. Это объяснимо, во-первых, категорией лиц, привлекаемых в качестве анketируемых. Экспертом может быть отобран не любой человек, считается, что к ним можно отнести «узких» специалистов по исследуемой тематике. Это могут быть ученые и практики, обладающие многолетним опытом и (или) стажем деятельности, непосредственно касающимися вопросов исследования, защитившие диссертации по указанной теме и продолжающие заниматься разработкой теоретических вопросов, непосредственно связанных с направлением анкетирования. С учетом такого качественного подбора анketируемых он представляет собой штучный отбор экспертов, поэтому сложность интерпретации полученных результатов связана с тем, что исследователь зачастую обладает меньшими научными познаниями, чем анketируемый, и не всегда может дать правильное объяснение результатов. Однако оно имеет право на существование как авторское, полученное в результате собственного проведенного исследования, а его выводы могут быть предметом дальнейшей научной дискуссии, но это всегда полученный научный результат.

Интерпретация результатов анкетирования экспертов может быть различна. Например, сохранившиеся значительные расхождения экспертов во мнениях могут быть объяснены, на наш взгляд, недостаточной их информированностью о явлении

²³ Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970. С. 22.

(на современном этапе); отсутствием научных исследований динамики преступности и ее современного прогноза; использованием разных методов диагностики (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Информация, на основе которой проводится наиболее достоверная диагностика наркотизма²⁴

Значения	% ответивших экспертов
Статистические данные медицинских учреждений	23,26
Статистические данные силовых структур	11,63
Диагностика не проводится	11,63
Публикации в СМИ	2,33
Процентное отношение показателей наркотизма (количество больных, впервые поставленных на медицинский учет) к общей численности населения, числу наркопреступлений	18,60
Результаты социологических исследований	23,25
Комплексная	2,33
Нет данных	6,97

К примеру, при ответе на вопросы анкеты 23,26 % респондентов ориентировались на статистику медицинских учреждений. Однако ее данные не столь однозначны, учет наркобольных неполон по следующим причинам: лечатся в коммерческих учреждениях, в государственных, но неофициально, у знахаря, лечатся сами, в государственных учреждениях по другим, не связанным с наркотиками, диагнозам, вообще не лечатся (лица без постоянного места жительства, беспризорные); многие больные не обращаются к врачам. Таким образом, интерпретация результатов анкетирования экспертов сложна, требует учета информационных источников, на основании которых анкетлируемые формулируют прогнозные ответы, в некоторых случаях для подтверждения достоверности и объективности информации возможно сопровождаемое интервьюирование экспертов.

²⁴ Готчина Л.В. Молодежный наркотизм в современной России ... С. 217.

После сбора анкет в различных видах анкетного опроса начинается их обработка и анализ данных. Полученные сведения призваны подтвердить или опровергнуть первоначальные гипотезы и стать основой для теоретических выводов и практических рекомендаций.

Программа социологического исследования. Разработка программы опроса предполагает соблюдение типовой ее структуры. Назовем ее разделы и кратко раскроем их сущность на примере социологического исследования «Управление процессом профилактики молодежного наркотизма».

Раздел «Обоснование проблемы исследования». По заявленному исследованию формулируем основную *проблему*, она заключается в дефиците организационных мероприятий, направленных на управление рисками в профилактике наркотизма в российском регионе.

Одним из аспектов данной проблемы является управление рисками в профилактике молодежного наркотизма. Необходимо сделать некоторые пояснения, в частности, разъясняем, что «употребление наркотиков относится к ”стилевым” рискам, что связано с образом жизни индивидов и формированием среди них „групп риска”»²⁵. В подтверждение сформулированной проблемы приводим статистические данные и экспертные оценки.

Указываем, что при исследовании подростковой наркотизации особенно трудно различима проблема причины и эффекта. На средний подростковый возраст приходится пик переживаемых изменений и стрессов. Употреблению наркотиков может предшествовать неуспеваемость, социальная изоляция, приобщение к «группам риска» (формулируем гипотезы причинности наркотизации и наркопреступности, которые в ходе анкетирования будем проверять).

Среди факторов наркопреступности российского общества выделяем ведущие, к ним относим: «неэффективное семейное воспитание; просчеты в профилактической деятельности образовательных учреждений; распространение наркотической идеологии в средствах массовой информации; неэффективное распространение медико-санитарных знаний среди населения учреждениями здравоохранения; непоследовательную молодежную

²⁵ Готчина Л.В. Молодежный наркотизм: состояние и проблемы профилактики ... С. 211.

политику; просчеты силовых структур в предупреждении и пресечении активизации преступных группировок, в том числе и международных, по вовлечению молодежи в наркотизм и незаконный оборот наркотиков; несовершенство законодательной базы; недостаточный контроль органов внутренних дел за миграционными процессами на территории России»²⁶.

Указываем, какие субъекты занимаются профилактикой: органы власти и управления и силовые структуры, институты гражданского общества (общественные и религиозные организации, различные фонды, средства массовой информации). Отмечаем, что востребуемо управление рисками, что возможно при разработке и внедрении в практическую деятельность социальных технологий консолидирующимися государственными и общественными организациями (создание государственно-общественного механизма ее реализации).

Далее в программе необходимо отметить актуальность сформулированной проблемы. Применительно к заявленной теме исследования можно выделить ее значение в силу нескольких причин:

а) актуализация данной проблемы. «Несмотря на некоторые успехи в борьбе с распространением ”наркотической угрозы” и принятие решительных контрмер на местном, национальном, региональном, субрегиональном, двустороннем и многостороннем уровнях, употребление молодежью наркотических средств приобрело характер эпидемии. Наблюдается тенденция к омоложению, повышению образовательного уровня, увеличению наркоманов женского пола, росту наркопреступлений и иных социальных последствий наркотизма»²⁷;

б) угроза незаконного оборота наркотиков в России, что обусловлено социально-исторически, носит общецивилизационный, глобальный характер и отличается разве что региональными особенностями²⁸. Кроме того, угроза незаконного оборота наркотиков в историческом контексте обладает ярко выраженным психологическим аспектом;

²⁶ Готчина Л.В. Организация межведомственного взаимодействия в процессе профилактики молодежного наркотизма : монография. Белгород, 2004. С. 49.

²⁷ Готчина Л.В. Молодежный наркотизм: состояние и проблемы профилактики ... С. 213.

²⁸ Тер-Акопов А.А. Безопасность человека : (Теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 179–180.

в) маргинализация населения. Психологическая составляющая обсуждаемой угрозы заключается в том, что, занимаясь незаконным оборотом наркотиков, маргиналы личный или семейный достаток получают в результате преступной деятельности, что искусственно уравнивает их с людьми, занятыми легальными видами трудовой деятельности;

г) рост этнической наркопреступности, особенно в условиях обострившихся сегодня в России межнациональных отношений.

Необходимо указать проведенные исследования по теме. Эти материалы выступают в качестве первичной информации для проведения настоящего исследования.

Указываются и научные разработки по теме исследования на теоретическом и практическом уровнях.

Далее в программе социологического исследования формулируется *цель исследования*: проведение анализа состояния организации антинаркотической профилактической работы и разработка на этой основе практических рекомендаций по его совершенствованию (пример).

Объект исследования: социальные и личностные факторы риска и меры его оптимизации в профилактике наркотизма в молодежной среде.

Предмет исследования: проблемы организации и совершенствования принятия управленческих решений для минимизации рисков в профилактике молодежного наркотизма (пример).

В разделе «Интерпретация и операциональное определение основных понятий» указываем *основные понятия исследования*.

Формулируем *гипотезу исследования*. Пример гипотетической модели исследования базируется на следующих взаимосвязанных предположениях:

во-первых, имеющиеся статистические данные, результаты изучения нормативно-правовых актов и других документов, анализ данных различных исследований позволяют предположить, что наркотизм в среде молодежи (указываем регион исследования) имеет значительное распространение, смещается в более ранние возрастные группы и нарастает быстрыми темпами. Уровень наркотизма среди молодежи других регионов России зависит от применяемой стратегии управления рисками в профилактике наркотизма;

во-вторых, актуальность, опасность и острота проблемы распространения наркотизма специалистами, занимающимися

ее профилактикой, и экспертами осознаются разнопланово, отсутствует ценностно-целевое единство в отношении основных профилактических понятий и слаженность действий субъектов профилактической деятельности. Их значительная часть не имеет четких представлений о критериях оценки эффективности проводимой профилактической работы для минимизации наркорисков, отсутствует единство в диагностике таких рисков;

в-третьих, проблемы молодежного наркотизма все еще остаются в значительной степени вне сферы целенаправленного и постоянного воздействия со стороны субъектов профилактики – государственных, муниципальных и общественных структур;

в-четвертых, в российском регионе имеется определенная база организационно-технологического, кадрового, ресурсного, научно-методического и нормативно-правового обеспечения эффективной антинаркотической политики и социальной работы с молодежью;

в-пятых, на основании эмпирических данных можно разработать и предложить соответствующим субъектам для реализации комплекс практических рекомендаций по внедрению социальных технологий для минимизации рисков в профилактике наркотизма в российском регионе²⁹.

Для проверки гипотез в программе формулируем задачи, например:

анализ данных официальных источников, сбор статистической и социологической информации, характеризующей уровень и темпы наркотизации молодежи региона, состояние, уровень и динамику наркопреступности;

диагностика субъективной составляющей проблемы, позволяющей выяснить степень осознания самой молодежью актуальности, опасности и остроты проблемы, а также установки и ориентации в отношении потребления и незаконных деяний с наркотическими средствами;

исследование мнений специалистов и экспертов, занимающихся профилактической работой с молодежью, о критериях ее эффективности и диагностике уровня наркотизма и наркопреступности;

²⁹ Готчина Л.В. Молодежный наркотизм: состояние и проблемы профилактики ... С. 215.

изучение основных направлений, форм, методов воздействия со стороны субъектов профилактики, направленных на предотвращение различных форм распространения и потребления психоактивных веществ в среде молодежи;

изучение и анализ имеющегося в регионе организационно-технологического, кадрового, ресурсного, научно-методического и нормативно-правового обеспечения эффективной антинаркотической политики в отношении молодежи;

разработка комплекса практических рекомендаций соответствующим субъектам по внедрению социальных технологий для минимизации рисков в профилактике молодежного наркотизма в российском регионе.

Особую сложность в программе социологического исследования представляет *определение регионов исследования*, оно должно иметь авторскую методологию отбора и быть прописано в программе.

Приведем пример применительно к заявленному исследованию «Управление процессом профилактики молодежного наркотизма».

В основу определения регионов исследования были положены данные отдела статистической работы Управления координации и анализа Главного управления МВД России по Центральному федеральному округу (далее – ЦФО). Исследование проводилось в трех регионах, характеризующихся равной территорией, численностью населения и, соответственно, пропорциональностью работающих специалистов силовых структур, образовательных и медицинских учреждений (Белгородская, Костромская и Липецкая области). Однако, несмотря на приблизительное равенство условий, уровень наркотизма в указанных регионах был неодинаков, что и послужило первичной причиной для отбора этих регионов в выборку.

В программе выделены следующие критерии отбора регионов:

данные об уровне зарегистрированной наркопреступности (Белгородская область – высокий уровень, Костромская – низкий, Липецкая – средний). За основу взят удельный вес наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений в ЦФО, который в <...> году составил 5,1 %. В Белгородской области этот показатель равен 5 %; в Костромской – 2%; в Липецкой – 4 %;

темпы прироста наркопреступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами в этих регионах. В ЦФО темпы прироста в <...> году по сравнению с предыдущим годом снизились на 11 %, в Белгородской области – плюс 44,4 %; в Костромской – плюс 66,7 %; в Липецкой – минус 84 %;

одинаковое соотношение городского и сельского населения в исследуемых регионах по результатам переписи населения (64/67 %);

одинаковое соотношение национального состава населения в регионах по результатам переписи населения;

уровень образованности населения регионов по результатам переписи населения.

В разделе программы «*Методика исследования*» необходимо указать численность и категории анкетированных с приведением обоснования таких позиций. Например, в предложенном исследовании выделены три основные сферы профилактики молодежного наркотизма: образовательная сфера, здравоохранительная сфера и сфера правоохранительных структур. К анкетированию привлекались три группы специалистов: 1) педагоги; 2) врачи (наркологи, психологи и педиатры); 3) специалисты органов внутренних дел и Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

1. В образовательной сфере опрашивались преподаватели высших учебных заведений, средних учебных заведений, учителя школ областного центра, районного центра, малого города и сельских школ.

Количество анкетированных специалистов отобрано пропорционально численности населения в регионах и составило 10–15 % специалистов каждой категории.

Анкетирование проводилось методом квотной выборки, которая составляла 1145 человек, т. е. 5,5 % специалистов системы образования.

Из них проанкетировано:

500 преподавателей и учителей Белгородской области;

400 преподавателей и учителей Липецкой области;

245 преподавателей и учителей Костромской области.

2. Проведение анкетирования работников здравоохранительных учреждений, занимающихся профилактикой наркотизма в молодежной среде в городах и районах. Выборочная совокупность составила 12 %: 58 врачей Белгородской области, 47 врачей Липецкой области, 28 врачей Костромской области.

3. Проведение анкетирования сотрудников органов внутренних дел и Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, занимающихся профилактикой наркотизма в молодежной среде в городах и районах Белгородской, Липецкой и Костромской областей. Генеральная совокупность офицеров силовых структур является конфиденциальной информацией для общестественности, поэтому числовые показатели не указаны, выборочная совокупность составила 12 %.

4. Экспертный опрос, направленный на анализ мнений экспертов о причинах и факторах наркотизма, критериях оценки эффективности проводимой профилактической работы, применяемых методах диагностики рисков в профилактике наркотизма (выборочная совокупность 42 человека). Экспертами выступили специалисты Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации; специалисты Санкт-Петербургского государственного университета; ученые городов Воронежа, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга и др.

В программе также указываются *методы сбора информации*, которые применяет анкетер.

Глава 3. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, СПЕЦИАЛЬНЫХ, АНТИДЕМПИНГОВЫХ И (ИЛИ) КОМПЕНСАЦИОННЫХ ПОШЛИН, ВЗИМАЕМЫХ С ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, обращается внимание на то, что обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации в сфере экономической безопасности является в настоящее время одним из стратегических национальных приоритетов (п. 26), а достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на снижение уровня преступности в экономической сфере (п. 47).

За последние несколько лет система таможенно-тарифного регулирования в нашей стране претерпела существенные изменения: образование Евразийского экономического союза привело к объединению таможенных территорий нескольких государств и, как следствие, потребовало передачи большей части полномочий по регулированию таможенно-тарифных отношений в пользу данного наднационального образования³⁰.

Таможенные платежи, специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины, взимаемые с организаций и физических лиц, составляют значительную долю доходной части бюджета Российской Федерации.

При этом на протяжении длительного периода времени продолжает оставаться на недопустимо высоком уровне ввоз и вывоз из страны различных предметов с уклонением от уплаты установленных платежей как организациями, так и физическими лицами.

Уклонение от уплаты платежей создает мощный неконтролируемый государством поток преступных доходов, которые, во-первых, не поступают в государственный бюджет, нанося таким образом значительный ущерб государственной финансовой системе, во-вторых, способствуют росту уровня коррупции и организованной преступности³¹.

Существует ряд сложных вопросов применения ст. 194 УК РФ, предусматривающей ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица.

До настоящего времени в литературе нет единого мнения о месте преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, среди преступлений в сфере экономической деятельности. Например, А.Д. Шкунов относит рассматриваемый состав преступления к налоговым преступлениям³².

³⁰ Алферьев Т.П. Финансово-правовое регулирование таможенно-тарифной деятельности как источник формирования бюджета Российской Федерации : специальность 12.00.04 «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 3.

³¹ Степанов К.С. Уголовно-правовая характеристика уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3.

³² Шкунов А.Д. Дифференциация ответственности за преступления в сфере экономической деятельности по признакам их субъекта : специальность 12.00.08

С учетом существования самостоятельного нормативного регулирования представляется правильным отнесение данного состава преступления к группе таможенных преступлений³³.

В науке уголовного права существуют сходные мнения о месте преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, в системе преступлений в сфере экономической деятельности. Например, В.И. Тюнин относит данный состав преступления к преступлениям, нарушающим отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности по поводу перемещения товаров и уплаты таможенных платежей³⁴.

Объектом рассматриваемого преступления служит установленный порядок уплаты таможенных платежей, а также специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица.

Предметом преступления выступают таможенные платежи, специальные, антидемпинговые, компенсационные пошлины, взимаемые с организации или физического лица.

В статье 46 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ред. от 29 мая 2019 г.) (далее – ТК ЕАЭС) указаны в качестве *таможенных платежей*:

- 1) ввозная таможенная пошлина;
- 2) вывозная таможенная пошлина;
- 3) налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию Союза;
- 4) акцизы (акцизный налог или акцизный сбор), взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию Союза;
- 5) таможенные сборы.

В отношении товаров для личного пользования, ввозимых на таможенную территорию Союза, подлежат уплате таможенные пошлины, налоги, взимаемые по единым ставкам, либо таможенные пошлины, налоги, взимаемые в виде совокупного таможенного платежа, в соответствии с гл. 37 ТК ЕАЭС. Положения гл. 6 и гл. 7–11 ТК ЕАЭС применяются в случаях, предусмотренных гл. 37 ТК ЕАЭС.

«Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2022. С. 137.

³³ См. подробнее, напр.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 592.

³⁴ Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учеб.-практ. пособие. М., 2012. С. 6.

Таможенная пошлина – обязательный платеж, взимаемый таможенными органами в связи с перемещением товаров через таможенную границу³⁵.

Ввозная (импортная) таможенная пошлина – это обязательный платеж, взимаемый таможенными органами в связи с ввозом товара через таможенную границу Евразийского экономического союза.

Вывозная (экспортная) таможенная пошлина – это обязательный платеж, взимаемый таможенными органами в связи с вывозом товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза³⁶.

В соответствии со ст. 53 ТК ЕАЭС для исчисления ввозных таможенных пошлин применяются ставки Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, за исключением случаев, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе³⁷, а также случаев, когда в соответствии с международными договорами в рамках Союза или международными договорами Союза с третьей стороной для исчисления ввозных таможенных пошлин применяются ставки, отличные от ставок Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза.

При несоблюдении условий предоставления тарифных преференций для исчисления ввозных таможенных пошлин применяются ставки Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, если иное не установлено Договором о Союзе.

Для исчисления вывозных таможенных пошлин применяются ставки, установленные законодательством государства-члена, в котором в соответствии со ст. 61 ТК ЕАЭС они подлежат уплате, если иное не установлено международными договорами в рамках Союза и (или) двусторонними международными договорами государств-членов.

³⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. Т. 2. Особенная часть (разделы VII–VIII) / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О.С. Капинус ; под науч. ред. К.В. Образиева, Н.И. Пикурова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 560.

³⁶ Логинова А.С. Таможенные платежи : учеб. пособие. СПб., 2016. С. 10.

³⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : текст с изм. и доп. на 25 мая 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Для защиты экономической безопасности государства постановлением Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2022 г. № 2240 (ред. от 9 июня 2025 г.) «Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации» утверждены ставки ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации, отличные от ставок Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза.

Для исчисления таможенных пошлин, налогов применяются ставки таможенных пошлин, налогов, действующие на день пересечения товарами таможенной границы Союза, а если этот день не установлен, – на день выявления факта незаконного перемещения товаров через таможенную границу Союза.

К налогам в смысле ст. 46 ТК ЕАЭС в соответствии с п. 24 ст. 2 ТК ЕАЭС отнесены налог на добавленную стоимость, акцизы (акцизный налог или акцизный сбор), взимаемые в связи с ввозом товаров на таможенную территорию Союза.

Налогом на добавленную стоимость называется косвенный налог, форма изъятия в бюджет государства части стоимости товара, работы или услуги, которая создается на всех стадиях процесса производства товаров, работ и услуг и вносится в бюджет по мере реализации.

Акцизом называется обязательный налог, представляющий собой надбавку к цене товара, регулирующую потребительский спрос на него.

Для защиты экономических интересов российских производителей товаров в связи с возросшим импортом, демпинговым импортом или субсидируемым импортом на таможенную территорию Российской Федерации Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 165-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» введены пошлины, плательщиками которых являются декларант или иные лица, у которых возникла обязанность по уплате специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в отношении товаров, к которым применяется мера защиты

внутреннего рынка посредством введения специальной, антидемпинговой или компенсационной пошлины, специальной квоты (п. 2 ст. 71 ТК ЕАЭС).

В соответствии с ч. 1 ст. 47 ТК ЕАЭС *таможенными сборами* являются обязательные платежи, взимаемые за совершение таможенными органами таможенных операций, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением транспортных средств, а также за совершение иных действий, установленных данным Кодексом и (или) законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

В части 1 ст. 37 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» таможенными сборами признаны обязательные платежи, взимаемые за совершение таможенными органами таможенных операций, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением транспортных средств, хранением товаров.

В части 2 данной статьи к таможенным сборам отнесены:

1) таможенные сборы за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров (далее – таможенные сборы за таможенные операции);

2) таможенные сборы за таможенное сопровождение;

3) таможенные сборы за хранение.

По мнению А.Э. Салказанова, неуплата таможенных сборов не представляет большой общественной опасности и подлежит исключению из ст. 194 УК РФ. Одна лишь заинтересованность лица в уплате платежа не может явиться основанием ответственности, а должна наличествовать и нормативно закрепленная обязанность по его уплате³⁸.

Специальная пошлина – пошлина, которая применяется при введении специальной защитной меры и взимается таможенными органами независимо от взимания ввозной таможенной пошлины.

Антидемпинговая пошлина – пошлина, которая применяется при введении антидемпинговой меры и взимается таможенными органами независимо от взимания ввозной таможенной пошлины.

³⁸ Салказанов А.Э. Преступное уклонение от уплаты платежей в бюджеты России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 214.

Компенсационная пошлина – пошлина, которая применяется при введении компенсационной меры и взимается таможенными органами независимо от взимания ввозной таможенной пошлины.

Не является уголовно наказуемой неуплата авансовых платежей (ст. 48 ТК ЕАЭС).

Объективная сторона состава преступления по ст. 194 УК РФ выражается в бездействии, заключающемся в уклонении от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица. До настоящего времени вопрос о содержании объективной стороны состава преступления по ст. 194 УК РФ не нашел единого решения.

По мнению П.С. Яни, перемещение товаров через границу, уклонение от их контроля и тем самым обман органов не входят в объективную сторону этого деяния³⁹.

Более верным представляется мнение Б.В. Волженкина, в соответствии с которым объективная сторона уклонения от уплаты таможенных платежей характеризуется смешанным бездействием: невыполнение обязанности по уплате таможенных платежей сопровождается различными активными действиями, направленными на введение таможенных органов в заблуждение относительно необходимости уплаты таможенной пошлины и налогов, а также размеров этих платежей⁴⁰.

В соответствии с примечанием к ст. 194 УК РФ уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин признается совершенным в крупном размере, если сумма неуплаченных таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин за товары, перемещенные через таможенную границу Евразийского экономического союза, в том числе в одной или нескольких товарных партиях, превышает три миллиона рублей, в особо крупном размере – девять миллионов рублей.

Для отдельных товаров, определяемых Правительством Российской Федерации, перемещенных через таможенную границу Евразийского экономического союза, в том числе в одной

³⁹ Яни П.С. Товарная контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 25.

⁴⁰ Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 595.

или нескольких товарных партиях, уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин признается совершенным в крупном размере, если сумма неуплаченных таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин превышает два миллиона рублей, в особо крупном размере – шесть миллионов рублей⁴¹.

При этом допускается сложение сумм неуплаченных таможенных платежей в отношении товаров, перемещенных в нескольких товарных партиях.

Такое суммирование в силу ст. 5 УК РФ возможно, только если уклонение от уплаты таможенных платежей в связи со всеми товарными партиями охватывается единым умыслом; в ином случае наличествует или несколько самостоятельных криминальных эпизодов уклонения, образующих совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ), или административное правонарушение при недостижении в связи с таможенными платежами в отдельных партиях крупного размера.

Закон не ограничивает (в отличие от налоговых преступлений) предельный срок для сложения сумм неуплаченных таможенных платежей, однако чем более разорваны во времени товарные партии, тем меньше оснований говорить о едином умысле на уклонение. По указанным правилам возможно также суммирование разных таможенных платежей. Указанный единый умысел может быть как определенным (на уклонение в крупном или особо крупном размере), так и неопределенным (когда лицо планирует уклоняться на неопределенную перспективу в будущем; в этом случае уголовная ответственность возможна лишь с достижением суммы неуплаченных таможенных платежей крупного размера). При частичной неуплате таможенных платежей крупный размер должен определяться как разница между таможенными платежами, подлежащими уплате, и оплаченными таможенными платежами.

⁴¹ Об утверждении перечня отдельных товаров, перемещенных через таможенную границу Евразийского экономического союза, в отношении которых уклонение от уплаты таможенных платежей, пошлин признается совершенным в крупном и особо крупном размерах : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2024 г. № 1568-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В соответствии с п. 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» *обстоятельством, исключающим обязанность по уплате таможенных платежей*, может признаваться правомерное завладение (хищение, угон) транспортным средством, в результате которого объективно невозможен его обязательный вывоз ввиду фактического отсутствия транспортного средства на день истечения срока правомерного нахождения транспортного средства на таможенной территории Союза.

При этом судам необходимо выяснять условия выбытия транспортного средства из владения субъекта таможенных правоотношений, проверять, действительно ли нарушение требования о вывозе в установленный срок транспортного средства вызвано объективными обстоятельствами, находящимися вне его контроля, проявил ли он должную степень заботливости и осмотрительности, какая требовалась в целях сохранности имущества, обращался ли в компетентные органы по факту хищения (угона) транспортного средства, а также учитывать сведения, характеризующие потерпевшего, в том числе наличие ранее фактов угона (хищений) ввозимых им транспортных средств.

По нашему мнению, преступление, предусмотренное ст. 194 УК РФ, следует относить к дящимся. В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» под дящимся понимается преступление, которое начинается с определенного преступного действия (например, с размещения в определенном месте незаконно приобретенного или незаконно изготовленного огнестрельного оружия с целью его незаконного хранения, с самовольного оставления поднадзорным лицом места жительства с целью уклонения от административного надзора) или определенного преступного бездействия (например, с невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, иных выплат), образующего состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния.

В статье 194 УК РФ не указаны способы совершения преступления. *Наиболее типичными способами* являются внесение в документы, служащие основанием для исчисления размера таможенных платежей, заведомо ложных сведений (например, в таможенную декларацию вносятся недостоверные сведения о товарах, в частности недостоверные код ТН ВЭД и стоимость оборудования), что влечет, соответственно, занижение таможенных платежей, либо же непредставление таких документов (например, перемещение товаров без декларирования, в том числе за счет использования способов, которые присущи контрабанде, когда это направлено на сокрытие товаров от обнаружения и исчисления таможенных платежей).

Например, Т., являясь директором юридического лица, имел право пользоваться и распоряжаться от имени ООО <...> автомобилем, являющимся иностранным товаром, числящимся на балансе ООО <...> в Республике Абхазия и состоящим на регистрационном учете в УГАИ МВД Республики Абхазия.

Указанное транспортное средство неоднократно перемещалось Т. через Государственную границу Российской Федерации, однако 23 июля 2021 г. в связи с нарушением срока таможенной процедуры – «временный ввоз», который при ввозе 2 февраля 2021 г. транспортного средства на таможенную территорию Евразийского экономического союза был установлен таможенным органом до 19 февраля 2021 г., а также необходимостью ликвидации ООО <...> на территории Республики Абхазия, в собственности которого числилось транспортное средство, Т. умышленно решил уклониться от уплаты таможенных платежей, обязанность по уплате которых возникла при использовании автомобиля на таможенной территории Союза.

Действуя с этой целью, умышленно, Т., прибыв на территорию Республики Абхазия на данном транспортном средстве, совершил сделку купли-продажи с гражданкой Республики Абхазия, переоформив в УГАИ МВД Республики Абхазия автомобиль на последнюю, однако фактически в пользование автомобиль не передал ввиду отсутствия у нее права управления транспортными средствами.

25 июля 2021 г. через таможенный пост – многосторонний автомобильный пункт пропуска Адлер Краснодарской таможни автомобиль на основании доверенности от имени нового владельца ввезен гражданкой Республики Абхазия на таможенную

территорию Союза в качестве транспортного средства для личного пользования, при этом на таможенный пост МАПП Адлер Краснодарской таможни подана пассажирская таможенная декларация. После чего 25 июля 2021 г. новый владелец автомобиля пересек Государственную границу Российской Федерации в сторону Республики Абхазия без указанного транспортного средства.

Т., зная, что автомобиль ввезен на таможенную территорию Союза гражданкой Республики Абхазия в качестве транспортного средства для личного пользования по таможенной процедуре «временный ввоз» по ПТД, а также зная порядок, условия и ограничения, связанные с использованием временно ввезенного транспортного средства, понимая, что несет солидарную ответственность и обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов за ввезенное на таможенную территорию Союза транспортное средство, с целью уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с физического лица, в крупном размере, стал использовать автомобиль в личных целях, передвигаясь по дорогам Астраханской области⁴².

Не исключается уголовная ответственность и в случае простой неуплаты таможенных платежей в ситуации, когда они числены надлежащим образом (т. е. простой просрочки уплаты).

Например, Г. в нарушение пп. 5, 6, 12 ст. 264 ТК ЕАЭС без уплаты таможенного платежа за ввезенный им автомобиль, находящийся под таможенным контролем и подлежащий обратному вывозу с таможенной территории ЕАЭС до 29 марта 2024 г., не осуществил таможенное декларирование и незаконно произвел регистрационные действия с последующей продажей транспортного средства, тем самым уклонился от уплаты таможенного платежа, взимаемого с физического лица, в крупном размере⁴³.

Преступление признается оконченным с момента истечения срока уплаты таможенных платежей (ст. 56, 57 ТК ЕЭС).

Обязанность по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу Союза возникает при ввозе товаров на таможенную территорию Союза.

⁴² Приговор Советского районного суда города Астрахани от 21 февраля 2023 г. № 1-32/2023(1-493/2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴³ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 апреля 2025 г. № 77-948/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Обязанность по уплате вывозных таможенных пошлин при незаконном перемещении товаров через таможенную границу Союза возникает при вывозе товаров с таможенной территории Союза.

Обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу Союза возникает у лиц, незаконно перемещающих товары.

Лица, участвующие в незаконном перемещении, если они знали или должны были знать о незаконности такого перемещения, а при ввозе товаров на таможенную территорию Союза также лица, которые приобрели в собственность или во владение незаконно ввезенные товары, если в момент приобретения они знали или должны были знать о незаконности их ввоза на таможенную территорию Союза, несут солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов с лицами, незаконно перемещающими товары.

При незаконном перемещении товаров через таможенную границу Союза сроком уплаты таможенных пошлин, налогов считается день пересечения товарами таможенной границы Союза, а если этот день не установлен, – день выявления факта незаконного перемещения товаров через таможенную границу Союза.

В соответствии со ст. 74 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» днем обнаружения факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по уплате таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, процентов и пеней в установленный международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании срок признается день регистрации таможенным органом:

- 1) корректировки декларации на товары;
- 2) корректировки таможенного приходного ордера;
- 3) расчета таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин;
- 4) расчета таможенных пошлин, налогов, взимаемых по единым ставкам;
- 5) изменений в заявление, предусмотренное п. 4 ст. 277 ТК ЕАЭС;

б) иного таможенного документа, определенного Комиссией в соответствии с п. 24 ст. 266 ТК ЕАЭС.

В соответствии со ст. 56 ТК ЕАЭС обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу Союза прекращается у лиц, указанных в п. 2 данной статьи, при наступлении следующих обстоятельств:

1) исполнение обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов и (или) их взыскание в размерах, исчисленных и подлежащих уплате в соответствии с п. 5–8 данной статьи;

2) помещение товаров под таможенные процедуры в соответствии с ТК ЕАЭС;

3) признание таможенным органом в соответствии с законодательством государств-членов о таможенном регулировании факта уничтожения и (или) безвозвратной утраты иностранных товаров вследствие аварии или действия непреодолимой силы либо факта безвозвратной утраты этих товаров в результате естественной убыли при нормальных условиях перевозки (транспортировки) и (или) хранения, за исключением случаев, когда до таких уничтожения или безвозвратной утраты в соответствии с настоящим Кодексом в отношении этих иностранных товаров наступил срок уплаты таможенных пошлин, налогов;

4) конфискация или обращение товаров в собственность (доход) государства-члена в соответствии с законодательством этого государства-члена;

5) задержание таможенным органом товаров в соответствии с гл. 51 ТК ЕАЭС;

б) размещение на временное хранение или помещение под одну из таможенных процедур товаров, которые были изъяты или арестованы в ходе проверки сообщения о преступлении, в ходе производства по уголовному делу или делу об административном правонарушении (ведения административного процесса) и в отношении которых принято решение об их возврате, если ранее выпуск таких товаров не был произведен.

В пункте «б» ч. 3 ст. 194 УК РФ законодатель закрепил новый признак, ранее неизвестный составу преступного уклонения от уплаты таможенных платежей, – «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль».

Под насилием, в частности, понимается только физическое насилие. Понятие насилия охватывает любое физическое насилие, от нанесения побоев до причинения средней тяжести вреда здоровью. Причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего требует, как представляется, квалификации преступления по совокупности с п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, поскольку наказание, предусмотренное санкцией ч. 2 ст. 111 УК РФ, более строгое, чем предусмотренное ч. 3 ст. 194 УК РФ.

Под лицами, осуществляющими таможенный или пограничный контроль, следует понимать лиц, находящихся на службе в таможенных органах либо органах федеральной пограничной службы, уполномоченных в связи со своими должностными обязанностями осуществлять таможенный либо пограничный контроль.

По мнению А.Г. Никольской, традиционное уклонение от уплаты таможенных платежей связано либо с пассивным обманом, либо с фальсификацией документов и сведений, влияющих на размер таможенных платежей, и не очень понятным является то, как и зачем будет применяться насилие⁴⁴.

Субъектом рассматриваемого преступления является физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, обязанное уплатить таможенные платежи, либо руководитель организации, обязанной уплачивать таможенные платежи, или лицо, фактически выполняющее обязанности такого руководителя, т. е. *декларант*, который в п. 6 ст. 4 ТК ЕЭС определен как лицо, которое декларирует товары либо от имени которого декларируются товары.

Если декларирование производится таможенным брокером, он является ответственным за уплату таможенных пошлин и налогов.

В соответствии со ст. 38 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» плательщиками таможенных сборов за таможенные операции, таможенных сборов за таможенное сопровождение являются лица, у которых в соответствии со ст. 41

⁴⁴ Никольская А.Г. Основы квалификации преступлений в сфере таможенного дела : учеб. для студентов вузов по специальности «Таможенное дело». СПб., 2015. С. 166–167.

данного Федерального закона возникает обязанность по их уплате. Плательщиками таможенных сборов за хранение являются лица, поместившие товары на склад временного хранения таможенного органа.

Плательщиками специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин являются декларант или иные лица, у которых возникла обязанность по уплате специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в отношении товаров, к которым применяется мера защиты внутреннего рынка посредством введения специальной, антидемпинговой или компенсационной пошлины, специальной квоты (п. 2 ст. 71 ТК ЕАЭС).

В соответствии с ТК ЕАЭС обязанность по уплате таможенных платежей, помимо декларанта, лежит на следующих лицах:

- 1) представитель плательщика (таможенный брокер);
- 2) уполномоченный экономический оператор;
- 3) перевозчик товаров, ввозимых или вывозимых с территории транспортных средств;
- 4) владелец склада временного хранения;
- 5) владелец таможенного склада;
- 6) лицо, осуществляющее временное хранение товаров в местах, не являющихся складами временного хранения;
- 7) владелец магазина беспошлинной торговли.

В пункте «а» ч. 3 ст. 194 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак, характеризующий субъекта преступления, – совершение преступления «должностным лицом с использованием своего служебного положения».

Применительно к ст. 194 УК РФ под должностными лицами, которые могут совершить исследуемое преступление, понимаются лица, осуществляющие таможенный или пограничный контроль, обладающие правом находиться в зонах пограничного контроля, осуществляющие надзор за перемещением товаров через границу Евразийского экономического союза.

Думается, что непосредственными исполнителями рассматриваемого преступления должностные лица таможенных органов быть практически не могут, поскольку у них не возникает обязанность уплаты указанных в ст. 194 УК РФ платежей. Данные лица могут нести уголовную ответственность в качестве соучастников преступления. Вопреки ранее высказанному мнению о необходимости квалификации по совокупности преступления,

предусмотренного ст. 194 УК РФ, и преступлений, предусмотренных статьями главы 30 УК РФ⁴⁵, полагаем, что преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 194 УК РФ, следует относить к частично специальной норме по отношению к ст. 285 УК РФ. По этой причине дополнительной квалификации по совокупности исследуемого состава преступления и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), по нашему мнению, не требуется.

Другим квалифицирующим признаком, относящимся к субъекту преступления, нашедшим закрепление в ст. 194 УК РФ, является совершение этого преступления в составе группы лиц. Так, групповой признак предусматривается в п. «а» ч. 2 ст. 194 УК РФ (совершение деяния в составе группы лиц по предварительному сговору), а также ч. 4 ст. 194 УК РФ (совершения деяний, предусмотренных чч. 1, 2, 3 ст. 194 УК РФ, организованной группой).

Так, суд правильно квалифицировал действия осужденных П., К., В.М.О. по ч. 4 ст. 194 УК РФ, а также действия П., с учетом внесенных в приговор изменений судом апелляционной инстанции, по ч. 1 ст. 194 УК РФ в редакции Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ.

На основе представленных стороной обвинения доказательств судами первой и апелляционной инстанций установлено, что преступная группа была создана для совершения преступлений в целях уклонения от уплаты таможенных платежей, характеризовалась устойчивостью и подчиненностью, существовала длительный промежуток времени, до совершения преступления был разработан план преступных действий, способ совершения преступления, распределены функции, каждый действовал при совершении преступления согласно распределенной роли. Наличие указанных признаков организованной преступной группы не только полностью подтверждено достаточной совокупностью доказательств, но и полно, всесторонне и убедительно мотивировано судами первой и апелляционной инстанций⁴⁶.

⁴⁵ Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности. СПб., 1999. С. 113. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

⁴⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2025 г. № 77-502/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, характеризуется прямым умыслом.

Мотивы и цели уклонения от уплаты таможенных платежей не имеют уголовно-правового значения. При этом мотив совершения данного преступления в большинстве случаев корыстный.

Так, З., ранее неоднократно пересекавший таможенную границу, в достаточной степени осведомленный о порядке перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС и их таможенного декларирования, имея прямой умысел на уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых при ввозе товаров на территорию ЕАЭС, из корыстных побуждений, не желая нести расходы, связанные с таможенным декларированием товаров, в нарушение охраняемых государством экономических отношений не позднее 29 июня 2022 г. принял решение о незаконном, вопреки требованиям ст. 104 ТК ЕАЭС, ввозе на территорию Российской Федерации товара – инвестиционных золотых монет.

З. приобрел на территории иностранного государства товары – инвестиционные золотые монеты (999 пробы) в количестве 133 штук и инвестиционные золотые монеты (999 пробы) в количестве 60 штук с целью дальнейшей реализации на территории Российской Федерации.

При этом, осознавая, что приобретенные им монеты Австралии и монеты Австрии общим количеством 193 штуки он (З.) будет перемещать (ввозить) на таможенную территорию ЕАЭС, реализуя свой преступный умысел, направленный на уклонение от уплаты таможенных платежей, не намереваясь их декларировать, совершил действия, направленные на сокрытие от таможенного контроля, а именно: поместил часть монет в свертки из предметов одежды, которые разместил в отделениях рюкзака способом, исключающим визуальное обнаружение; другую часть монет поместил в карманы одежды.

З., осознавая, что согласно технологической схеме ДППП «Ивангород» на указанном пункте пропуска исключена возможность перемещения товаров не для личного пользования, прошел пограничный контроль и в нарушение установленного порядка перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС и положений ст. 104 ТК ЕАЭС проследовал в зону таможенного контроля ДППП «Ивангород» и умышленно сообщил А., являющейся должностным лицом таможенного органа, осуществляющим таможенный контроль, об отсутствии у него и в его багаже товаров,

подлежащих обязательному декларированию, т. е. сознательно не сообщил о наличии в рюкзаке, карманах куртки и штанов монет Австралии и монет Австрии общим количеством 193 штуки, перемещаемых в целях реализации на территории Российской Федерации⁴⁷.

Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ), следует ограничивать от преступлений, предусмотренных ст. 200.1, 226.1 УК РФ, устанавливающими ответственность за контрабанду.

В рассматриваемых случаях имеет место ввоз либо вывоз тех или иных предметов через таможенную границу Евразийского экономического союза. Однако в составах контрабанды само перемещение через границу определенных в законе предметов является незаконным, в отличие от состава преступления, квалифицируемого по ст. 194 УК РФ, где одно лишь перемещение товаров не свидетельствует о незаконности.

В отличие от момента окончания преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, в соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о контрабанде» контрабанда, совершенная при ввозе на таможенную территорию Союза или вывозе с этой территории товаров или иных предметов вне установленных мест (пунктов пропуска через таможенную границу) или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, является окончанным преступлением с момента фактического пересечения товарами или иными предметами таможенной границы.

В тех случаях когда при контрабанде применяются иные способы незаконного перемещения товаров или иных предметов, например недостоверное декларирование или использование документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, контрабанда признается оконченной с момента представления таможенному органу таможенной декларации либо иного документа, допускающего ввоз на таможенную территорию Союза или вывоз с этой территории товаров или иных

⁴⁷ Приговор Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 1 августа 2024 г. № 1-24/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предметов, в целях их незаконного перемещения через таможенную границу.

По мнению Л.Ф. Рогатых, объективная сторона состава уклонения от уплаты таможенных платежей и объективная сторона состава контрабанды имеют самостоятельное содержание, что позволяет их разграничивать. Действия по уплате таможенных платежей и по перемещению не совпадают во времени, т. е. идеальная совокупность уклонения от уплаты таможенных платежей и контрабанды исключена, возможна лишь их реальная совокупность⁴⁸.

При этом в судебной практике допускалось смешение рассматриваемых составов преступлений. Например, в кассационном определении от 6 марта 2012 г. по делу № 22-132/2012 судебная коллегия по уголовным делам Суда Еврейской автономной области со ссылкой на ч. 1 ст. 10 УК РФ и в связи с исключением из УК РФ ст. 188, предусматривавшей ответственность за контрабанду, признала обоснованной переквалификацию действий лица со ст. 188 УК РФ на ч. 1 ст. 194 УК РФ⁴⁹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 18 мая 2012 г. по делу № 56-012-26 обоснованно указала на недопустимость переквалификации преступления со ст. 188 УК РФ на ст. 194 УК РФ⁵⁰.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2025 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В. Панова», если незаконное перемещение стратегически важных товаров и ресурсов сопровождалось неуплатой (неполной уплатой) таможенных платежей в крупном размере, исчисляемом с учетом таможенной стоимости товара, не исключена квалификация деяния по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 194 и 226.1 УК РФ, при том что их нормы содержат описание

⁴⁸ Рогатых Л.Ф. Уголовно наказуемая контрабанда. СПб., 2005. С. 122.

⁴⁹ Кассационное определение Суда Еврейской автономной области по делу № 22-132/2012 от 6 марта 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 г. по делу № 56-012-26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разных преступлений, которые различаются как по объективным, так и по субъективным признакам и тем самым не соотносятся как общая и специальная нормы или как целое и часть, а потому не входят в противоречие с принципом справедливости и не предполагают двойного привлечения к публично-правовой ответственности за одно деяние.

Глава 4. ТЕОРИИ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ

Причинно-следственная связь между деянием и последствием – обязательный признак каждого преступления с материальным составом.

В судебных заседаниях не подвергается сомнению утверждение о том, что причинная – это объективно существующая связь явлений материального мира. Оценку наличия причинной связи в каждом приговоре дает суд. Ситуация эта длительное время неизменна.

«Вопрос о причинной связи между действием и преступным результатом разрешается не уголовным кодексом, а самой судебной практикой и теорией уголовного права» – указывал А.А. Пионтковский в учебнике «Уголовное право» издания 1939 года. Далее ученый продолжает: «Вопрос о наличии или отсутствии в этих случаях [когда цепь причинности между действиями субъекта и наступившим преступным результатом осложняется наступлением событий, непосредственно субъектом не вызванных] решается криминалистами различно, в зависимости от их общих философских взглядов на понятие причинности»⁵¹. Причина и следствие – лишь изолированные моменты в общей цепи развития материи, взаимного сцепления событий внешнего мира⁵².

Представители уголовно-правовой науки на протяжении столетий предлагают правоприменителю различные теории (подходы, алгоритмы, правила) установления причинной связи по уголовным делам. При этом общей, применимой к любому составу преступления, устоявшейся теории причинности до настоящего

⁵¹ Уголовное право. Общая часть : учебник / А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев [и др.] ; под ред.: А.А. Герцензон, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1939. С. 172.

⁵² Там же.

времени выработать не удалось. А потому закрепленные на уровне закона правила причинности в законодательстве Российской Федерации по сей день отсутствуют.

Предпримем попытку обзора выработанных научными школами теорий причинной связи⁵³, затем – оценки современных тенденций в обозначенном в заглавии вопросе.

Теория критических дней. Первые научные теории строились относительно преступлений против жизни и здоровья. Как и в настоящий период времени, происходила частая подмена уголовно-правовых правил медицинскими. Учитывались характеристики орудия, при помощи которого потерпевшего лишили жизни, вид причиненных ранений: безусловно смертельные, излечимые или случайно повлекшие смерть. Римское и древнегерманское право обращалось к теории «критических дней». Повреждение организма потерпевшего только тогда признавалось причиной смерти, если указанное последствие наступило в определенные сроки: год и один день (Англия, Австралия); сорок дней (Франция); семь дней. Руководствоваться данной теорией представляется ошибочным, так как она не учитывает особенности организма потерпевшего и характер причиняющего воздействия. В настоящее время теория «срочности» наступления последствий обоснованно не используется, вместе с тем она представляет научный интерес как одна из первых попыток установления правил причинности по уголовным делам.

Теория, которая также обосновывает причинность темпоральными факторами, – **теория ближайшей причины**. Причиной признается ближайшее к последствию деяние. Правило ближайшей причины широко используется в англосаксонской правовой системе. Так, в кодифицированном правовом акте одного из принадлежащих к ней государств указано: «Наступивший вред не должен быть настолько отдаленным или случайным (или настолько зависящим от поведения другого) для того, чтобы (по справедливости) считаться имеющим значение для решения

⁵³ Андреева Л.А. Избранное. СПб., 2024. С. 3–18 ; Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. 315, [1] с. ; Зимирева Л.А. Причинная связь в преступлениях против жизни / под ред. А.Н. Попова. СПб., 2017. 188 с. ; Попов А.Н., Зимирева Л.А., Федьшина П.В. Объективная сторона состава преступления : учеб. пособие / под общ. ред. А.Н. Попова. СПб., 2015. 64 с.

вопроса об ответственности деятеля или о тяжести совершенного им посягательства»⁵⁴.

В судебной практике зарубежных стран общего права используется латинская максима *novus actus interveniens*. В переводе с латыни – «новый вступающий в дело акт», т. е. случаи, когда добровольное человеческое действие разрывает правовую связь между правонарушением (преступлением), совершенным первоначальным деятелем, «ответчиком», и последствием и тем самым освобождает ответчика от ответственности за эти события. В качестве примера приводится дело Хабер против Уокера (1963 г.), «когда истец, получивший легкую травму ноги по неосторожности ответчика, решает спрыгнуть с крыши и ломает ногу. В этом случае добровольные действия истца разрывают связь между действиями ответчика и причиненным ему вредом»⁵⁵.

Еще одним зарубежным примером использования правила ближайшей причины является «казус сковородки» (Bratpfannenfall)⁵⁶ из немецкой литературы. «По обстоятельствам дела обвиняемая Ш. ударила за завтраком сковородкой отца, терроризировавшего семью; тот упал на пол. Когда он зашевелился, ее мать, М., нанесла ему еще один удар сковородой, после чего он скончался. Федеральный Верховный суд предложил нижестоящим судам определить автора смертельного удара. В литературе решение суда воспринято критически; одно из мнений сводится к тому, что обе женщины причинно связаны с результатом»⁵⁷. Действия матери не прервали причинную связь, запущенную дочерью.

На оценочный, субъективный характер определения причины через правило ближайшей причины ссылаются критики теории ближайшей причины, указывая, что причину необходимо искать не в ближайшем к последствию событии, а в главном, порождающем последствие явлении⁵⁸.

⁵⁴ Примерный уголовный кодекс США. П. 2 (b) и п. 3 (b) ст. 2.03. URL: <https://constitutions.ru/?p=5849> (дата обращения: 21.11.2025).

⁵⁵ URL: <https://sklaw.au/dictionary/novus-actus-interveniens/#:~:text=Latin%20for%20new%20act%20intervening,to%20be%20termed%20a%20coincidence> (дата обращения: 21.11.2025).

⁵⁶ Neue Juristische Wochenschrift. 1966. S. 1823.

⁵⁷ Цит. по: Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81–102.

⁵⁸ Cardozo B.N. The Paradoxes of Legal Science. New Jersey : Lawbook Exchange (2000). 83–85.

Несмотря на то что правила установления причинной связи законодательно не закреплены, анализ российской судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что российские суды обоснованно не используют аксиому ближайшей причины⁵⁹.

Теория прямой, непосредственной причины. Ее сторонники полагают, что причинная связь по уголовным делам должна быть только прямой (непосредственной), т. е. такой, когда деяние преступника напрямую привело к опасным последствиям без присоединения к ее течению иных причин.

В современных приговорах российских судов преобладает формулировка о наличии именно прямой причинной связи. Объясняется это тем, что следователь, а затем суд строят вывод о наличии или отсутствии причинно-следственной связи, как правило, на основании заключения эксперта-медика. И это объяснимо: правоприменитель в вопросах причинной связи не может опираться на нормы уголовного закона. Четких, понятных правил установления причинно-следственной связи по различным категориям преступлений до настоящего времени не сформулировано. А потому суды в вопросах описания в приговоре наличия/отсутствия причинно-следственной связи берут за основу судебно-медицинское заключение, перенося его в судебный акт с формулировкой «прямая» причинная связь.

Приведем выдержку из приговора суда 2019 г. в отношении группы лиц, обвинявшихся в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ. Уточним, что выстрел произведен виновным по незначительному поводу на лестнице ночного клуба, потерпевший, находившийся в сознании, был госпитализирован, где во время операции скончался.

«Суд установил, что П., находясь на расстоянии не более двух метров от Д.С., действуя умышленно, с целью причинения смерти Д.С., произвел из одноствольного охотничьего ружья модели «ИжК» с серией и номером К 71501 выстрел в верхнюю треть передне-внутренней поверхности правого бедра Д.С. – место расположения крупных кровеносных сосудов, то есть в область расположения жизненно важных органов человека, причинив огнестрельное дробовое сквозное ранение верхней трети передне-

⁵⁹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2025 г. по делу № 32-УД25-6-К1 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2482200 (дата обращения: 21.11.2025).

внутренней поверхности правого бедра с повреждением правой бедренной артерии, глубокой бедренной артерии, бедренной вены, разможением мягких тканей бедра, осложнившееся острой кровопотерей с развитием в клиническом течении геморрагического шока, которое по признаку вреда здоровью, опасного для жизни человека, вызывающего расстройство жизненно-важных функций организма человека, которое не может быть компенсировано организмом самостоятельно, квалифицируется как повреждение, повлекшее за собой тяжкий вред здоровью, и находится в прямой причинной связи со смертью Д.С.»⁶⁰.

Согласно Порядку проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи, «причинная связь в уголовном праве всегда должна быть прямой. Как в уголовном, так и в гражданском праве наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи между противоправным деянием означает, что это деяние лежит за пределами данного конкретного случая, следовательно, и за пределами юридически значимой причинной связи»⁶¹.

Отсюда на уровне подчиненных Минздраву России экспертных учреждений преобладает позиция о значимости (как для гражданского, так и для уголовного судопроизводства) лишь *прямой причинной связи*.

При этом согласно ст. 58 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинской экспертизой является проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление *состояния здоровья гражданина*, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина.

⁶⁰ Приговор Великоустюгского районного суда Вологодской области от 24 мая 2019 г. по делу № 1-1/2019 (1-42/2018;) // ГАС «Правосудие» : сайт. URL: <https://ej.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁶¹ Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи : метод. рекомендации : утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21 июня 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует учитывать, что при назначении судебной экспертизы вопросы, поставленные перед экспертом, и содержание данного по ним заключения не могут выходить за пределы его специальных знаний⁶². То есть компетенция суда и эксперта-медика строго разграничена, в том числе и в вопросах причинно-следственной связи. Причинная связь, которую устанавливает правоприменитель между противоправным деянием подсудимого и наступившим негативным последствием, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством, не идентична медицинской причине повреждения организма потерпевшего.

По уголовным делам о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинской услуги), расследуемым Следственным комитетом Российской Федерации, следователи ставят перед экспертами вопрос: имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленными дефектами и наступлением смерти? А затем и суды, обсуждая вопросы причинности, в приговоре обосновывают наличие (отсутствие) именно прямой причинной связи.

Такая формулировка приведена в приговоре судом по вышеуказанному уголовному делу: «Доводы подсудимых и защитников об отсутствии прямой причинно-следственной связи между действиями подсудимого П. и наступлением смерти Д.С. суд находит необоснованными. В судебном заседании из совокупности показаний свидетелей – медицинских работников, а также представленной медицинской документации однозначно установлено, что Д.С. была в полном объеме оказана необходимая медицинская помощь. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, причиной смерти Д.С. явилось огнестрельное дробовое сквозное ранение верхней трети передне-внутренней поверхности правого бедра.

Выводы судебно-медицинского эксперта нашли обоснование в исследовательской части заключения, которое содержит ссылки на конкретные исходные данные, на материалы дела в пределах специальных познаний эксперта, выводы его мотивированы

⁶² О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 29 июня 2021 г. П. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и не противоречат другим доказательствам по делу»⁶³. Все вышестоящие суды, вплоть до Верховного Суда Российской Федерации, согласились с формулировкой суда именно о прямой причинной связи.

Вместе с тем в доктрине теория прямой причинной связи, обосновывающая вывод о причинности только на последовательности событий, давно подвергается критике. Руководствуясь правилом прямой причинной связи, невозможно высказаться о привлечении к ответственности посредственного причинителя, обосновать ответственность второстепенных соучастников либо назначить наказание виновному, умышленно использовавшему приходящие обстоятельства.

В настоящий период времени возможно высказаться о возрождении взглядов на *теорию conditio sine qua non* (лат. – условие, без которого нет результата). Другое название – **теория эквивалентности**: любое действие, без которого результат не наступил бы, признается причиной результата. Установить это возможно, используя логический метод мысленного исключения. Необходимо сделать допущение, что деяние не совершалось, при этом поставить вопрос: наступил бы подобный результат в этом случае (причинно-следственная связь отсутствует) либо нет (причинная связь установлена)? Плюсом теории эквивалентности является то, что использование метода мысленного исключения деяния подозреваемого позволяет суду проанализировать большое число обстоятельств, связанных с преступным деянием. Минусом – то, что таких факторов могло быть много и все они являются необходимыми условиями, без разграничения их по юридической значимости.

Так, по одному из уголовных дел было установлено, что И. с целью лишить жизни потерпевшего У. нанес последнему ножевое ранение в область сердца (глубиной 5 см). Однако жизненно важные органы потерпевшего не были повреждены, что позволило его госпитализировать. Во время проведения оперативного вмешательства с целью ревизии грудной полости У. был введен наркоз, что вызвало рвотные процессы, вследствие чего он погиб от асфиксии рвотными массами. Ленинградским областным

⁶³ Приговор Великоустюгского районного суда Вологодской области от 24 мая 2019 г. по делу № 1-1/2019 (1-42/2018;) // ГАС «Правосудие» : сайт. URL:<https://ej.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

судом и судом кассационной инстанции И. был признан виновным в убийстве. Однако Пленум Верховного Суда СССР счел необходимым переqualифицировать действия подсудимого на покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, ч.1 ст. 105 УК РФ), мотивировав следующим. С учетом того, что действия И. заключались в нанесении потерпевшему сильного удара ножом в важную для жизни часть тела, областной суд и Верховный Суд РСФСР правильно сделали вывод о наличии у И. умысла на убийство. Однако эти судебные инстанции допустили ошибку в том, что вопреки установленным по делу обстоятельствам признали И. виновным в совершении оконченного преступления, направленного на лишение жизни У. Вместе с тем действия И. не находились в прямой причинной связи с наступившим последствием⁶⁴.

Следуя концепции *conditio sine qua non*, причинная связь между деянием и наступлением смерти потерпевшего будет иметь место, так как ножевое ранение было необходимым условием госпитализации и введения наркоза, вина подсудимого выражена в форме прямого умысла. Однако такая трактовка, несомненно, расширит границы ответственности, так как объективно виновный смерть не причинил и к асфиксии умысла не имел. Действительно, мысленно удалив ножевое ранение, возможно прийти к выводу, что противоправное последствие не наступило бы. Но к такому же выводу можно прийти, мысленно удалив и действия врачей. В приведенном примере лишь одно необходимое условие – введение наркоза является главной, решающей причиной и находится в причинной связи со смертью потерпевшего.

Современные сторонники правила *conditio sine qua non*, обосновывая суждение о том, что «им пользуется судебная практика в России, и которое фактически общепризнано в зарубежных уголовно-правовых системах», предлагают универсальное правило: «Деяние является причиной результата в уголовно-правовом смысле постольку, поскольку (1) оно предшествует ему во времени, (2) без него именно такой результат не наступил бы и оно является (3) последним во времени (4) осознанным (5) человеческим деянием перед результатом»⁶⁵.

⁶⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1961. № 4. С. 10–11.

⁶⁵ Есаков Г.А. Указ. соч.

В правовой науке до настоящего времени обсуждается (а иногда и используется) **теория адекватной причинности**, появившаяся как дополнение теории *conditio sine qua non*. В силу правила адекватности только типичные для наступивших последствий действия виновного являются причиной. То есть такие, которые в обычном порядке вещей, как правило, приводят к наступившему последствию. Правило адекватности применялось к необходимым условиям, вычленным при помощи первоначально алгоритма *conditio sine qua non* (мысленного исключения деяния). Последователи теории адекватности в ее защиту ссылались на то, что виновному известны все предшествующие и последующие обстоятельства содеянного, а потому результат для него «объективно возможен». Когда же деяние лишь в силу индивидуальных особенностей конкретного случая привело к наступлению результата, адекватная причинная связь отсутствует.

На примере преступлений против жизни адекватный характер развития причинной связи показателен тем, что при обычных условиях действия виновного не способны повлечь наступление смерти потерпевшего.

Д. нанес потерпевшему К. не менее двух ударов кулаком в область лица, причинив средней тяжести вред здоровью. После этого конфликт был пресечен очевидцами. Однако через незначительный промежуток времени К. скончался на месте. Смерть потерпевшего наступила от закрытой черепно-мозговой травмы, причиненной за 2 – 3 недели до конфликта с Д. С учетом заключения судебно-медицинской экспертизы суд признал, что между деянием Д. и наступлением смерти К. прямой причинно-следственной связи не имеется, между ними усматривается косвенная связь. Действия Д. обусловили разрыв неполноценных сосудов формирующейся капсулы ранее полученной гематомы, что повлекло смерть потерпевшего от отека головного мозга. В связи с этим суд переквалифицировал содеянное с ч. 4 ст. 111 на ч. 1 ст. 109 УК РФ⁶⁶.

Причинная связь между применением насилия и смертью потерпевшего объективно имеется. Действия Д. наряду с особыми свойствами организма потерпевшего выступали необходимым

⁶⁶ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19 июня 2013 г. по делу № 22-3908/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

условием наступления смерти. Если обвиняемый не знал о наличии особых свойств организма потерпевшего, то из-за отсутствия предвидения развития атипичной причинной связи он не подлежит уголовной ответственности за убийство. Однако если виновный не предвидел возможности смерти потерпевшего, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог ее предвидеть, ответственность по ст. 109 УК РФ не исключается⁶⁷.

Сложность для универсального применения теории адекватности видится в том, что различные правоприменители, да и теоретики, по-разному решали вопрос о том, чьими умозаключениями об атипичности и адекватности необходимо руководствоваться: судьи, обычного обывателя, опытного и рассудительного человека либо кого-то другого. А этот факт указывает на судебное усмотрение и отсутствие объективности.

В истории отечественной науки уголовного права в советский период ее развития использовалась **теория необходимых и случайных связей**. К уголовной ответственности привлекался подозреваемый, чьи действия находились в необходимой, а не случайной связи с наступившим противоправным последствием.

Верховный Суд СССР выразил свою позицию относительно отказа от случайной причинной связи по уголовному делу П. Пьяный П. учинил дебош. Его родственники, в том числе престарелый тесть Г., страдающий атеросклерозом, свалили П. на пол и удерживали. При этом от сильного напряжения у семидесятилетнего тестя П. произошел паралич сердца, повлекший его смерть. Верховный Суд СССР указал на ошибочность вывода о наличии причинной связи между хулиганскими действиями П. и смертью потерпевшего, так как его действия лишь косвенно обусловили наступление обстоятельств, послуживших непосредственной причиной смерти⁶⁸.

Несмотря на то что действия П. явились необходимым условием наступления противоправного последствия, он не был осужден за лишение жизни Г. в связи с отсутствием причинно-следственной связи.

⁶⁷ См. подробнее: Хромов Е.В. Влияние характера причинной связи на квалификацию смерти потерпевшего в результате применения насилия // Уголовное право. 2024. № 12. С. 59–78.

⁶⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 4.

Академик В.Н. Кудрявцев в фондовых лекциях 1957 г. так обосновывал ответственность в случае присоединения других независимых причин: «Присоединение других независимых сил обычно является случайностью для действий первого обвиняемого. Всякая случайность, разумеется, имеет свои причины; в мире нет беспричинных явлений. Однако событие потому и называется случайным, что породившие его причины никак не связаны с развитием тех явлений, в отношении которых оно произошло»⁶⁹.

В то же время философы обращают внимание на то, что необходимость не имеет однозначной формы проявления, она не тождественна неизбежности, а лишь предполагает достаточно высокую степень вероятности⁷⁰. Познающий верно делает вывод о необходимости в типичных и простых случаях. Иное дело решение вопроса об уголовной ответственности, требующее неопровержимых доказательств. Признак необходимости причинной связи, понимаемый как закономерность и повторяемость явлений в сходных ситуациях, больше характеризует выводы субъекта познания, основанные на массовых наблюдениях. Необходимость не внутренне присущий причинности критерий, а, скорее, результат познания большого количества причиняющих процессов. Поэтому теория необходимых и случайных причинных связей «мало чем отличается от адекватной теории»⁷¹, а по сути является «отечественным ее аналогом»⁷².

Несмотря на использование и обсуждение данной теории в доктрине уголовного права и учебной литературе, дальнейшего широкого признания она не получила в силу следующих причин. Во-первых, теория необходимых и случайных связей противоречит Уголовному кодексу, ибо многие составы преступлений об ответственности за неосторожные преступления предусматривают ответственность за непредотвращение именно случайных общественно опасных последствий. Во-вторых, данная теория

⁶⁹ Кудрявцев В.Н. Состав преступления. Лекция 2. Объективная сторона преступления. М., 1957. С. 28.

⁷⁰ Супперс П. Вероятностная теория причинности // Вопросы философии. 1972. № 4. С. 90.

⁷¹ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 146.

⁷² Подробнее см.: Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой анализ). Харьков, 2003. С. 131–136.

так и не смогла сформулировать критерии разграничения необходимых и случайных связей.

По мнению проф. В.И. Кудрявцева, главная ошибка сторонников этого подхода именно в механическом разрыве и противопоставлении категорий случайности и необходимости. В то же время случайность может выступать как форма дополнения и проявления необходимости. Суд при рассмотрении уголовного дела непосредственно имеет дело со случайными явлениями, в которых проявляются общие закономерности, положенные законодателем в основу уголовной нормы⁷³.

Уголовно-правовой доктриной предложена **теория реальной возможности**. Ее сторонники называют следующие правила установления причинной связи по уголовному делу. Деяние признается причиной последствия при наличии следующих обстоятельств: деяние предшествовало последствию; деяние содержало в себе реальную возможность наступления последствия; деяние было главной, решающей причиной последствия.

Теория реальной возможности представляется наиболее приемлемой для судебной практики, так как позволяет ответить на те вопросы, которые неразрешимы с позиции иных теоретических взглядов на причинность. Вместе с тем и она не лишена критики, так как содержит субъективный фактор в оценке критерия «реальности», сложна с точки зрения прикладного применения, основана на глубоких философских суждениях. Приведем доводы сторонников теории реальной возможности: «Диалектический материализм различает абстрактные (формальные) и реальные возможности. Абстрактная возможность выражает способность определенной действительности к развитию, но не предопределяет его направленности. Поэтому с точки зрения абстрактной возможности возможно все, что не содержит в себе внутреннего (логического) противоречия. Это значит, что абстрактная возможность лишена конкретного содержания. Поэтому она сама по себе не способна породить другое явление, то есть превратиться в действительность. Иное значение имеет реальная возможность. Реальная возможность есть такая ступень развития действительности, которая характеризуется наличием определенных реальных

⁷³ Кудрявцев В.И. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 203.

предпосылок для возникновения новой действительности, то есть способна в своем развитии породить определенное явление»⁷⁴.

Представим тезисы основных теорий причинной связи в табличной форме (табл. 7)⁷⁵.

Т а б л и ц а 7

Теории причинной связи

Теория прямой, непосредственной причины	Теория эквивалентности	Теория адекватной причинности	Теория необходимых и случайных связей	Теория реальной возможности
Причинная связь усматривается в том случае, если между поведением человека и последствием не было вмешательства каких-либо посторонних причин	Поведение человека признается причиной последствия, если оно явилось необходимым предшествующим условием его наступления	Причиной преступного результата признаются только такие действия, которые являлись типичными для наступивших последствий	Уголовная ответственность возможна только при наличии необходимой связи между деянием и наступившими последствиями. Случайная причинная связь исключает уголовную ответственность	Деяние признается причиной последствия при наличии следующих обстоятельств: деяние предшествовало последствию; деяние содержало в себе реальную возможность наступления последствия; деяние было главной, решающей причиной последствия

⁷⁴ Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1. Часть Общая / М.Д. Шаргородский, И.И. Солодкин, С.А. Домахин [и др.] ; отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 352.

⁷⁵ Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие в табл. / С.-Петербург. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации ; под ред. А.Н. Попова. СПб., 2019.

Таким образом, каждое следующее вырабатываемое теорией уголовного права правило причинности строится на выводах предшествующей теории, пробуя устранить ее изъяны.

Вместе с тем у исследователя и правоприменителя возникает закономерный вопрос, какой теорией, правилом причинности необходимо руководствоваться. Необходимо ли по каждому уголовному делу устанавливать именно прямую причинную связь, либо связь должна отвечать критерию необходимости, реальности?

Интересно замечание В.В. Витрянского о том, что «довольно характерным является то, что все авторы в поисках подтверждения своих взглядов находят в судебной практике примеры, полностью укладывающиеся в соответствующую концепцию... В каждой теории причинной связи имеется рациональное зерно, поэтому разные по сути теоретические представления о причинной связи могут быть использованы для определения необходимых приемов и способов установления причинной связи в той или иной конкретной ситуации»⁷⁶.

Тем не менее, несмотря на многолетние усилия ученых, на сегодня простых, понятных и неоспоримых правил установления причинной связи в уголовном законе не зафиксировано, что, безусловно, порождает споры в науке и отмену приговоров на практике. При том что ситуация эта стабильно неизменна на протяжении длительного периода времени. Еще В.Н. Кудрявцев в 1952 г. отмечал, что «суд нуждается в простом и ясном, юридическом, а не только сугубо философском критерии»⁷⁷.

В наши дни в уголовном праве новых теорий причинности почти не возникает.

В современной зарубежной литературе исследователи приходят к выводу о своего рода «федерализации» в вопросах уголовно-правовой причинности. На основе анализа практики конкретных групп преступлений они полагают, что юридическая наука исходя из специальных целей закрепила внутренние закономерности, которые позволяют объяснить либо опровергнуть наличие причинной связи в каждом конкретном случае. Это «более надежно»,

⁷⁶ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. Изд. 2-е, испр. М., 1999. С. 718.

⁷⁷ Кудрявцев В.Н. Основные вопросы причинной связи в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 82.

в отличие от общих (философских) схем умозаключений. Однако единство в разнообразии подходов должно основываться на общем понятии причинности, которое выступает как суть, первоначальный посыл⁷⁸.

В одном из комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации указано: «При установлении причинной связи по делам об убийстве необходимо иметь в виду следующее: а) действия (бездействие) субъекта, предшествующие наступлению смерти, могут быть признаны ее причиной только в том случае, если в момент их совершения они явились *необходимым условием* ее наступления, т. е. таким условием, не будь которого, смерть не наступила бы; б) эти действия (бездействие) в момент их совершения должны создавать *реальную возможность* наступления смерти»⁷⁹. Здесь мы можем наблюдать в качестве рекомендации практикам соединение принципов теории *conditio sine qua non* и теории реальной возможности.

Не прекращаются научные споры, верно ли поступил суд в том или ином случае, объективная либо объективно-субъективная категория причинности. Разные точки зрения основаны на различных правилах, теориях причинной связи, которых придерживаются те или иные ученые. В происходящем есть как плюсы, так и минусы. Главный минус в том, что споры относительно единственно верной теории причиной связь значительно сократились, а это уменьшает кругозор и мешает делать крупные обобщения.

При этом представители всех научных теорий одинаково трактуют понятие *cause* (причины) как философскую аксиому о том, что любое последствие вызывается причиной, беспричинных либо беспоследственных явлений не существует. Вместе с тем алгоритмы установления причины различны. Объясняется тем, что предпринимаются попытки подвести все составы преступлений, весь спектр уголовно-правовых явлений под единое правило.

⁷⁸ Jos Lehmann Joost Breuker Bob Brouwer статья Causation in AI&Law // ICAIL 2003. Workshop on Legal Ontologies & Web Based Legal Information Management. URL: <http://www.leibnizcenter.org/~winkels/LegOnt2003/Lehmann.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

⁷⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Х.М. Ахметшин, О.Л. Дубовик, С.В. Дьяков [и др.] ; под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 3-е изд., доп. и изм. М., 2001. 880 с.

Рядом исследователей отмечается, что большинство теорий «перекликаются между собой, предлагая каждый раз лишь несколько измененное видение понятия причинной связи»⁸⁰. Каждая из теорий применима относительно одних ситуаций, юридических фактов, и не работает при иных.

Представляет научный интерес позиция Верховного Суда Российской Федерации относительно качественных характеристик причинной связи по гражданским делам. Высшая судебная инстанция прямо высказывается в пользу того, что юридически значимой в медицинских деликтах может быть даже **косвенная связь**. Достаточно уже того, что дефекты медицинской помощи могли (гипотетически) негативно повлиять на исход лечения, снизить шансы пациента на благоприятный исход и т. д.

«Басова обратилась с иском к ГБУЗ "Сортавальская ЦРБ" о взыскании компенсации морального вреда в связи со смертью ее супруга, наступившей вследствие послеоперационных осложнений. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций в иске Басовой отказали, сославшись на заключение судебно-медицинской экспертизы об отсутствии прямой причинно-следственной связи между действиями медицинских работников и наступлением смерти супруга Басовой. Верховный Суд Российской Федерации с этим не согласился, указав, что законодательство не определяет, какой характер причинной связи (прямая или косвенная) является юридически значимым и достаточным для возложения ответственности за причинение вреда. Характер причинной связи, по мнению Верховного Суда РФ, может влиять на размер ответственности»⁸¹.

Вместе с тем в приговорах по уголовным делам находит постоянное подтверждение правовая позиция о том, что значение имеет исключительно прямая причинная связь. Ее отсутствие, как правило, исключает уголовную ответственность, не забывая, что уголовное право предусматривает ответственность и за покушение на совершение преступления, приготовление к нему.

В свою очередь, применительно к гражданским делам вопрос о характере юридически значимой связи остается открытым,

⁸⁰ Кошелева А.Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. М., 2009. С. 96–97.

⁸¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 75-КГ21-4-К3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

признается юридически значимой по деликтным обязательствам и косвенная причинная связь, в том числе на уровне высшей судебной инстанции.

Согласимся с мнением ряда ученых⁸² о том, что причинная связь либо есть, либо ее нет (допустим, удар ножом и асфиксия рвотными массами на операционном столе либо алкогольная интоксикация и т. п.).

Безусловно, верна формулировка Верховного Суда Российской Федерации о том, что «законодательство не определяет, какой характер причинной связи (прямая или косвенная) является юридически значимым и достаточным для возложения ответственности за причинение вреда».

Предположим, что, формулируя в приговорах причинную связь как прямую, суды имеют в виду «главную», «решающую» причину, правильнее – главный, решающий причинно-следственный ряд событий.

Вместе с тем, если придерживаться данной точки зрения и доктринально предложить практикам отказаться от характеристики причинной связи (прямая, косвенная), возникают закономерные вопросы: послужит ли это принципу справедливости и не позволит ли уйти от ответственности виновным лицам (когда виновный умышленно использует особые свойства организма потерпевшего, нанося легкий удар, приводящий к тяжким последствиям с учетом особенностей состояния здоровья жертвы) либо не расширит ли значительно границы ответственности (и, соответственно, правового произвола) по привлечению к уголовной ответственности невиновных лиц.

Анализ теорий причинной связи позволяет подойти к более важному вопросу правовой оценки деяния (квалификации) при наличии причинно-следственной связи – к вопросу об установлении формы вины, а правильнее, к осознанию деятелем течения причинной связи.

С данным фактором связано и то, что от теории к теории наблюдается следующая закономерность: ученые пытаются отойти от исключительно объективного подхода в пользу объективно-субъективного понимания причинности. Тенденция эта объяснима. Применяя уголовное законодательство при решении вопроса

⁸² Хромов Е.В. Указ. соч.

о привлечении виновного лица к уголовной ответственности, правоприменитель, руководствуясь общими началами, не может игнорировать принцип субъективного вменения, закрепленный в ст. 5 УК РФ. Более того, судьям, профессиональным юристам, сложно обосновать в приговоре наличие либо отсутствие причинной связи через сугубо философские категории генетического порождения следствия причиной, необходимости, случайности, реальности наступления последствий в результате деяния виновного и т. п.

Вместе с тем нельзя допустить подмену правоприменителем понятий причинно-следственной связи и вины, т. е. виновного (осознанного) отношения деятеля к течению причинной связи.

Наличие субъективного в установлении уголовно значимой причинной связи выявлено рядом выдающихся ученых⁸³, таких как Н.С. Таганцев⁸⁴, Н.Д. Сергеевский⁸⁵, М.И. Ковалев⁸⁶, В.Н. Кудрявцев⁸⁷, А.Н. Попов⁸⁸. Кроме того, соединение причинной связи и вины через категории осознание – предвидение – желание наступления преступного результата заложено в самом уголовном законе, ст. 25 и 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. Формы вины есть не что иное, как различное предвидение субъектом преступных последствий своего деяния, т. е. развития причинной связи.

Вина, по сути, является внутренней причиной деяния. Полагаем, что фактически виновное поведение входит в понятие причинной связи в уголовном праве. С другой стороны, отдельные виды виновности заключаются в неосознании причинной связи при возможности осознания или в познании причинной связи и ненадлежащей реакции психики субъекта на это осознание. Строгое разграничение вины как субъективного отношения

⁸³ Подробнее см.: Радов В.В. Постклассическое правопонимание причинной связи: гражданская и уголовная ответственность // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5, № 3. С. 259–269.

⁸⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М., 1994. Т. 1. С. 271.

⁸⁵ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1887. С. 345.

⁸⁶ Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 97.

⁸⁷ Кудрявцев В.Н. Основные вопросы причинной связи ...

⁸⁸ Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ). СПб., 2016. С. 13.

виновного к результату своего деяния и причинной связи как объективной категории дается в науке уголовного права исключительно с целью системности изложения и понимания категории «состав преступления». При этом учитывается, что преступное деяние отличается целостностью объективного воплощения субъективного к нему отношения со стороны надлежащего субъекта.

Глава 5. ПРИМЕНЕНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 238 УК РФ, ПРИ НЕБЕЗОПАСНОМ ОКАЗАНИИ УСЛУГ

Развитость сферы товаров, работ и услуг является одной из главных характеристик постиндустриального общества, однако ввиду приоритета интенсивности производства исполнителями работ и услуг часто игнорируются те или иные требования и правила безопасности, что в любом случае создает опасность наступления тех или иных негативных последствий.

Подобное недобросовестное отношение и несоблюдение субъектом преступления техники безопасности на определенном участке производства либо непосредственно влечет наступление тяжких последствий, либо способно повлиять на процесс реализации товаров, выполнения работы или оказания услуги таким образом, что дестабилизируются средства и процессы по предупреждению и нейтрализации возникших чрезвычайных ситуаций, в результате чего причиняются тяжкие последствия.

В целях осуществления противодействия таким общественно опасным деяниям, а также для предупреждения их совершения законодатель предусматривает уголовную ответственность за небезопасные реализацию товаров, выполнение работ и оказание услуг.

Главным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения в сфере реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг, является Гражданский кодекс Российской Федерации. Однако в нем отсутствует общее понятие товаров, работ, а отдельные главы посвящены конкретным видам работ⁸⁹. Нормативное

⁸⁹ Глава 37 ГК РФ регулирует отношения, возникающие и реализующиеся в процессе выполнения подрядных работ, глава 38 посвящена научно-исследовательским, опытно-конструкторским и технологическим работам и т. д.

определение понятия товара, работы, услуги содержится в приказе Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства от 20 мая 1998 г. № 160 «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”».

Согласно указанному документу, под товаром понимается любая вещь, не изъятая из гражданского оборота, реализуемая по договору купли-продажи гражданину для личных (бытовых) нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Сырье, материалы, комплектующие изделия, полуфабрикаты и т. п. могут рассматриваться в качестве товара в тех случаях, когда они реализуются потребителю продавцом по договору купли-продажи в качестве самостоятельной товарной единицы.

Под работами понимается деятельность (работа) исполнителя, осуществляемая за плату по заданию потребителя, имеющая материальный результат (строительство жилого дома, ремонт обуви и т. п.), который передается гражданину для удовлетворения личных (бытовых) нужд.

В соответствии со ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Более подробное определение понятия услуги содержится в Приказе Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства от 20 мая 1998 г. № 160. Так, под услугами понимается совершение за плату определенных действий или осуществление определенной деятельности по заданию гражданина для удовлетворения личных (бытовых) нужд (услуги по перевозке, связи, консультационные, образовательные и т. п.).

В ходе анализа приведенных нормативных дефиниций возникают определенные вопросы относительно возможности их использования в полной мере в рамках уголовного права. Так, Пленумы Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в п. 8 постановления от 11 июня 1999 г. № 41/9 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие первой части Налогового кодекса Российской Федерации» выразил по данной проблеме позицию, согласно которой институты, понятия и термины гражданского,

семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации при использовании в других отраслях применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено законом. Приведенные определения товаров, работ и услуг относятся именно к сфере гражданско-правовых отношений. Однако услуги оказываются не только по заданию гражданина и не только для удовлетворения его личных или бытовых нужд. В частности, для осуществления своих функций органами государственной власти и местного самоуправления оказываются различные услуги населению (жилищно-коммунальные услуги, услуги рекреационного характера, медицинские услуги и т. д.).

Несмотря на это, представляется обоснованным понимание работы как деятельности, направленной на создание материального результата, а услуги как самой деятельности исполнителя по оказанию услуги (именно процесса, в ходе которого не создается материальный результат).

Отнесение общественно опасных деяний к исследуемой группе зачастую играет особо важную роль при квалификации. Так, серьезные проблемы возникают при юридической оценке случаев причинения вреда при осуществлении медицинской деятельности. Для определения подобных фактов как в теории, так и в правовых актах используются различные понятия, среди которых «ятрогенные преступления», «некачественное оказание медицинской помощи», «небезопасное оказание медицинской помощи», «врачебные ошибки» и т. д. Содержание этих терминов отражает различные формы медицинского вмешательства, в связи с чем их использование требует унификации терминологии.

Принятие Федерального закона № 514-ФЗ от 28 декабря 2024 г. и дополнение ст. 238 УК РФ примечанием, согласно которому действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи, породило новые споры об оценке ненадлежащего медицинского вмешательства как оказание небезопасных услуг. Вместе с тем данная новелла лишь закрепила существующие правила квалификации подобных деяний, основанные на разном правовом регулировании медицинской деятельности и потребительских услуг.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) «Об основах охраны здоровья граждан

в Российской Федерации» содержит понятие качества медицинской помощи, которое включает в себя совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата. Приведенный перечень определяет критерии, по которым следует устанавливать наличие либо отсутствие факта некачественного оказания медицинской помощи при юридической оценке деяний медицинских работников.

Понятия небезопасного оказания медицинской помощи ни федеральное законодательство, ни подзаконные акты, регламентирующие деятельность медицинских работников, не содержат. В рамках теории медицинскую помощь ненадлежащего качества определяют как процесс оказания медицинской помощи, в котором имеются врачебные ошибки, способствующие нарушению выполнения медицинских технологий, увеличению и не снижению риска прогрессирования имеющегося у пациента заболевания; риска возникновения нового патологического процесса; неоптимальное использование ресурсов здравоохранения; неудовлетворенность потребителей медицинской помощи⁹⁰.

Одновременно с этим наблюдается определенное расхождение в позициях законодателя относительно содержания и форм осуществления медицинской деятельности. Так, в ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под медицинской помощью понимается комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. В приведенной законодательной дефиниции четко обозначено, что медицинская помощь представляет собой комплекс мероприятий, а также указаны цели осуществления такой деятельности, а именно поддержание и (или) восстановление здоровья. Кроме того, в данном положении медицинские услуги определены как частное понятие по отношению к медицинской помощи, т. е. медицинская помощь в качестве составной части включает в себя медицинские услуги.

⁹⁰ Бобровская О.Н. К вопросу о дефектах качества медицинской помощи // Медицинское право России. 2015. Т.1, № 1(1). С. 37.

В то же время медицинские услуги в этом же нормативно-правовом акте определяются как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное юридическое значение. В приведенном определении медицинские услуги понимаются как единичное вмешательство либо комплекс вмешательств в целях профилактики, диагностики и лечения заболеваний и медицинской реабилитации. Здесь же понятию медицинских услуг придается самостоятельное юридическое значение.

Далее, среди основных понятий, используемых законодателем в сфере охраны здоровья граждан, дается определение лечения как одной из целей медицинских услуг – комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента, восстановление или улучшение его здоровья, трудоспособности и качества жизни. Видится не совсем корректным то, что цель медицинских услуг, имеющих самостоятельное юридическое значение, определяется через указание на одну из целей медицинской помощи (восстановление здоровья).

Подобная непоследовательность законодателя в определении понятий медицинской помощи и медицинских услуг приводила ряд ученых⁹¹ и правоприменителей⁹² к выводу о том, что содержание медицинской помощи складывается из совокупности медицинских услуг, а следовательно, также является услугой.

⁹¹ Колоколов Г.Р., Махонько Н.И. Медицинское право : учеб. пособие. М., 2009. С. 87 ; Душакова Д.А. Место государственных услуг в общей системе публично-правовых услуг // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 11 (42). С. 59 ; Право социального обеспечения : учебник / М.О. Буянова, К.Н. Гусов, С.И. Кобзева ; под ред. К.Н. Гусова. М., 2007. С. 35 ; Право социального обеспечения : учеб. для вузов / Н.И. Дивеева, Е.Н. Доброхотова, Т.В. Иванкина [и др.] ; под ред. М.В. Филипповой. М., 2006. С. 45 ; Барков А.В. Творческое развитие идеи А.Г. Быкова о социальном предназначении предпринимательства в концепции правового регулирования рынка социальных услуг // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 9–13 и др.

⁹² См., напр.: Дмитриев О.Ю. Врачебные ошибки и дефекты медицинской помощи. Юридические аспекты и актуальные вопросы адвокатской практики // Дмитриев и партнеры : сайт. URL: <https://www.dmitriev-advokat.ru/vrachebnyeshibki-i-defekty-medicinsh/> (дата обращения: 16.04.2017).

Так, Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, при следующих обстоятельствах. Н., являясь врачом, имеющим квалификационную категорию по специальности «анестезиология и реаниматология», допустил следующие дефекты медицинского вмешательства: недооценка тяжести состояния ребенка с момента поступления в стационар и все время госпитализации, в связи с чем не организован своевременный перевод из инфекционного отделения в палату интенсивной терапии и реанимации; не организован консилиум специалистов; диагноз сформулирован неполно; не назначен и не произведен посев крови на флору; нарушен порядок транспортировки пациента из палаты реанимации и интенсивной терапии.

В отделении реанимации и интенсивной терапии от смешанной генерализованной вирусно-бактериальной инфекции, приведшей к тяжелому сепсису, полиорганной недостаточности и отеку головного мозга, наступила смерть пациента⁹³.

С другой стороны, ряд ученых выступают против признания общественных отношений, возникающих в связи с оказанием медицинской помощи, частным случаем услуг в традиционном гражданско-правовом смысле⁹⁴. Следуя этой позиции, стоит утверждать, что в приведенном примере медицинская деятельность не имела коммерческой составляющей, несмотря на наличие договора об обязательном медицинском страховании, поэтому нельзя говорить о возникновении гражданско-правовых отношений, позволяющих квалифицировать деяние Н. по ст. 238 УК РФ.

⁹³ Приговор Усть-Ишимского районного суда (Омская область) от 4 февраля 2016 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 06.06.2017).

⁹⁴ Гордеев В.И. Криминализация и декриминализация в практике медицины критических состояний // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3 ноября 2016 г. / Российский гос. ун-т правосудия ; отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2016. С. 80.

Г.Р. Колоколов и Н.И. Махонько, отождествляя понятия медицинской помощи и медицинских услуг, однако приходят к выводу, что осуществление медицинской деятельности нельзя отождествлять с «обычной бытовой услугой». См.: Колоколов Г.Р., Махонько Н.И. Указ. соч. С. 87. Об этом см. также: Право социального обеспечения : учебник /А.А. Бережнов, Е.Ю. Забрамная, О.О. Зорина [и др.] ; под ред. Е.Е. Мачульской. М., 2014. С. 64 ; Благодир А.Л. Социальное обслуживание в системе права социального обеспечения. Киров, 2002. С. 76 и др.

Действительно, ввиду юридической конструкции состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, при неосторожном причинении тяжкого вреда здоровью либо смерти пациенту медицинский работник должен умышленно создавать угрозу жизни или здоровью пациента, оказывая медицинскую помощь с нарушением специальных правил и требований безопасности, что на практике представляется маловероятным, учитывая цели осуществления такой деятельности.

Ш. при оказании медицинской помощи А. не провела следующие обследования: коагулограмма, дуплексное сканирование сосудов (артерий и вен) нижних конечностей, рентгенография легких, обязательные по стандарту медицинской помощи, что повлекло несвоевременную диагностику тромбоэмболии легочной артерии (ТЭЛА) и, как следствие, ошибочную тактику ведения больного. Также в нарушение критериев оценки качества медицинской помощи Ш. назначила внутривенное введение аминокислотной кислоты, применение которой, согласно инструкции производителя, противопоказано при тромбообразовании, тромбоэмболии, склонности к тромбозам и тромбоэмболическим заболеваниям. При подозрении на ТЭЛА применение данного лекарственного средства недопустимо. Вследствие данных нарушений А. скончался от тромбоэмболии легочной артерии⁹⁵.

Квалификация же ненадлежащего оказания, например, косметологических или стоматологических услуг⁹⁶ по ст. 238 УК РФ в целом не вызывает сомнений. Согласно п. 35 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № 736, на исполнителя возлагается обязанность по предоставлению платных медицинских услуг,

⁹⁵ Приговор Раменского районного суда (Московская область) от 19 декабря 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.02.2020). Приговор отменен судом кассационной инстанции, при новом рассмотрении деяние подсудимой квалифицировано по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

⁹⁶ Например, приказом ФКУЗ «МСЧ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области» от 30 декабря 2015 г. № 178 утвержден перечень платных медицинских услуг в амбулаторных условиях, среди которых удаление доброкачественных новообразований кожи, удаление мозолей, электрофорез лекарственных препаратов при костной патологии, массаж различных частей тела, мануальная терапия при заболеваниях периферической нервной системы и пр.

качество которых должно соответствовать условиям договора, а при отсутствии в договоре условий об их качестве – требованиям, предъявляемым к услугам соответствующего вида.

Представляется, что если учитывать публичный характер оказания медицинской помощи, а именно тот факт, что данная деятельность является реализацией социальной функции государства по охране жизни и здоровья граждан, то в качестве критериев разграничения медицинской помощи и медицинских услуг можно выделить:

- 1) наличие опасности для жизни или здоровья пациента;
- 2) безотлагательность медицинского вмешательства;
- 3) безальтернативность.

Наличие у пациента такого заболевания либо болезненного состояния, которое создает опасность для его жизни или здоровья и как следствие влечет безотлагательность медицинского вмешательства, исключает возможность говорить о том, что лицо обращается в медицинскую организацию для удовлетворения своих личных (бытовых) нужд. В подобной ситуации лицо стремится сохранить свою жизнь и здоровье, что говорит об отсутствии потребительских отношений и невозможности квалификации общественно опасного деяния медицинского работника по ст. 238 УК РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 1 и ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Данные положения являются одними из основополагающих начал гражданско-правовых отношений. Если следовать им в рамках сферы медицинского вмешательства, то пациент при наличии угрозы его жизни или здоровью имеет возможность пользоваться правом на выбор более удобных и благоприятных для него методов оказания медицинской помощи, причем медицинский работник обязан учесть такое желание пациента как потребителя услуги. В случае возникновения описанной ситуации воля пациента относительно условий и средств оказания медицинской помощи может и должна быть игнорирована, так как целью медицинского вмешательства в таком случае будет более социально важное и общественно полезное благо – спасение жизни человека.

Если же лицо при отсутствии угрозы для жизни или здоровья обращается в медицинскую организацию для осуществления в отношении его медицинского вмешательства на договорной основе (например, для получения услуг косметологического характера) и медицинский работник нарушает установленные правила или требования безопасности, то подобное деяние медицинского работника может быть квалифицировано по ст. 238 УК РФ. Подобное деяние совершается не в ходе оказания медицинской помощи ввиду несоответствия целям такого вмешательства, а следовательно, не подпадает под исключение, указанное в примечание к ст. 238 УК РФ.

Первоочередным же вопросом при юридической оценке фактов причинения вреда в результате осуществления какого-либо вида деятельности является определение сферы совершения общественно опасного деяния, а именно относится ли осуществление такого рода деятельности к сфере реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг. В этом вопросе стоит согласиться с позицией П.А. Фефелова относительно того, что сущность преступления, его опасность для общества состоит не в материальном ущербе, а в социальных издержках, возникающих в результате преступного посягательства на господствующие общественные отношения – экономические, политические, идеологические устои общества, которые охраняются уголовным правом, – иными словами, в социальной сущности ущерба⁹⁷.

Для обоснования необходимости существования уголовной ответственности за нарушение правил и требований безопасности одновременно с ответственностью в рамках других отраслей права необходимо обратиться к, пожалуй, главному основанию криминализации общественно опасных деяний – общественной опасности.

В теории уголовного права под общественной опасностью понимается имманентное свойство (качество) преступления, связанное с тем, что оно причиняет или способно причинить существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. В соответствии с ч. 1 ст. 15 УК РФ, а также ст. 60 УК РФ общественная опасность характеризуется двумя показателями – характером и степенью.

⁹⁷ Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., 1992. С. 25–26.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что характер общественной опасности определяется в соответствии с законом с учетом объекта посягательства, формы вины и категории преступления. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Отдельные вопросы, связанные с определением показателей общественной опасности рассматриваются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Вместе с тем ч. 1 ст. 238 УК РФ сформулирована как формальный состав преступления, что не позволяет разграничить данное преступление со смежными административными правонарушениями путем сравнения тяжести наступивших последствий.

Верховный Суд Российской Федерации ориентирует правоприменителя на необходимость оценки опасности самого деяния и той угрозы, которую создало нарушение требований безопасности. В пунктах 2, 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», разъясняется:

«По смыслу закона уголовная ответственность по части 1 или по пунктам «а», «б» части 2 статьи 238 УК РФ наступает при условии, что опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной.

Если лицо допустило такое нарушение при производстве, хранении или перевозке в целях сбыта либо сбыте товаров и продукции, выполнении работ или оказании услуг, а равно неправомерных выдаче или использовании официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, но указанные товары, продукция,

работы, услуги не представляли реальную опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека, то такое деяние не образует состава преступления, предусмотренного статьи 238 УК РФ».

При этом под реальной угрозой работ и услуг для жизни или здоровья потребителей в рамках данного состава преступления Верховный Суд Российской Федерации понимает такое их качество, при котором выполнение работ или оказание услуг в обычных условиях могло привести к последствиям в виде смерти или причинения тяжкого вреда здоровью человека.

Следовательно, при юридической оценке фактов небезопасной реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг без наступления общественно опасных последствий правоприменителю следует ориентироваться на положения Общей части уголовного закона, распространяющиеся на все составы Особенной части.

До принятия данного Постановления устоялась практика привлечения к уголовной ответственности водителей общественного транспорта за нарушение правил эксплуатации транспортных средств, объективно не подвергающее опасности потребителей услуги.

Так, приговором Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, при следующих обстоятельствах: транспортное средство – ЛИАЗ (автобус), водителем которого являлся В., было осмотрено инспекторами ОГИБДД, в результате чего были выявленные следующие технические неисправности: неисправен ремень безопасности для инвалидов, неисправен задний аварийный выход, неисправен омыватель стекла, отсутствует огнетушитель, неисправны внешние осветительные приборы, неисправен обогрев зеркал. О данных неисправностях В. был осведомлен, однако приступил к осуществлению платных услуг на территории Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга по перевозке пассажиров на указанном транспортном средстве⁹⁸.

Представляется, что в подобных случаях формально нарушены правила эксплуатации транспортных средств, что, безусловно,

⁹⁸ Приговор Фрунзенского районного суда (город Санкт-Петербург) от 31 марта 2015 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2025).

недопустимо при оказании транспортных услуг, однако при этом отсутствует создание реальной угрозы жизни и здоровью пассажиров (потребителей услуги). Таким образом, деяние В. формально содержит признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, однако не содержит достаточной степени общественной опасности для его привлечения к уголовной ответственности.

При наличии определенных обстоятельств, например погодных условий (недостаточная освещенность, слабая видимость, осадки), в совокупности с которыми допущенные нарушения правил эксплуатации транспортных средств действительно создавали бы реальную угрозу жизни и здоровью пассажиров, В., бесспорно, должен быть привлечен к уголовной ответственности. В связи с этим можно сделать вывод о том, что не любое нарушение специальных правил и требований при выполнении работ и оказании услуг может расцениваться достаточно общественно опасным для признания подобного деяния преступным⁹⁹.

Данное обстоятельство особо актуально в связи с наличием малоразличимых составов административных правонарушений и преступлений, связанных с небезопасным выполнением работ и оказанием услуг. Например, ответственность за нарушение правил осуществления перевозок пассажиров водным транспортом (как частного случая оказания услуг) предусмотрена ст. 11.10 и 14.4 КоАП РФ, а также ст. 238 и 263 УК РФ и др.

Представляется, что разграничение административных правонарушений и преступлений должно осуществляться на основе сравнительного анализа составов таких правонарушений.

Так, ст. 14.4 КоАП РФ предусматривает ответственность за выполнение работ либо оказание населению услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, устанавливающих порядок (правила) выполнения работ либо оказания населению услуг, за исключением случаев, предусмотренных ст. 14.4.2 КоАП РФ.

⁹⁹ На приведенное требование указывает и Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 ноября 2007 г. № 805-О-О по жалобе Н.К. Кислицыной: «По смыслу ст. 238 УК РФ, ответственность за предусмотренное ею преступление возможна лишь при условии доказанности не только самого факта производства, хранения или перевозки в целях сбыта либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, но и опасности этих действий для жизни или здоровья потребителей...».

Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 238 предусматривает ответственность за совершение аналогичного деяния. Объективная сторона административного правонарушения включает несоответствие работ и услуг *«требованиям нормативных правовых актов, устанавливающих порядок (правила) выполнения работ либо оказания населению услуг»*. Действие же уголовного закона распространяется на выполнение работ и оказание услуг *«не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей»*.

Нормативное регулирование реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг осуществляется посредством федеральных законов и подзаконных правовых актов, принятых для более подробной регламентации отдельных видов работ и услуг. Однако такие нормативно-правовые акты могут содержать в себе не только правила и требования безопасности, но и положения организационного характера. Исходя из текстов КоАП РФ и УК РФ, для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо нарушение последним именно правил или требований безопасности, в то время как для состава административного правонарушения достаточно лишь нарушения положений нормативных правовых актов, устанавливающих порядок выполнения работ либо оказания населению услуг.

Специальным составом административного правонарушения, предусмотренным ст. 11.10 КоАП РФ, установлена ответственность за нарушение правил обеспечения безопасности пассажиров при посадке на суда, в пути следования и при их высадке с судов водного транспорта либо с маломерных судов. В качестве деяния в данном составе административного правонарушения и в составе преступления, предусмотренном ст. 238 УК РФ, выступает нарушение правил или требований безопасности потребителей. Следовательно, разграничить данные составы правонарушений, исходя из того, какие правила или требования были нарушены, невозможно.

Видится, что в данном вопросе необходимо учитывать, насколько «опасно» совершенное деяние по существу. Применение ст. 238 УК РФ обоснованно лишь в случаях, когда совершенное деяние лица создало реальную угрозу причинения вреда жизни или здоровью потребителей. В противном случае стоит вести речь о составе административного правонарушения.

В качестве примера обоснованного привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ можно привести следующую ситуацию.

И., управляя катером марки «Амур-Д», организовал проведение водного аттракциона с помощью надувного баллона «Таблетка», буксируемого при помощи троса, а также оказывал услугу по перевозке пассажиров по акватории реки. При плавании на буксируемом катером «Амур-М» под управлением судоводителя И. баллоне создавалась реальная угроза жизни и здоровью пассажиров буксируемого баллона, а также угроза жизни и здоровью людей, находящихся в воде и отдыхающих на берегу, так как вследствие течи корпуса судна увеличивается масса судна, снижается его маневренность. Таким образом, существовала реальная угроза затопления судна-буксировщика с возможным опрокидыванием буксируемого баллона и увлечением его под воду с находящимися на нем пассажирами¹⁰⁰.

В приведенном примере наглядно демонстрируется, что для признания совершенного деяния преступным необходимо установить факт не только нарушения правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг, но и создания реальной угрозы для жизни и здоровья потребителей.

Установленные условия обстановки оказания услуг позволяют говорить о наличии достаточной общественной опасности совершенного деяния для привлечения И. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ. Игнорирование судоводителем правил и требований безопасности создало реальную угрозу для жизни как потребителей услуг, так и окружающих, и объективно могло повлечь наступление тяжких последствий. Данное обстоятельство свидетельствует об общественной опасности деяния И. и об обоснованности привлечения его к уголовной, а не к административной ответственности, несмотря на тот факт, что негативные последствия не наступили.

Таким образом, для квалификации случаев небезопасного выполнения работ и оказания услуг, не повлекших наступления общественно опасных последствий, по статьям УК РФ необходимо установить, что лицом допущены нарушения именно требований

¹⁰⁰ Приговор Волжского районного суда г. Саратова (Саратовская область) от 23 декабря 2016 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.09.2017).

безопасности, которые создали реальную угрозу причинения вреда жизни или здоровью потребителей¹⁰¹.

В рамках характеристики общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 238 УК РФ, безусловно заслуживающей внимания представляется позиция Н.И. Пикурова. Так, он утверждает, что диспозиция такого вида порождает сложное юридическое образование. Для ее применения необходимо сначала установить все признаки административного или гражданского правонарушения со всеми компонентами их состава, а затем дать уголовно-правовую оценку в целом. В итоге состав преступления этой группы поглощает признаки административной противоправности, оставляя один ее вид – уголовную противоправность. Признаки гражданского правонарушения хотя и входят в состав преступления, но не поглощаются им, оставаясь основанием гражданско-правовой ответственности, реализуемой параллельно с привлечением лица к уголовной ответственности¹⁰².

Автор в данном случае, во-первых, описывает сложную с точки зрения юридической природы структуру механизма совершения преступлений, связанных с нарушением специальных правил, а во-вторых, в очередной раз указывает на тесную взаимосвязь положений базового законодательства и норм уголовного закона при анализе таких составов преступлений.

Положения базового законодательства, посвященные обеспечению безопасности при реализации товаров, выполнении работ и оказании услуг, можно подразделить на управомочивающие, обязывающие и запретительные нормы. Следовательно, в зависимости от того, правило какого вида было нарушено, можно сделать вывод о форме деяния. Управомочивающие требования безопасности чаще всего обращены к потребителю или исполнителю, так как они наделяют субъектов общественных отношений правом на безопасность их благ и законных интересов в процессе реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг.

¹⁰¹ В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением И.А. Белецкого, что состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 14.4 КоАП РФ, и состав преступления, предусмотренный ст. 238 УК РФ, разграничить невозможно. См.: Белецкий И.А. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при выполнении работ или оказании услуг : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 84–85.

¹⁰² Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 36.

Например, ст. 7 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 7 июля 2025 г.) «О защите прав потребителей» наделяет потребителей правом на безопасность процесса и результатов работ и услуг при обычных условиях их использования, хранения, транспортировки и утилизации. Соответственно, праву потребителя корреспондирует обязанность исполнителя по безопасному выполнению работ и оказанию услуг. Нарушение же исполнителем данного требования может быть выражено как в форме бездействия, т. е. в невыполнении конкретных обязательных предписаний по обеспечению безопасности работ и услуг, так и в форме действия, т. е. в совершении прямо запрещенных нормами отраслевых нормативно-правовых актов действий.

В свою очередь, обязывающие и запретительные правила и требования чаще всего обращены к работодателю, руководителю, продавцу или исполнителю работ или услуг и по своему содержанию обладают более императивным характером. Обязывающие правила и требования безопасности в большинстве случаев заключаются в указании на совершение необходимых действий в процессе реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг, т. е. в регламентации непосредственно процесса производства товара, выполнения работы или оказания услуги либо обеспечивающих действий (ограждение территории выполнения работы или оказания услуги, ношение специальной одежды и т. п.).

Нарушение подобных правил и требований чаще всего выражается в форме бездействия, т. е. в невыполнении или ненадлежащем выполнении действий, совершение которых обязательно для обеспечения безопасности.

Так, С., являясь директором управляющей компании, был обязан организовать работы по утеплению и прочистке вентиляционных каналов, а также по проверке наличия в них тяги. Однако С., не желая нести расходы, не заключил договор о выполнении данных работ, что не позволило своевременно выявить в квартире засор вентиляционных каналов и утрату функции обеспечения нормативного воздухообмена. Вследствие этого из-за работы газового водонагревателя произошло скопление угарного газа в квартире, что привело к смерти двух человек. Судом первой инстанции С. был осужден по ч. 3 ст. 238 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции исключил из описательно-мотивировочной части приговора указание на наличие тяжких последствий совершенного преступления.

Кассационным постановлением деяние С. переквалифицировано на ч. 3 ст. 109 УК РФ. В обоснование этого решения суд привел довод о том, что деяние, предусмотренное ст. 238 УК РФ, может совершаться только в форме активного действия. Полное же бездействие, по мнению суда, не может приравниваться к оказанию услуги, не отвечающей требованиям безопасности, поскольку не оказанная услуга не может вообще обладать какими-либо свойствами (качественной, некачественной, опасной или безопасной). а следовательно, не образует указанного состава преступления.

Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации кассационное постановление отменено, дело передано на новое кассационное разбирательство. Верховный Суд указал, что именно неисполнение осужденным как руководителем управляющей компании своих обязанностей по надлежащему содержанию жилого дома, отсутствие договора со специализированной организацией привело к тому, что состояние вентиляционного канала в квартире не было своевременно проверено, не проведены необходимые мероприятия по его очистке или в случае необходимости – ремонту.

Неудовлетворительное функционирование систем вентиляции явилось следствием того, что работы и услуги возглавляемой С. управляющей компании по содержанию общего имущества собственников жилых помещений, в частности дымоходов и вентиляционных каналов, не отвечали предъявляемым требованиям¹⁰³.

В содержание запретительных правил и требований безопасности в большинстве случаев входят действия, которые напрямую создают опасность для заказчика и потребителя работы или услуги, а также окружающих, в связи с чем на их совершение налагается запрет. В случае нарушения таких правил и требований безопасности обоснованно говорить о деянии как об активной форме проявления человеческой жизнедеятельности, которая выражается в совершении прямо запрещенных действий.

Обязательным участником общественных отношений, складывающихся в связи с реализацией товаров, выполнением работ

¹⁰³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2018 г. № 50-УДП117-26] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.02.2019).

и оказанием услуг, является их исполнитель, в связи с этим представляется необходимым остановиться именно на его характеристике.

В соответствии с основными положениями Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» под изготовителем понимается организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, производящие товары для реализации потребителям. Под исполнителем понимается организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Как верно отмечает Н.И. Пикуров, «состав уголовно наказуемых посягательств на субъективные гражданские права не может не опираться на существующие в этой отрасли правовые положения. Например, в случае нарушения субъективных гражданских прав, вытекающих из договора, его субъектом может быть лишь сторона сделки. Поэтому уголовный закон, устанавливая ответственность за посягательство на такое право, связывает признаки субъекта преступления с признаками стороны договора или иной сделки»¹⁰⁴.

Представляется верным закрепление расширенного круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»: «Субъектом производства, хранения, перевозки в целях сбыта или сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, а также неправомерного использования официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, продукции, работ или услуг требованиям безопасности, может являться как руководитель организации, осуществляющей такую деятельность, независимо от ее организационно-правовой формы, или индивидуальный предприниматель, или их работник, так и лицо, фактически осуществляющее производство и оборот продукции и товаров, выполнение работ, оказание услуг без соответствующей государственной регистрации».

¹⁰⁴ Пикуров Н.И. Указ. соч. С. 109.

Работник организации или индивидуального предпринимателя, реализуя товары, выполняя работы или оказывая услуги в рамках потребительских отношений, действует от лица и в интересах «титульного» исполнителя работы или услуги – юридического лица или индивидуального предпринимателя. Следовательно, привлечение рядового работника к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ не противоречит положениям отраслевого законодательства. Кроме того, вывод о том, что субъектом рассматриваемого преступления может быть признан не только руководитель организации или индивидуальный предприниматель, но и лицо, непосредственно выполняющее работу или оказывающее услугу, следует из того факта, что на таком лице лежит обязанность по соблюдению правил и требований безопасности в процессе осуществления данного вида деятельности.

Следует согласиться со следующей позицией суда кассационной инстанции: «Согласно положениям уголовного закона, субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, являющееся руководителем или ответственным за качество выпускаемой или продаваемой продукции (товаров) предприятия, учреждения, организации любой формы собственности и организационно-правовой формы, в том числе и частный предприниматель, а также лицо, непосредственно реализующее товар, выполняющее работы, оказывающее услуги...»¹⁰⁵.

При рассмотрении кассационной жалобы по другому уголовному делу судом также была занята верная позиция, согласно которой осужденный, непосредственно выполняющий работы, является субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, в связи с чем приговор по уголовному делу был оставлен без изменения¹⁰⁶.

Однако практика судов содержит и примеры неверного толкования субъекта преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ.

¹⁰⁵ Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда (город Санкт-Петербург) от 12 октября 2016 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰⁶ Апелляционное определение Московского городского суда (город Москва) от 20 ноября 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.03.2025).

Так, осужденный был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ, несмотря на то, что он не осуществлял предпринимательскую деятельность, а перевоз пассажиров через реку на безвозмездной основе. Кроме того, в ходе рассмотрения уголовного дела не была дана оценка тому, что осужденный индивидуальным предпринимателем не являлся, в судебных решениях не приведено достаточных доказательств того, что перевозка пассажиров была произведена на возмездной основе¹⁰⁷.

Аналогичное решение было принято судом по следующему уголовному делу. Ш. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, при следующих обстоятельствах. Ш. поместил на борт моторной лодки пассажиров Д., М. и И. в нарушение ст. 34 Кодекса внутреннего водного транспорта, Правил пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации, не обеспечив безопасную практику эксплуатации судна, не подготовив судно к плаванию, не проверив перед выходом в плавание исправность судна и его механизмов, оснащенность необходимым оборудованием, спасательными средствами и другими предметами снабжения в соответствии с установленными нормами, в частности огнетушителем, водоотливными средствами, спасательным концом, не проведя инструктаж пассажиров по правилам поведения на судне, не обеспечив, чтобы на всех людях, находящихся на судне, были надеты спасательные жилеты, отчалил от берега, подвергнув жизнь и здоровье перевозимых им пассажиров реальной опасности.

За оказанную услугу перевозки Д., М. и И. передали Ш. денежные средства. В суде подсудимый не признал вину в совершении преступления в связи с тем, что в вечернее время к нему обратилась женщина, сказала, что едет из больницы, и попросила переправить их через реку. Другого транспорта на реке не было, он решил помочь и перевез женщину с ребенком на другой берег, где к нему подошли трое мужчин, которым нужно было переправиться через реку, одним из которых был Д. И так как они постоянно работают с Ш., он решил, что ему все равно позвонят, чтобы он переправил сотрудников, и решил перевезти всех мужчин. Надеть спасательные жилеты он пассажирам не предлагал,

¹⁰⁷ Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан (Республика Башкортостан) от 4 июня 2014 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 15.03.2025).

так как пересечение реки было быстрое, волнения на реке не было, он был опытным сотрудником и мог предотвратить любую ситуацию. Деньги он взял с мужчин за провоз, чтобы купить на них бензин для использования в служебных целях.

Оценив материалы дела, суд пришел к выводу, что Ш. при перевозке пассажиров допустил нарушение норм федерального законодательства, обязательных для соблюдения при осуществлении услуг по перевозке пассажиров, что создало реальную угрозу для их жизни и здоровья. Вопреки доводам адвоката, по смыслу закона, оказание даже разовой услуги, не отвечающей требованиям безопасности, которая создавала реальную опасность для жизни или здоровья потребителя, образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ¹⁰⁸.

С приведенными позициями нельзя согласиться в связи с тем, что, согласно положениям отраслевого законодательства, факты разовой или даже неоднократной реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг не позволяют сделать вывод о наличии у сторон договора правовых статусов потребителя/продавца/исполнителя, что исключает возможность квалификации нарушения виновным лицом правил и требований безопасности по ст. 238 УК РФ.

Также видится верным указание в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» на тот факт, что наличие либо отсутствие соответствующей государственной регистрации у лица, фактически осуществляющего деятельность по реализации товаров, выполнению работ и оказанию услуг, не влияет на определение субъекта рассматриваемого состава преступления.

Как справедливо отмечает Е.В. Хромов, «гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, не вправе ссылаться в отношении заключенных им сделок на то, что он не является предпринимателем.

¹⁰⁸ Приговор Каменского городского суда (Алтайский край) от 30 декабря 2015 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 09.02.2016). В данном примере погодные условия, опыт судоводителя и расстояние перевозки также вызывают серьезные сомнения в правильности квалификации деяния по ч. 1 ст. 238 УК РФ с точки зрения создания реальной угрозы жизни и здоровью потребителя.

К таким сделкам применяется законодательство о защите прав потребителей»¹⁰⁹.

Данный подход находит отражение не только в пп. 5 и 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», но и в практике Президиума Верховного Суда Российской Федерации, приведенной в обзоре судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», утвержденном 6 декабря 2017 г.: «Осуществление лицом запрещенной для него лицензируемой деятельности с нарушением установленных правил ее ведения не препятствует квалификации данного деяния как по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ за осуществление деятельности без специального разрешения (лицензии), так и по статье КоАП РФ, предусматривающей ответственность за нарушение правил ее осуществления».

Зачастую подобные нарушения правил и требований безопасности создают угрозу для жизни и здоровья потребителей.

Так, Г. и Б. признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 171 и п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ, при следующих обстоятельствах.

Г. и Б. на систематической основе осуществляли деятельность по оказанию услуг в сфере социального обслуживания граждан, связанных с социальным обслуживанием престарелых граждан, без регистрации юридического лица и (или) регистрации в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица.

В результате осуществления такой деятельности Г. и Б. получили незаконный доход в сумме не менее 2 089 480 рублей, который является крупным размером.

Содержанием деятельности Г. и Б. являлось содержание престарелых граждан и уход за ними в стационарной форме социального обслуживания иностранными гражданами, незаконно находящимися на территории Российской Федерации и не имеющими необходимых навыков для осуществления данной деятельности.

¹⁰⁹ Хромов Е.В. Проблемы квалификации деяний по ст. 238 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 4.

Кроме того, Г. и Б. размещали для постоянного проживания престарелых граждан в жилом доме, который не соответствовал требованиям пожарной безопасности: дом не оборудован автоматической пожарной сигнализацией; не оснащен системой оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре; в доме не обеспечена подача светового и звукового сигналов о возникновении пожара на приемно-контрольное устройство в помещении дежурного персонала или на специальные выносные устройства оповещения, а также с дублированием этих сигналов на пульт подразделения пожарной охраны без участия работников объекта и (или) транслирующей этот сигнал организации; дом не обеспечен первичными средствами пожаротушения; дом не оборудован вторым эвакуационным выходом со второго этажа здания, а единственный выход со второго этажа здания не является эвакуационным, ширина эвакуационных выходов из помещений менее нормативной; в доме отсутствуют планы эвакуации людей при пожаре; в помещении кухни дома используется электрическая розетка с видимыми механическими повреждениями корпуса.

Нарушение данных требований пожарной безопасности создало опасность для жизни и здоровья потребителей услуг.

Перечисленные нарушения правил и норм, как в отдельности, так и в их совокупности, представляли угрозу жизни и здоровья потребителей услуг – престарелых граждан, которым Г. и Б. оказывали социальные услуги в стационарной форме¹¹⁰.

Данный пример наглядно характеризует случаи осуществления незаконной предпринимательской деятельности, связанной с нарушением правил и требований безопасности.

Так, в п. 9 ранее действовавшего постановления от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум Верховного Суда Российской Федерации давал следующую рекомендацию. Если лицо осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность путем изготовления и реализации фальсифицированных товаров, например спиртосодержащих напитков, лекарств, под видом подлинных, обманывая потребителей данной продукции относительно качества и иных характеристик товара, влияющих на его стоимость,

¹¹⁰ Приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 11 марта 2016 г. // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.07.2017).

содеянное образует состав мошенничества и дополнительной квалификации по ст. 171 УК РФ не требует. В тех случаях, когда указанные действия связаны с производством, хранением или перевозкой в целях сбыта либо сбытом фальсифицированных товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 159 и 238 УК РФ.

В свою очередь, при разъяснении правил квалификации преступлений в сфере экономической деятельности в абз. 2 п. 15 постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 7 июля 2015 г.) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» Пленум Верховного Суда Российской Федерации делает следующий вывод. В тех случаях, когда незаконная предпринимательская деятельность была связана с производством, хранением или перевозкой в целях сбыта либо сбытом товаров и продукции, выполнением работ или оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171 и 238 УК РФ.

На первый взгляд, приведенные положения противоречат друг другу, в связи с чем возникает обоснованный вопрос, какой из рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации необходимо следовать при юридической оценке фактов небезопасного выполнения работ и оказания услуг.

Однако представляется, что разница в выводах Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации небезопасного выполнения работ и оказания услуг вызвана различиями в особенностях общественных отношений, охраняемых составами преступлений, предусмотренных ст. 159 и 171 УК РФ.

В первую очередь необходимо отметить, что общественная опасность незаконного предпринимательства состоит в том, что большое число лиц, юридических или физических, выпадает из сферы контроля государства и органов местного самоуправления за их деятельностью. Это чревато различного рода нарушениями, связанными с производством и реализацией товаров и услуг потребителям и контрагентам¹¹¹.

¹¹¹ Уголовное право. Особенная часть : учебник / А.И. Бойко, Н.И. Ветров, А.А. Витвицкий [и др.] ; под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 225.

В связи с этими обстоятельствами деятельность по выполнению работ и оказанию услуг, осуществляемая не зарегистрированными лицами или лицами, не получившими специального разрешения (лицензию), потенциально способна причинить значительный вред жизни, здоровью и имуществу потребителей таких работ и услуг. Но может ли признаваться незаконным предпринимательством деятельность, осуществляемая с нарушением правил и требований безопасности?

Следует согласиться с Б.В. Волженкиным, писавшим, что если незаконное предпринимательство выражалось в деятельности, самой по себе запрещенной уголовным законом (например: незаконное изготовление или ремонт огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых средств или взрывных устройств – ст. 233 УК РФ, организация и содержание притонов для потребления наркотических средств – ст. 232 УК РФ, незаконное распространение порнографических материалов или предметов – ст. 42 УК РФ и др.), то ответственность наступает по этим специальным уголовным законам¹¹².

Аналогичной позиции придерживается и В.И. Тюнин: «Деятельность, которая является незаконной по своему содержанию, не является предпринимательской и не подлежит регистрации (например, занятие проституцией, осуществление незаконного оборота наркотических средств), осуществление данной деятельности влечет ответственность по другим статьям УК РФ»¹¹³.

Таким образом, в качестве составляющей незаконного предпринимательства может выступать такая деятельность, возможность осуществления которой предусмотрена законом (например, услуги по перевозке, продажа алкогольной продукции, выполнение строительных работ и т. п.). Незаконной такая предпринимательская деятельность становится ввиду того, что она осуществляется лицом с нарушениями установленного порядка по регистрации субъектов предпринимательской деятельности и лицензированию.

В такой ситуации факт осуществления предпринимательской деятельностью остается «в тайне» от контролирующих и надзирающих органов, что способствует игнорированию правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг для повышения интенсивности производства.

¹¹² Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 65.

¹¹³ Тюнин В.И. Указ. соч. С. 33.

Стоит согласиться с подобным толкованием субъекта рассматриваемого состава преступления, так как для привлечения виновного к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ на него должна быть возложена обязанность по обеспечению соблюдения отраслевых правил и требований безопасности. Данная обязанность может возлагаться законом, подзаконным нормативным либо локальным актом, также эта обязанность может вытекать из занимаемой лицом должности. Однако в силу положений базового законодательства осуществление незаконной предпринимательской деятельности с привлечением к ней работников не снимает с такого лица обязанность по обеспечению соблюдения техники безопасности. Возложение на исполнителя работы или услуги такой обязанности является дополнительной характеристикой субъекта преступления, кроме указанных в ст. 19 УК РФ, из чего следует вывод о том, что субъект преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, является специальным¹¹⁴.

Так, Б. на основании договора гражданско-правового характера, фактически выполняя обязанности работника на АГЗС, на установке по заправке автомобилей сжиженным углеводородным газом, не предназначенной для заправки бытовых газовых баллонов, с помощью металлического переходника самовольно произвел заправку сжиженным углеводородным газом. До и после наполнения баллона сжиженным углеводородным газом Б. не проверил комплектность баллона, не произвел его взвешивание. Указанные обстоятельства могли привести к утечке газа через вентиль или разрушению баллона с возможным последующим воспламенением¹¹⁵.

Интересным аспектом обозначенной темы являются случаи непроведения ответственным лицом инструктажа, что обусловило последующее нарушение работником правил и требований безопасности.

¹¹⁴ Существует все же и иная точка зрения, в соответствии с которой субъект преступных нарушений правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг является общим. См.: Белецкий И.А. Указ. соч. С. 125. Верховный Суд Российской Федерации в надзорном определении от 30 августа 2007 г. № 12-Дп07-11 также указал, что субъект небезопасного выполнения работ и оказания услуг (ч. 1 ст. 238 УК РФ) является общим (Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения; 09.02.2025)).

¹¹⁵ Приговор Первомайского районного суда (Оренбургская область) от 24 декабря 2015 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).

Видится, что субъектом соответствующего преступления должно признаваться лицо, которое не выполнило свои обязанности по ознакомлению работника с содержанием правил и требований безопасности. Такие случаи не являются тождественными ситуациям, когда лицо фактически и самостоятельно реализует товар, выполняет работы и оказывает услуги, не ознакомившись с существующими требованиями безопасности. Здесь же присутствует лицо, на которое возложена обязанность по ознакомлению, контролю и обеспечению соблюдения подчиненными таких требований безопасности.

Так, Ф. был справедливо осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. Ф., являясь старшим работником цирка, был обязан следить за техническим состоянием цирка, вовремя устранять все повреждения перед началом работы, проверять все крепежные элементы конструкции. Разбирать и собирать конструкцию цирка в определенном для него месте. Несмотря на это, Ф. изготовил самодельную техническую конструкцию для реализации умысла, направленного на оказание несанкционированной платной услуги, не отвечающей требованиям безопасности: катание на качелях в антрактах представлений цирка шапито. В процессе эксплуатации данной конструкции, не отвечающей требованиям безопасности, в момент нахождения несовершеннолетней А. и малолетней Б. на высоте более двух метров металлический трос, удерживающий данную конструкцию, оборвался, вследствие чего несовершеннолетняя А. и малолетняя Б. упали на манеж с высоты более двух метров. В результате падения малолетняя Б. получила телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью, а здоровью несовершеннолетней А. был причинен тяжкий вред¹¹⁶.

Обязательным участником общественных отношений, складывающихся по поводу получения/создания вещи, материального результата работы или по поводу оказания услуги, является их заказчик (потребитель).

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» понимает под потребителем

¹¹⁶ Приговор Анивского районного суда (Сахалинская область) от 29 сентября 2015 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 25.02.2025).

гражданина, имеющего намерение заказать или приобрести либо заказывающего, приобретающего или использующего товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В Приказе Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства от 20 мая 1998 г. № 160 разъясняется, что потребителем не является гражданин, приобретающий товары для организаций и за их счет с целью использования этих товаров в производстве, а также заказывающий для организаций за их счет работы, услуги в этих же целях (например, приобретение фотокамеры для работы в издательстве, редакции, химическая чистка штор, натирка полов и т. д.).

Однако является потребителем гражданин, пользующийся услугой личного характера, хотя и заказанной для производственных нужд (например, услуга по перевозке, по проживанию в гостинице в командировочных целях).

Под потребителем понимается не только гражданин, который непосредственно приобрел товар или заказал работу (услугу), но и гражданин, пользующийся ими. Например, потребителем является как гражданин, который купил телевизор или билет в театр, так и гражданин, который пользуется этим телевизором или является зрителем в театре.

Законодательством в отдельных случаях предусматривается, что пользоваться товаром, результатом работы, услугой может только гражданин, заключивший договор с продавцом, исполнителем.

Например, воспользоваться услугой по договору перевозки железнодорожным транспортом в поездах дальнего следования и воздушным транспортом может только гражданин, который указан в билете. Именно этот гражданин является стороной по договору перевозки, соответственно, только он в данном случае является потребителем.

При этом «обычность» условий оказания услуг предполагает, что способ оказания услуг исполнителем гарантирует безопасность при наличии стабильных внешних обстоятельств и разумности поведения потребителя. Например, осознанное употребление потребителем стеклоомывающей жидкости как пищевого алкоголя не может квалифицироваться по ст. 238 УК РФ,

так как товар используется не по назначению (не при обычных условиях)¹¹⁷.

Данные положения играют особо важную роль в квалификации общественно опасных деяний по ст. 238 УК РФ.

Так, Б., являясь директором обслуживающей многоквартирный дом организации, оказывала услуги и выполняла работы по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома.

В нарушение правил и требований безопасности Б. в зимних условиях не сообщила работникам управляющей организации о необходимости уборки кровли, не организовала очистку кровли дома от снега и наледи и не контролировала оказание этой услуги. Более того, Б. не огородила территорию, прилегающую к дому, на которой существовала угроза схода снега и наледи, предупреждающими лентами и аншлагами. Тем самым Б. поставила под угрозу жизнь и здоровье как людей, проживающих в данном доме, так и неопределенного круга иных лиц. В результате с крыши на А. упал кусок наледи со снегом. Как следствие, А. были причинены телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью¹¹⁸.

Обобщая практику судов по аналогичным фактам, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 4 постановления от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснил, что потерпевшим по уголовному делу о таком преступлении может быть признано физическое лицо независимо от того, состояло ли оно в договорных отношениях с лицом (организацией), осуществлявшим производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья человека, неправомерные выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

¹¹⁷ Хромов Е. В. Оказание опасных транспортных услуг и нарушение правил дорожного движения (ст. 238, 264 УК РФ) // Уголовное право. 2022. № 9 (145). С. 55.

¹¹⁸ Приговор Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 22 марта 2016 г. // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 06.06.2025).

Таким образом, в приведенном примере основным объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с охраной здоровья жильцов многоквартирного дома, которые являются потребителями жилищно-коммунальных услуг и здоровью которых была создана реальная опасность. Жизнь и здоровье А. выступают в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, так как пострадавшая не находилась в договорных отношениях с Б., однако ввиду ненаступления последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти А. данный факт не повлиял на квалификацию деяния виновной.

Проведенный анализ общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 238 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что соотношение данного состава со специальными осуществляется на основе опасности товаров, работ и услуг, а также требований безопасности, закрепленных в специальных нормативно-правовых актах.

Следуя логике Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 8 постановления от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов», статьи, предусматривающие ответственность за нарушение правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг, являющихся источниками повышенной опасности (например, ст. 215, 216, 217 УК РФ), имеют приоритет над ст. 238 УК РФ по признаку специальности.

Подобная позиция представляется обоснованной в связи с законодательной тенденцией учета потенциальной опасности отдельных видов работ и услуг. Действительно, не важно, какие правила или требования безопасности были нарушены виновным лицом, ключевым аспектом в данном вопросе выступает характеристика соответствующих работ и услуг как источников повышенной опасности.

В контексте обозначенной проблемы отметим, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 11 постановления от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснил вопросы разграничения состава

преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, со смежными составами: «...если уголовная ответственность за нарушение специальных требований или правил установлена в других статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, то содеянное не должно квалифицироваться по статье 238 УК РФ независимо от того, совершены эти деяния при производстве или обороте товаров и продукции, выполнении тех или иных работ, оказании услуг. Например, нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств при оказании услуги по перевозке пассажиров, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, следует квалифицировать по части 5 статьи 264 УК РФ, а не по части 3 статьи 238 УК РФ».

Данное разъяснение видится верным и своевременным, так как ранее судебная практика знала негативные примеры признания идеальной совокупности данных преступлений. Так, С. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных пп. «б», «в» ч. 2 ст. 238 и ч. 1 ст. 264 УК РФ, совершенных при следующих обстоятельствах. С., управляя личным автомобилем, осуществил перевозку Ю.Н., а также малолетних М.М. и К.М. на заднем пассажирском сиденье своего автомобиля без использования детских удерживающих устройств, соответствующих весу и росту ребенка, или иных средств, позволяющих пристегнуть ребенка с помощью ремней безопасности, предусмотренных конструкцией транспортного средства. Кроме того, С., будучи в утомленном состоянии, ставящим под угрозу безопасность движения, уснул за рулем, в результате чего потерял контроль за движением транспортного средства, после чего выехал на сторону дороги, предназначенную для встречного направления, с пересечением двойной сплошной линии разметки, где на расстоянии около 353 метров допустил столкновение с автомобилем. В результате дорожно-транспортного происшествия был причинен тяжкий вред здоровью водителю встречного автомобиля¹¹⁹.

Подобное толкование уголовного закона и норм отраслевого законодательства представляется неверным, так как большинство

¹¹⁹ Приговор Вологодского городского суда (Вологодская область) от 11 декабря 2015 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 10.02.2025).

требований безопасности оказания транспортных услуг содержатся в Правилах дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 16 июля 2025 г.), и правилах эксплуатации транспортных средств, Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 7 июля 2025 г.) «О безопасности дорожного движения» и Законе Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

В связи с этим ст. 264 УК РФ выступает специальной по отношению к ст. 238 УК РФ.

В случаях же, когда работы или услуги не отвечают таким признакам, на первый план выходит специфика требований безопасности. Так, при конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. 238 и 219 УК РФ, при наличии всех обязательных признаков деяние должно быть квалифицировано по ст. 219 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение специальных требований безопасности¹²⁰.

Глава 6. ОТГРАНИЧЕНИЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ (ст. 264 УК РФ) ОТ ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 105, 277, 295, 317 УК РФ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЖИЗНЬ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Указанием Генерального прокурора России от 19 марта 2020 г. № 175/7 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения» нижестоящим прокурорам предписано активизировать прокурорский надзор за исполнением законов в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации автотранспортных средств; осуществлять постоянный мониторинг состояния законности в указанной сфере; при оценке эффективности надзорной деятельности нижестоящих прокуратур и поднадзорных

¹²⁰ В данном случае требования пожарной безопасности выступают специальными по отношению к неконкретизированным требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, ответственность за нарушение которых предусмотрена ст. 238 УК РФ.

органов учитывать комплекс принимаемых мер, а также их влияние на основные показатели аварийности и смертности на автодорогах, эксплуатационное состояние улично-дорожной сети (п. 1.1), а при осуществлении надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, посягающих на безопасность дорожного движения, своевременно проверять законность принятых процессуальных решений по итогам последственных проверок и предварительного расследования, обеспечить мерами прокурорского реагирования выяснение всех обстоятельств, подтверждающих факты привлечения граждан к административной ответственности, в том числе посредством реализации предоставленных п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочий давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 1.7).

Одним из наиболее распространенных преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (глава 27 УК РФ) является нарушение правил дорожного движения (ПДД) и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ).

Часть 1 ст. 264 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. В других частях ст. 264 УК РФ речь идет о деянии, предусмотренном ч. 1 настоящей статьи:

повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения либо не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами, либо сопряжено с оставлением места его совершения (ч. 2);

повлекшем по неосторожности смерть человека (ч. 3);

повлекшем по неосторожности смерть человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения либо не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами, либо сопряжено с оставлением места его совершения (ч. 4);

повлекшем по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 5);

повлекшем по неосторожности смерть двух или более лиц, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения

либо не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами, либо сопряжено с оставлением места его совершения (ч. 6).

1. Преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, **неосторожные**, поскольку вина лица, управляющего механическим транспортным средством, характеризуется неосторожным (легкомысленным или небрежным) отношением к последствиям (тяжкому вреду здоровью либо смерти одного или нескольких потерпевших), наступающим в результате нарушения таким лицом правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Рассмотрим это на примере преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ:

а) совершаемого по *легкомыслию* – когда лицо, сознательно или неосознанно нарушая правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, предвидит абстрактную возможность причинения своими действиями (бездействием) смерти потерпевшему, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий (при этом расчет строится на конкретных реальных обстоятельствах: например, желая «проскочить» на красный сигнал светофора пешеходный переход, виновный самонадеянно рассчитывает на свой водительский опыт, который поможет ему «в случае чего» правильно сманеврировать, на исправность тормозов и иных агрегатов автомобиля, на то, что в момент пересечения автомобилем пешеходного перехода потерпевший еще не «дойдет» до указанной точки пересечения и т. д., однако его «расчет» не оправдывается, и виновный сбивает потерпевшего, причиняя ему смерть);

б) либо совершаемого по *небрежности* – когда лицо, сознательно или неосознанно нарушая правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (управляет транспортным средством невнимательно: не следит за обстановкой на дороге, отвлекаясь на «посторонние дела», например на несколько секунд отводит взгляд на мобильный телефон, лежащий на панели возле него, в результате чего не замечает маневр другого автомобиля, нарушает ПДД, что приводит к дорожно-транспортному происшествию (ДТП) со смертельным исходом), не предвидело возможности причинения своими действиями (бездействием) смерти потерпевшему, хотя при необходимой внимательности

и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (обязанность предвидеть указанные последствия может возлагаться на виновного, в частности, ПДД или правилами эксплуатации транспортных средств)¹²¹.

Статья 27 УК РФ посвящена ответственности за преступление, совершенное с двумя формами вины: «Если в результате совершения *умышленного преступления* (курсив наш. – Д.К.) причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Поскольку указанное в диспозиции ст. 264 УК РФ нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств *умышленным преступлением* не является, следовательно, преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, не является преступлением, совершаемым с двумя формами вины.

Действительно, классическим примером преступления, совершенного с двумя формами вины, является умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего» (ч. 4 ст. 111 УК РФ), поскольку умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является «умышленным преступлением» (а именно, предусмотренным ч. 1 ст. 111 УК РФ), о котором идет речь в ст. 27 УК РФ. Нарушение же правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств само по себе (без указанных в ст. 264 УК РФ последствий) не преступление, а, к примеру, административное правонарушение.

¹²¹ К сходным выводам приходят и другие авторы. См.: Овчинникова Г.В., Рогатых Л.Ф. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 9 декабря 2008 года № 25 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31 / под ред. А.Н. Попова. СПб., 2011. С. 21–22.

Судебная практика разделяет данный подход.

Так, по одному из дел Санкт-Петербургский городской суд указал, что взаимосвязанное толкование ст. 264 и ст. 26 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что субъективная сторона данного преступления и квалифицированного состава преступления (ч. 3 ст. 264 УК РФ) характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности: виновный предвидит возможность причинения тяжкого вреда здоровью человека вследствие нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта или отказа от выполнения своих обязанностей, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (преступное легкомыслие), а при преступной небрежности лицо не предвидит наступления вредных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Следовательно, как предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ преступление, так и квалифицированный состав данного преступления – ч. 3 ст. 264 УК РФ (причинение смерти по неосторожности двум или более лицам) относятся к преступлениям, совершенным по неосторожности.

Довод представителя ответчика о том, что противоправное деяние, квалифицированное по ч. 3 ст. 264 УК РФ, относится к преступлениям с двумя формами вины, а потому в целом такое преступление признается умышленным, основан на неверном толковании действующего законодательства и не влечет отмену решения суда первой инстанции.

Преступление с двумя формами вины является совокупностью двух самостоятельных преступлений, одно из которых совершено умышленно, а другое – по неосторожности, которые объединены законодателем в единое составное преступление. При этом умысел (прямой или косвенный) направлен на причинение последствий, являющихся признаком основного состава преступления, а неосторожность (в виде легкомыслия или небрежности) проявляется в отношении последствий, образующих квалифицирующий признак. Такое преступление причиняет вред сразу двум объектам уголовно-правовой охраны.

Состав преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ, является материальным (т. е. уголовная ответственность наступает при условии возникновения общественно опасных последствий –

причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерти в результате нарушения ПДД или правил эксплуатации транспортных средств), поэтому уголовно-правовое содержание вины в этом преступлении определяется по отношению к последствиям. Форма вины к последствиям определена законодателем как неосторожная, следовательно, данное преступление в целом также признается неосторожным¹²².

2. Как разъясняется в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», в тех случаях, когда лицо, управлявшее транспортным средством, **умышленно** использовало его в целях причинения вреда здоровью потерпевшего либо причинения ему смерти, содеянное влечет уголовную ответственность по статьям Особенной части УК РФ о преступлениях против жизни и здоровья, например по ст. 105¹²³, ст. 111 (мотивы и цели таких преступлений могут быть любыми, допустим, мотивы мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшие на почве личных отношений).

Так, приговором Иркутского областного суда от 29 января 2020 г. П. осужден по п. «е» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 167 УК РФ за убийство Е., совершенное общеопасным способом; за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Т. и Т., опасного для жизни человека, вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть, совершенное общеопасным способом, с применением предмета, используемого в качестве оружия; за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью Т., не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в ст. 111 УК РФ, но вызвавшего длительное расстройство здоровья, совершенное с применением предмета, используемого

¹²² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25 марта 2015 г. № 33-3905/2015 по делу № 2-5720/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹²³ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2008 г. № 78-О08-44 ; Приговор Омского областного суда от 21 декабря 2022 г. № 2-16/2022. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

в качестве оружия; за умышленное повреждение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба.

8 октября 2018 г. в период времени с 11 ч 30 мин до 12 ч 7 мин П., управляя принадлежащим ему автомобилем марки <...>, осуществлял движение в общественном месте по проезжей части автомобильной дороги по ул. <...> в г. <...> от остановки общественного транспорта <...> в сторону остановки <...>.

Во время движения П. решил, что водитель автомобиля марки <...> под управлением Т., в котором в качестве пассажиров находились несовершеннолетняя Т., 2006 года рождения, и малолетний Т., 2010 года рождения, совершил опасный маневр перед его – П. автомобилем.

В связи с этим у П. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, из мести возник умысел на совершение опасного маневра в отношении водителя автомобиля <...>, при этом П. осознавал общественную опасность и противоправность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных и тяжких последствий в виде повреждения чужого имущества, причинения вреда здоровью и смерти лицам, находившимся в автомобиле <...> и на маршруте его следования, а также в автомобильном транспорте, двигавшемся во встречном и попутном направлениях в это время на данном участке дороги, и к таким последствиям относился безразлично.

С этой целью П., имея значительный опыт управления автомобилем более двадцати лет, управляя источником повышенной опасности – автомобилем <...>, двигаясь по ул. <...> с многополосным движением в обе стороны, с интенсивным движением автомобильного транспорта, со скоростью около 85 км/ч, которая значительно превышает разрешенную скорость движения, нарушая при этом п. 10.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, используя надуманный повод, стал преследовать автомобиль <...> и догнал его на участке автомобильной дороги на ул. <...>.

Далее, П., двигаясь по крайней правой полосе дороги, достоверно зная и понимая, что встречные и попутные полосы движения указанного участка дороги не имеют между собой разделительного барьера, а также что его автомобиль имеет массу 2260 кг, которая значительно превышает массу и размер автомобиля <...>,

массой 1160 кг, двигавшегося в попутном с ним направлении по крайней левой полосе с соблюдением правил дорожного движения в непосредственной близости от разделительной сплошной полосы встречного движения, предвидел, что в случае наезда и тарана автомобиля <...> тот, с учетом технических характеристик и скорости автомобилей, в результате оказанного на него физического воздействия изменит траекторию движения с выездом на полосу встречного движения или пересечет ее, наступят тяжкие последствия.

Реализуя намеченное, П., нарушая требования пп. 10.2, 8.4 Правил дорожного движения и п. 7.3 Перечня неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств, за что предусмотрена ответственность по ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.14, ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, действуя умышленно, общеопасным способом, превышая разрешенную скорость движения, двигаясь со скоростью около 85 км/ч, целенаправленно резко отклонил влево управляемый им автомобиль <...> и на значительной скорости направил его в сторону автомобиля <...>. Таким образом, П. умышленно ударил автомобиль <...> своим автомобилем, применяя его в качестве предмета, используемого в качестве оружия, сознавая, что действует общеопасным способом, своими действиями создает опасность для жизни и здоровья водителя автомобиля <...> и пассажиров, а также других лиц – участников дорожного движения, в том числе для жизни водителя автомобиля <...> под управлением Е., двигающегося во встречном направлении, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде смерти людей и причинения вреда их здоровью, а также повреждения чужого имущества – автомобилей <...> и <...>, но относился к этому безразлично.

В результате автомобиль <...> под управлением Т. по независящим от нее причинам выехал на полосу встречного движения, где столкнулся с двигавшемся во встречном направлении автомобилем <...> под управлением Е., так как по причине противоправных действий П. и скоротечности происходящего водители указанных автомобилей не имели технической возможности предотвратить столкновение управляемых ими автомобилей.

После этого, понимая, что в результате его действий пострадали люди, продолжая проявлять безразличие к наступившим последствиям, П. с места происшествия скрылся.

В результате умышленных действий П.:

Т. причинены телесные повреждения, квалифицируемые как тяжкий вред здоровью;

Т. причинены телесные повреждения, квалифицируемые как тяжкий вред здоровью;

Т. причинены телесные повреждения, в том числе квалифицируемые как средней тяжести вред здоровью;

Е. причинены телесные повреждения, в том числе квалифицируемые как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, от чего Е. скончался 9 октября 2018 г. в больнице.

Кроме того, умышленными действиями П. были повреждены автомобиль <...>, стоимостью 740 тыс. р., принадлежащий Т., и автомобиль <...> стоимостью 521 тыс. р., принадлежащий Е., вследствие чего потерпевшим причинен значительный ущерб в указанном размере¹²⁴.

3. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что для правоприменителя вопрос об отграничении убийства с *косвенным умыслом* (ст. 105 УК РФ) от преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ (особенно совершенных лицом, управлявшим механическим транспортным средством в *состоянии опьянения*), является непростым.

Как справедливо отмечают Л.А. Андреева и Г.В. Овчинникова, «опытный водитель может нарушить Правила сознательно: превысить скорость, совершить обгон, где это недопустимо, проехать под запрещающий знак, управлять автотранспортом в состоянии умеренного опьянения. Совершая такие действия, водитель предвидит возможность опасных последствий своих действий, однако без достаточных оснований, легкомысленно надеется их предотвратить, но последствия наступают. Это по закону (ч. 2 ст. 26 УК РФ) неосторожное преступление, и ответственность следует по ст. 264 УК РФ. Но бывают ситуации, когда водитель управляет автотранспортом в состоянии крайне высокой степени опьянения, что уже свидетельствует о его безразличном отношении к возможным последствиям. Так, по ряду дел при задержании водителя в силу опьянения даже выпадали из кабины. Аналогичными являются и ситуации с так называемым ”опасным

¹²⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2021 г. по делу № 66-УД20-15-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вождением”. Под влиянием азарта, „драйва”, водитель злобно, демонстративно нарушает Правила дорожного движения. Так, например, управляя высокоскоростным автотранспортом, развивает скорость 200 км и более в час на городских улицах с напряженным движением, намеренно меняет полосу движения (игра в шашки) и т. д. В приведенных ситуациях имеет место не неосторожная вина к последствиям, а косвенный умысел. Судя по характеру езды и состоянию водителя, он может рассчитывать только на „авось”, фактически предвидит возможность наступления любых последствий, безразлично относясь к их наступлению, сознательно допуская их. Таким образом, совершается не автотранспортное преступление, а умышленное преступление против личности, причем нередко из хулиганских побуждений, что и должно быть отражено в квалификации и мере наказания»¹²⁵.

Так, приговором Хабаровского краевого суда от 29 мая 2008 г. С. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ за убийство, совершенное 2 октября 2007 г. в период времени с 17.00 до 18.00 в г. Комсомольске-на-Амуре при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В кассационной жалобе осужденный С. утверждал, что умысла на убийство потерпевшей у него не было, в силу алкогольного опьянения не понимал, что происходит, полагал, что исключение из его обвинения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ подтверждает эти обстоятельства, потерпевшую не видел также из-за деформации кузова автомобиля. По телу потерпевшей взад-вперед не проезжал. Считает, что его действия должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 264 УК РФ, просил отменить приговор и направить дело на новое судебное разбирательство.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия признала приговор суда законным и обоснованным.

Фактические обстоятельства содеянного, при которых он, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, совершил наезд на пешехода П.В., причинив ей смерть, осужденным не оспариваются.

¹²⁵ Андреева Л.А., Овчинникова Г.В. Уголовный кодекс нуждается в усовершенствовании // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации. Итоги применения и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 10 июня 2016 года) / М-во образования и науки Российской Федерации, Вологодский гос. ун-т ; отв. ред. В.П. Силкин. Вологда, 2016. С. 14–15.

Обстоятельства неоднократного наезда С. на потерпевшую при движении как вперед, так и задним ходом, когда сбита П.В. находилась между передними и задними колесами автомобиля, достоверно установлены показаниями очевидцев преступления – свидетелей Р., Ч., А.

Показания указанных лиц подтверждаются также заключением эксперта, из которого видно, что обнаруженные при осмотре места происшествия следы образованы при пробуксовке ведущего колеса автомобиля при движении как вперед, так и назад и могли быть оставлены автомобилем, которым управлял С., при резком трогании с места с одновременным воздействием удерживающей силы, которой могло служить препятствие в виде тела потерпевшей под днищем автомобиля.

Вывод суда о косвенном умысле виновного на убийство потерпевшей убедительно мотивированы в приговоре суда обстоятельствами дела и действиями виновного: непринятие им мер к остановке автомобиля до наезда на потерпевшую, переходившую дорогу на разрешающий сигнал светофора, действия, направленные на то, чтобы неоднократно переехать тело потерпевшей, находящееся под автомобилем, непринятие мер к остановке автомашины и оказанию помощи потерпевшей.

При таких данных судом первой инстанции сделан правильный вывод о том, что С. осознавал опасность своих действий и предвидел смерть пешехода, к наступлению которой относился безразлично. Квалификация действий осужденного по ч. 1 ст. 105 УК РФ соответствует фактическим обстоятельствам¹²⁶.

Суд квалифицировал содеянное не по ст. 264 УК РФ, а по ст. 105 УК РФ, посчитав доказанным наличие у С., управлявшего автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, косвенного умысла на убийство потерпевшей.

4. При совершении преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, лицо, используя управляемое им механическое транспортное средство, может действовать и с **прямым умыслом** на лишение жизни потерпевшего.

Так, Б.Д. был осужден по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство У.П, совершенное общеопасным способом.

¹²⁶ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2008 г. № 58-О08-64. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<Дата> в период с 00 ч 01 мин до 01 ч 34 мин на участке местности, прилегающем к кафе <...>, между Б.Д., находившимся в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, и ранее незнакомыми не установленными следствием мужчинами возник конфликт, в ходе которого последние нанесли Б.Д. множественные удары руками по телу, конечностям и голове, причинившие повреждения, не повлекшие вреда здоровью, а также колото-резаное ранение правой ягодицы, повлекшее легкий вред здоровью.

У Б.Д., имевшего реальную возможность покинуть место конфликта, на почве сложившихся личных неприязненных отношений к неустановленным мужчинам, которые уже не представляли реальной угрозы для его жизни и здоровья, возник умысел на убийство последних путем наезда принадлежащим ему автомобилем марки «Тойота Королла 2».

Реализуя преступный умысел, Б.Д., действуя из личных неприязненных отношений, достоверно зная, что на прилегающей к кафе <...> территории находятся мужчины, причинившие ему телесные повреждения, а также другие посетители кафе, среди которых находилась и У.П., предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения смерти любому из лиц, находившихся на данном участке местности, и желая этого, действуя общеопасным способом, управляя автомобилем марки «Тойота Королла 2», с целью убийства умышленно увеличил скорость движения автомобиля и целенаправленно направил автомобиль в направлении группы людей, стоявших на близком расстоянии друг от друга, и совершил наезд на У.П.

В результате умышленных действий Б.Д. потерпевшей У.П. причинены телесные повреждения, от которых наступила ее смерть на месте происшествия¹²⁷.

Убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), отграничивается от преступления, закрепленного ст. 264 УК РФ, по субъективному отношению виновного к смерти потерпевшего: последнее, хотя и совершается при управлении источником повышенной опасности, но в отличие от умышленного лишения жизни другого человека, совершаемого общеопасным

¹²⁷ Приговор Забайкальского краевого суда от 31 августа 2021 г. по делу № 2-20/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

способом с использованием того же источника повышенной опасности¹²⁸, предполагает неосторожную форму вины.

Так, по одному из дел Президиум Верховного Суда Российской Федерации посчитал совокупность имеющихся доказательств свидетельством совершения В. автотранспортного преступления (грубого нарушении им правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, что привело к гибели нескольких лиц), а не убийства, за которое он был осужден судом первой инстанции¹²⁹.

5. Возможно *сочетание* в действиях лица *прямого* и *косвенного умысла* на убийство потерпевших, совершенное с помощью механического транспортного средства.

Ж. на автомашине ЗИЛ-555 подъехал к закусочной, где с приятелем употреблял спиртные напитки. В связи с отказом работницы столовой отпустить ему пиво без очереди он учинил скандал, С. и Б. стали утихомиривать Ж., но он их обругал. Решив отомстить им, Ж. сел за руль и с целью убийства направил автомашину с расстояния 20 – 22 м на С. и Б., стоявших у служебного входа в закусочную.

Увидев угрожающую им опасность, С. и Б. отскочили в сторону, а стоявшая рядом с ними девочка в результате наезда погибла.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР отметила, что суд обоснованно признал прямой умысел на убийство двух лиц в действиях Ж., которые следует квалифицировать по ст. 15 и пп. «в», «д», «з» ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и п. «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ)¹³⁰.

Суд дал верную уголовно-правовую оценку содеянному, поскольку здесь имелась идеальная совокупность преступлений, т. е. одним действием (направлением автомашины в сторону входа в закусочную) Ж. совершил два преступления: покушение на убийство С. и Б. (с прямым умыслом) и причинение смерти стоявшей рядом с ними девочке (с косвенным умыслом).

¹²⁸ См., напр.: Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. № 45-АПУ19-22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹²⁹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 11.

¹³⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1983. № 8.

Его действие было осуществлено общеопасным способом. Следовательно, он совершил преступления, предусмотренные п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в отношении девочки) и ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в отношении С. и Б.).

6. В действовавшем до принятия 9 декабря 2008 г. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. № 11 «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» справедливо разъяснялось, что в тех случаях, когда виновным последовательно совершены два самостоятельных преступления, одно из которых являлось автотранспортным, а другое – против жизни и здоровья личности, его действия надлежит квалифицировать *по совокупности указанных* преступлений (п. 5).

Судебная практика и сейчас осталась на тех же позициях.

Так, приговором Калининского районного суда Краснодарского края от 28 февраля 2014 г. В. был осужден по ч. 2 ст. 264 и ч. 1 ст. 105 УК РФ и признан виновным в том, что совершил нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, находясь в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, а также убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, при следующих обстоятельствах.

19 апреля 2011 г. водитель В., будучи в состоянии алкогольного опьянения, управлял автомобилем марки «ВАЗ 21011», перевозя в указанном автомобиле на переднем пассажирском сиденье Д.А.Н., двигался по автодороге <...>, достоверно зная, что управляет технически неисправным автомобилем, в котором в неисправном состоянии находились тормозная система, внешние световые приборы и рулевое управление, при этом В. не имел водительского удостоверения на право управления транспортным средством.

При движении В. по прямому участку указанной автодороги со скоростью около 100 км/ч, более точная скорость следствием не установлена, которая не обеспечивала возможность постоянного контроля за движением автомобиля, В. являясь лицом, управляющим автомобилем, был обязан знать и соблюдать относящиеся к нему требования Правил дорожного движения Российской Федерации, а также действовать таким образом, чтобы

не создавать опасности для движения и не причинять вреда, однако проявил преступные легкомыслие и невнимательность к дорожной обстановке, выразившиеся в том, что в силу алкогольного опьянения, не дающего ему возможности правильно и адекватно оценивать дорожную ситуацию, следуя без учета дорожных и метеорологических условий, неисправного технического состояния транспортного средства, в темное время суток, осознавая, что своими действиями нарушает ПДД и правила эксплуатации транспортного средства, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своих действий в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывая на предотвращение этих последствий, имея возможность при условии выполнения им требований ПДД предотвратить ДТП, продолжил движение и в районе <...>, увидев велосипедиста, совершил маневр, в результате которого выехал на обочину проезжей части, где допустил наезд на движущееся в попутном направлении транспортное средство – велосипед «Аист» под управлением М., являющегося также участником дорожного движения.

После столкновения с велосипедистом В., не справившись с управлением автомобилем, совершил съезд с проезжей части автодороги <...> в придорожный дренажный канал, наполненный водой. Дорожно-транспортное происшествие возможно было избежать в случае соблюдения В. требований Правил дорожного движения и Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностей должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения (далее – Основные положения), утвержденных Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 10 мая 2010 г. № 316), которые им были нарушены:

п. 10.1 ПДД, в котором указано, что водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований

Правил. При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства;

п. 9.9 ПДД, в котором указано, что запрещается движение транспортных средств по разделительным полосам и обочинам, тротуарам и пешеходным дорожкам;

п. 9.10 ПДД, в котором указано, что водитель должен соблюдать такую дистанцию до движущегося впереди транспортного средства, которая позволила бы избежать столкновения, а также необходимый боковой интервал, обеспечивающий безопасность движения;

п. 2.1.1 ПДД, в котором указано, что водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе водительское удостоверение или временное разрешение на право управления транспортным средством соответствующей категории и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки;

п. 2.3.1 ПДД, в котором указано, что перед выездом водитель транспортного средства обязан проверить и в пути обеспечить исправное техническое состояние транспортного средства в соответствии с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностями должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения. Запрещается движение при неисправности рабочей тормозной системы, рулевого управления, сцепного устройства (в составе автопоезда), негорящих (отсутствующих) фарах и задних габаритных огнях в темное время суток или в условиях недостаточной видимости, недействующем со стороны водителя стеклоочистителе во время дождя или снегопада;

п. 2.7 ПДД, в котором указано, что водителю запрещается: управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения;

п. 1.5 ПДД, согласно которому участники дорожного движения должны действовать таким образом, чтобы не создавать опасности для движения и не причинять вреда;

п. 1.2 Основных положений (перечень неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств): нарушена герметичность гидравлического тормозного привода;

п. 2.1 Основных положений (перечень неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств): суммарный люфт в рулевом управлении превышает соответствующие значения для легковых автомобилей;

п. 3.3 Основных положений (перечень неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств): не работают в установленном режиме или загрязнены внешние световые приборы и световозвращатели.

В результате нарушения В. вышеуказанных требований ПДД и правил эксплуатации транспортных средств произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого М. был причинен тяжкий вред здоровью.

Он же, В., 19 апреля 2011 г. непосредственно после того, как, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в результате нарушения требований ПДД допустил наезд на движущегося в попутном направлении на велосипеде «Аист» М., причинив ему тем самым тяжкий вред здоровью, вышел из автомобиля и переместился на расстояние около 230 м по направлению к въезду в ст. <...> с целью обнаружения местонахождения сбитого в результате ДТП М., которого обнаружил в воде в дренажном канале.

В указанном месте и указанное время у В. на почве внезапно возникших в результате ДТП личных неприязненных отношений к М., поскольку считал его виновным в ДТП, возник умысел на причинение смерти М.

С целью реализации своего преступного умысла, направленного на лишение жизни М., В., будучи в состоянии алкогольного опьянения, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления смерти потерпевшего и желая этого, с целью убийства нанес ему удар рукой в область задней поверхности шеи, от которого голова потерпевшего погрузилась под воду, после чего В., выполняя действия, направленные на лишение жизни М., наступил на его спину ногой и, удерживая под водой, лишал М. возможности дышать до наступления его смерти.

В результате действий В. наступила на месте происшествия смерть М., причиной которой явилось утопление в пресной воде (по аспирационному типу) на фоне предшествовавшей тяжелой позвоночно-спинномозговой травмы шейного отдела позвоночника¹³¹.

Содеянное было квалифицировано судом по совокупности ст. 264 и 105 УК РФ, поскольку В. последовательно совершил два преступления: сначала – нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью М., а затем – его убийство.

7. В отличие от неосторожных преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, которые могут быть совершены в отношении любых лиц, закрепленные в ст. 277, 295, 317 УК РФ посягательства являются умышленными и совершаются в отношении определенных потерпевших в указанных в этих нормах целях (по предусмотренным в них мотивам). По ст. 277, ст. 295 либо ст. 317 УК РФ соответственно должны квалифицироваться действия лица, использовавшего управляемое им транспортное средство для реализации умысла на причинение смерти:

государственному или общественному деятелю в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

судье, присяжному заседателю или иному лицу, участвующему в отправлении правосудия, прокурору, следователю, лицу, производящему дознание, защитнику, эксперту, специалисту, сотруднику органов принудительного исполнения наказаний Российской Федерации, а равно их близким в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность;

сотруднику правоохранительного органа, военнослужащему, а равно их близким в целях воспрепятствования законной

¹³¹ Приговор Калининского районного суда (Краснодарский край) от 28 февраля 2014 г. по делу № 1-5-2014 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 06.08.2025).

деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность¹³².

Как указал Верховный Суд Российской Федерации по одному из дел, «приговором Верховного суда Республики Бурятия от 23 марта 2017 г. Е. был осужден по ст. 317 УК РФ и признан виновным в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности последнего по охране порядка и обеспечению общественной безопасности. О наличии у Е. прямого умысла на лишение жизни потерпевшего свидетельствует факт умышленного наезда на него на автомашине, которая является источником повышенной опасности; после удара о переднюю часть автомашины потерпевший ударился о лобовое стекло, перелетел через корпус автомашины и упал на землю, получив повреждения, которые расцениваются как причинение тяжкого вреда здоровью. Умысел на лишение Ч. жизни не был доведен до конца по независящим от воли виновного причинам, поскольку потерпевшему своевременно была оказана медицинская помощь. Оснований для переквалификации действий Е. на ст. 264 УК РФ не имеется, поскольку обстоятельства дела свидетельствуют о наличии у осужденного прямого умысла на лишении жизни инспектора ДПС, а деяния, указанные в ст. 264 УК РФ, – это неосторожные преступления, не связанные с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности»¹³³.

Таким образом, установление вины лица, управлявшего механическим транспортным средством, к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего (потерпевших), а также иных признаков субъективной стороны содеянного имеет важное правовое значение, поскольку позволяет отграничить нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) от предусмотренных ст. 105, 277, 295, 317 УК РФ посягательств на жизнь.

¹³² См., напр.: Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 27 января 2021 г. № 55-18/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2017 г. № 73-АПУ17-10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Глава 7. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Закономерной реакцией государства на совершенное преступление является применение мер уголовной ответственности, которыми являются наказание и иные меры уголовно-правового характера. Ответственность за совершенное преступление должна быть неотвратимой.

Вместе с тем государство должно исходить не только из того, чтобы «покарать», но и из необходимости восстановления нарушенных прав, а также экономии мер уголовной репрессии. Именно этому служит институт освобождения от уголовной ответственности.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» обращается внимание на то, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица). Посредством применения норм главы 11 УК РФ реализуются принципы справедливости и гуманизма.

Социальное значение института освобождения от уголовной ответственности состоит в том, что государство решает не реализовывать свое право применения к лицу, совершившему преступление, мер, связанных с негативным воздействием на правовой статус виновного, оказывает лицу, совершившему преступление, доверие и рассчитывает на его законопослушное поведение в будущем¹³⁴.

Вопросам освобождения от уголовно-правовой ответственности уделяли внимание многие исследователи, в науке уголовного права до сих пор не утихают дискуссии по поводу применения анализируемого института.

Практические работники также нуждаются в рекомендациях по применению норм, связанных с освобождением от уголовной ответственности. Постановление Пленума Верховного Суда

¹³⁴ Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения уголовной практики : науч.-практ. пособие. М., 2014. С. 18.

Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 позволило решить ряд проблем, возникающих на практике, но некоторые вопросы оставлены на усмотрение правоприменителя. Кроме того, появились новые основания освобождения от уголовной ответственности, которые тоже требуют осмысления.

Мы рассмотрим только некоторые теоретические вопросы, а также проблемы, связанные с применением ст. 75 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием») и ст. 76 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим»).

Институт освобождения от уголовной ответственности тесно связан с институтом уголовной ответственности. Уголовная ответственность является одним из основных понятий уголовного права. В действующем законодательстве данное понятие не раскрывается. Нет единого понимания относительно сущности, природы уголовной ответственности, момента ее возникновения и окончания и в науке уголовного права. Данное обстоятельство, в свою очередь, затрудняет решение вопроса о понятии, сущности, природе института освобождения от уголовной ответственности.

В теории уголовного права можно выделить несколько подходов к понятию уголовной ответственности, содержанию и ее пределам. Не ставя перед собой задачу анализа всех концепций по данному вопросу, обозначим свою позицию.

На наш взгляд, уголовная ответственность – это обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться государственному принуждению.

Данный институт охватывает как уголовно-правовые, так и уголовно-процессуальные отношения. При этом под уголовно-правовыми отношениями понимаются вытекающие из факта совершения преступления и регулируемые нормами уголовного права общественные отношения между лицом, совершившим преступление, и государством, направленные на реализацию взаимных прав и обязанностей этих субъектов с применением закона по факту совершения данного преступления¹³⁵.

¹³⁵ Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: Проблемы и пути их решения : монография. М., 2004. С. 9.

В рамках уголовно-процессуальных отношений осуществляется поэтапная процессуальная деятельность по уголовному преследованию и привлечению виновного лица к уголовной ответственности.

Согласно со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления.

Учитывая, что в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации возможно освободить от уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, на наш взгляд, моментом начала уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Именно с этого момента у лица, совершившего преступление, появляется обязанность нести ответственность за содеянное, а у государства право подвергнуть его уголовному преследованию с осуждением и применением мер уголовно-правового воздействия.

Соответственно, освобождение от уголовной ответственности – это в предусмотренных законом случаях отказ государства в лице его уполномоченных органов от уголовного преследования лица, совершившего преступление, и его осуждения.

На сегодняшний день в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрены следующие виды освобождения от уголовной ответственности: освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 78.1 УК РФ), амнистия.

В науке выделяют основание и условия освобождения от уголовной ответственности. Мы солидарны с мнением, что основанием освобождения от уголовной ответственности является

нецелесообразность реализации уголовной ответственности вследствие утраты лицом, совершившим преступление, его прежней общественной опасности, в связи с чем это лицо может быть исправлено без осуждения и применения наказания¹³⁶.

Условия освобождения от уголовной ответственности – это содержащиеся в законе обстоятельства, необходимые и достаточные для применения нормы, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности.

Мониторинг правоприменительной практики выявил не только проблемы толкования и применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части условий освобождения от уголовной ответственности, но и погрешности в юридической конструкции самих норм.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. На основании ч. 1 ст. 75 УК РФ лицо, *впервые* совершившее преступление *небольшой* или *средней* тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

Кроме того, в ряде статей Особенной части УК РФ предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности за другую категорию преступлений в связи с положительным постпреступным поведением лица на основании ч. 2 ст. 75 УК РФ.

Согласно официальным статистическим данным, в 2024 году в связи с деятельным раскаянием от уголовной ответственности судами было освобождено 8538 лиц, в 2023 – 10 611, 2022 – 12 147, 2021 – 11 606, 2020 – 10 455.

В соответствии с ч. 1 ст. 28 УПК РФ правом прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием наделяются суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора.

Под деятельным раскаянием следует понимать указанные в законе активные добровольные действия, посредством которых лицо, совершившее преступление, руководствуясь любыми внутренними побуждениями, предотвращает, устраняет

¹³⁶ Там же. С. 52.

или уменьшает тяжесть вредных последствий содеянного либо оказывает помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений, что влечет за собой в случаях, предусмотренных законом, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания¹³⁷.

Основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является отпадение (утрата) общественной опасности лица, совершившего преступление, либо ее значительное снижение.

В криминологии общественная опасность личности преступника традиционно понимается как свойство личности преступника, которое проявляется в характере и тяжести совершенного преступления, а также в связанной с этим относительно большой готовности к их совершению¹³⁸.

В части 1 ст. 75 УК РФ в качестве такой причины называется *деятельное раскаяние*. Подобное душевное изменение – глубоко внутренний морально-психологический процесс. Анализируемое основание освобождения напрямую связано с существенными переменами в поведении виновного лица вследствие деятельного раскаяния.

Об этом свидетельствует совокупность обстоятельств, меняющих нравственно-юридическую оценку личности виновного с точки зрения общественной опасности, а именно:

а) психолого-эмоциональные изменения у виновного лица в связи с раскаянием в совершенном преступлении, которое проявляется в искреннем сожалении о совершенном преступлении и признании вины в его совершении;

б) позитивные посткриминальные действия лица, указанные в уголовном законе, которые придают раскаянию деятельный характер (добровольная явка с повинной, добровольное содействие раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба или заглаживание причиненного вреда иным образом).

Общим для перечисленных случаев является то, что деятельное раскаяние касается только конкретного лица, поэтому не само преступление, а личность виновного в новых условиях

¹³⁷ Там же. С. 75.

¹³⁸ Криминология : учебник / Ю.М. Антонян, Г.В. Дашков, В.Д. Ермаков [и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 605.

заслуживает иной нравственной и юридической оценки. При этом утрата лицом общественной опасности должна произойти именно к моменту рассмотрения дела компетентным органом.

Для освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ необходимо наличие определенных *условий*: это совершение преступления небольшой и средней тяжести впервые, а также выполнение действий, предусмотренных статьей.

Понятие «впервые совершивший преступление» раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Понятие «явка с повинной» отсутствует в Уголовном кодексе Российской Федерации. В соответствии со ст. 142 УПК РФ под *явкой с повинной* понимается добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде.

При этом явка с повинной возможна как в случае, когда органам, осуществляющим уголовное преследование, неизвестно само событие преступления, так и в случае отсутствия информации о причастности конкретного лица к совершению того или иного преступления, по факту которого уже осуществляется уголовно-процессуальная деятельность.

Из этого же исходит и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указавший в постановлении от 11 января 2007 г. № 2 (ред. от 3 декабря 2013 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», что «сообщение о преступлении, сделанное лицом после его задержания по подозрению в совершении преступления, не исключает признания этого сообщения в качестве смягчающего наказание обстоятельства; если же органы следствия располагали сведениями о преступлении... и задержанному лицу было известно об этом, то подтверждение им факта участия в совершении преступления не может расцениваться как явка с повинной, а признается в качестве иного смягчающего наказание обстоятельства... Сообщение лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях, неизвестных органам уголовного преследования, следует признавать как явка

с повинной и учитывать при назначении наказания при осуждении за эти преступления» (п. 7)¹³⁹.

В литературе нет единого мнения относительно того, является ли обязательным личное, непосредственное обращение в компетентные органы. Так, по мнению некоторых авторов, «нельзя относить к явке с повинной сообщения по почте о совершенном преступлении или передачу этих сведений по телефону, так как здесь нет явки в правоохранительные или иные государственные органы»¹⁴⁰. Другие придерживаются мнения, что явка с повинной не должна пониматься лишь как обязательный и непосредственный личный приход в точно обозначенное время¹⁴¹. На наш взгляд, по общему правилу, явка с повинной должна сопровождаться личным приходом в компетентные органы. В исключительных случаях, когда по объективным причинам (болезнь, стихийное бедствие и т. д.) личный приход невозможен, явка с повинной может быть совершена в какой-либо иной форме.

Мы не можем полностью согласиться с мнением некоторых авторов о том, что в явке с повинной главное «не личная явка куда-то, а прекращение определенного деяния и признание своего участия в нем»¹⁴². На наш взгляд, функция явки с повинной заключается не только в этом, но и в том, чтобы минимизировать затраты правоохранительных органов на поиск лица, совершившего преступление, привод его в соответствующие органы и т. д. Реализация данной функции, а также процессуальное закрепление явки с повинной возможны только при личном участии лица.

¹³⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 утратило силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹⁴⁰ Герасимова Е. Явка с повинной // Социалистическая законность. 1975. № 8. С. 42.

¹⁴¹ Ендольцева А.В. Указ. соч. С. 77; Кузьмина О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 73.

¹⁴² Коломеец В.К. Явка с повинной: новая трактовка // Российская юстиция. 1997. № 10. С. 36.

Способствование раскрытию преступления – это действия виновного по оказанию содействия органам предварительного расследования, органам, наделенным правом осуществления оперативно-разыскной деятельности¹⁴³, в деятельности, возникающей по факту совершенного преступления.

В соответствии с п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» активное способствование раскрытию и расследованию преступления должно состоять в совершении лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (взяточдателя, взяткополучателя, посредника, лиц, принявших или передавших предмет коммерческого подкупа), обнаружение имущества, переданного в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, и др.

В соответствии с п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» под способствованием раскрытию преступления в примечании к ст. 322.2 УК РФ и в примечании 2 к ст. 322.3 УК РФ следует понимать действия лица, совершенные как до возбуждения уголовного дела, так и после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица либо по факту совершения преступления и направленные на оказание содействия в установлении органами предварительного расследования времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления, участия в нем самого лица, а также в изобличении соучастников преступления.

Общим для любых разновидностей способствования раскрытию преступления является то, что лицо сообщает органу предварительного расследования, прокурору или сотруднику органа, наделенного правом осуществления оперативно-разыскной деятельности, информацию, неизвестную (полностью или частично)

¹⁴³ Об оперативно-разыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : текст с изм. и доп. на 1 апр. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

последнему, с помощью которой становится возможным установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, или эпизода преступной деятельности, а также о совершении других преступлений, тесно связанных с раскрываемым или расследуемым преступлением. Такая деятельность виновного может быть только добровольной, так как в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Возмещение причиненного ущерба заключается в добровольном непосредственном устранении виновным причиненного в результате преступления вреда или возмещение материального ущерба.

В судебной практике под возмещением причиненного ущерба понимается: а) возвращение потерпевшему либо добровольная выдача органу расследования похищенного имущества; б) денежная компенсация причиненного ущерба (оплата стоимости уничтоженного имущества, расходов на лечение потерпевшего и др.); в) восстановление поврежденного имущества или иного предмета посягательства, принадлежащего потерпевшему (проведение ремонта, приобретение нового имущества, равнозначного утраченному, и др.). При этом не имеет значения, своими ли силами виновный устраняет причиненный ущерб либо прибегает к помощи других лиц.

Если причиненный преступлением вред является не материальным, а моральным, то необходимо соблюдение другого условия освобождения от уголовной ответственности — *заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом*. Данное условие распространяется не только на те преступления, которые посягают на честь, достоинство, репутацию конкретного гражданина, но и на преступления, наносящие ущерб нравственному состоянию общества.

Анализируемое постпреступное поведение лица включает все прочие виды добровольной компенсации причиненного вреда, не охватываемые понятием возмещения причиненного ущерба. Это может выразиться, например, в публичном извинении виновного лица перед потерпевшим (в присутствии лиц, чье мнение считается для потерпевшего решающим, в средствах массовой информации и т. д.), в материальном возмещении причиненного морального вреда, принятии на себя обязанностей по уходу

за потерпевшим, лечении, оказании ему той или иной практической помощи и т. п.

На практике по-прежнему вызывает затруднение вопрос, требуется ли выполнение всей совокупности условий, предусмотренных ст. 75 УК РФ, или достаточно хотя бы одного из них.

Грамматическое толкование нормы позволяет сделать вывод о том, что для применения ст. 75 УК РФ требуется выполнение всех условий, предусмотренных нормой.

Однако Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» уточняет, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее способствование лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии).

Таким образом, Верховный Суд ориентирует правоприменителя на оценку объективной возможности совершения тех или иных действий.

С данной позицией можно согласиться, однако, учитывая несколько расширительное толкование нормы, предлагается внести изменения в норму ст. 75 УК РФ, обозначив необходимый объем действий через союз и (или).

Вместе с тем на усмотрение правоприменителя остается оценка «объективной возможности» совершения тех или иных действий, что требует более тщательного анализа материалов дела при принятии решения о деятельном раскаянии лица.

Согласно позиции Пленума, деятельное раскаяние может влечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, если лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным. Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления,

а также данные о его личности. При этом признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных указанной нормой, не является деятельным раскаянием.

Ни в Уголовном кодексе, ни в Постановлении Пленума, не указано на необходимость признания вины для применения ст. 75 УК РФ. Таким образом, встает вопрос, если лицо совершило все действия, указанные в статье, но при этом не признало своей вины, возможно ли применение анализируемой нормы.

Следующей проблемой является соотношение ч. 1 ст. 75 УК РФ и ч. 2 ст. 75 УК РФ. Ряд авторов обращают внимание на то, что в большинстве примечаний к статьям УК РФ, содержащих условия освобождения от уголовной ответственности, описаны действия, которые не являются деятельным раскаянием, в связи с чем необходимо исключить ч. 2 ст. 75 УК РФ в действующей редакции¹⁴⁴.

Полагаем возможным согласиться с данной позицией. Так, не является деятельным раскаянием ситуация, предусмотренная примечанием к ст. 122 УК РФ, где возможность освобождения связана с предшествующим преступлению поведением. Не относится к деятельному раскаянию и изложенное в примечании к ст. 134 УК РФ.

Полагаем, что можно дополнить УК РФ нормой статьи 75.1, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности при особых условиях, приведенных в примечаниях к статьям УК РФ.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

¹⁴⁴ Войтович А.П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2006. С. 9 ; Рубанова С.Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 2. С. 165–170.

В 2024 году в связи с примирением с потерпевшим было освобождено 84 204 чел., в 2023 – 94 454, 2022 – 105 457, 2021 – 103 649, 2020 – 102 482.

Основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является утрата общественной опасности лицом, совершившим преступление.

В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Таким образом, в процедуре примирения участвуют два субъекта – виновное лицо и потерпевший при посредничестве государства. При этом стоит отметить, что ст. 76 УК РФ предусмотрено право суда, а не обязанность прекратить уголовное дело. Данное положение вызывает критику в научной среде, так как дает правоприменителю широкие возможности для субъективного усмотрения, чем снижается позитивный смысл данной нормы¹⁴⁵.

Конструкция, предложенная законодателем, представляется верной. Исходя из того, что основанием освобождения от уголовной ответственности является утрата общественной опасности лицом, совершившим преступление, недостаточно выполнения условий, предусмотренных нормой. Правоприменитель должен убедиться в том, что общественная опасность лица как минимум существенно снизилась.

Как указано в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной

¹⁴⁵ Матвеева Я.М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правовых конфликтов : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 129.

опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», принимая решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон, суду необходимо оценить, соответствует ли это целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Определении от 4 июня 2007 г. № 519-О-О, полномочие суда отказать в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, вытекающее из взаимосвязанных положений ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и тем самым – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. При этом указание в названных статьях на возможность, а не обязанность освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела означает необходимость принятия соответствующего решения с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая степень общественной опасности совершенного деяния.

Следует отметить противоречие между нормами, предусмотренными ст. 76 УК РФ и ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной

инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Таким образом, в соответствии с УПК РФ дела указанной категории в обязательном порядке подлежат прекращению в связи с примирением с потерпевшим. При этом какие-либо иные условия не учитываются, степень снижения общественной опасности лица не определяется. Существуют явные противоречия между процессуальным и материальным правом, которые можно снять путем внесения соответствующих дополнений в нормы ст. 76 УК РФ.

Уголовный закон не обуславливает возможность применения ст. 76 УК РФ конкретным кругом преступлений, связывая ее только с категорией преступления. В науке и на практике возникает вопрос, все ли преступления небольшой и средней тяжести могут быть прекращены в связи с примирением с потерпевшим.

Дискуссионным остается и вопрос, возможно ли прекращение уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим в случае совершения многообъектного преступления, где в первую очередь причиняется вред публичным отношениям и во вторую – интересам конкретного лица.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указано «что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном частями 1, 2, 3 или 5 статьи 264 УК РФ, за примирением сторон (статья 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда. При принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим, суду надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела (надлежащее ли лицо признано потерпевшим, его материальное положение, оказывалось ли давление на потерпевшего с целью примирения, какие действия были предприняты виновным для того, чтобы загладить причиненный преступлением вред, и т. д.). Принимая решение, следует оценить, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства.

В связи с этим необходимо также устанавливать, соблюдены ли предусмотренные статьей 76 УК РФ основания, согласно которым от уголовной ответственности может быть освобождено лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред» (п.16).

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила все решения нижестоящих судов и прекратила уголовное дело по ч. 1 ст. 264 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим. В определении суд указал: «При этом запрета или ограничения на прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, обусловленных особенностями или количеством объектов преступного посягательства, положения статей 25 УПК РФ и 76 УК РФ не содержат.

Напротив, исходя из требований названных норм, возможность освобождения от уголовной ответственности по указанному основанию распространяется на все виды преступлений небольшой и средней тяжести независимо от того, чьим правам и законным интересам был причинен ущерб в результате совершения преступления.

По данному делу преступными действиями Быстровой был причинен вред конкретному пострадавшему лицу – П., при этом вышеприведенные нормы закона не содержат требований об обязательном возмещении вреда каждому из объектов посягательства»¹⁴⁶.

По другому уголовному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление о прекращении уголовного дела за примирением сторон по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ. В определении указано: «Суд также в полной мере не учел, что объектами преступного посягательства, предусмотренного статьей 264 УК РФ, являются общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также здоровье и жизнь человека.

¹⁴⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2025 г. № 18-УД25-3-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем прекращение уголовного дела не ограничило Щукину Н.С. в праве управления транспортными средствами, несмотря на то, что преступление, в совершении которого она обвинялась, посягало также на общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности.

Однако в постановлении суд не указал, какие действия Щукиной Н.С. расценены как заглывшие вред вышеуказанным общественным интересам»¹⁴⁷.

Таким образом, Верховный Суд, на наш взгляд, также не определился с окончательной позицией по данному вопросу. По нашему мнению, прекращение уголовного дела по анализируемой категории дел в целом возможно, поскольку прямо Уголовным кодексом не запрещено. Однако примирение и заглаживание вреда должны состояться со всеми потерпевшими. Поэтому при принятии решения правоприменителю необходимо четко указывать, каким образом осуществляется заглаживание вреда государственным или общественным интересам.

Еще одной проблемой, связанной с применением ст. 76 УК РФ, является возможность ее применения, если результатом преступления является смерть потерпевшего.

Как указано в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», «при рассмотрении вопроса о применении положений статьи 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует иметь в виду положения части 8 статьи 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. При этом необходимо учитывать, что положения указанной нормы не препятствуют признанию потерпевшими не одного, а нескольких лиц» (п. 12).

Анализируя данное положение, можно сделать вывод о том, что Верховный Суд допускает возможность примирения по делам с погибшими.

¹⁴⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 октября 2024 г. № 81-УДП24-11-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Суды обращают внимание на то, что необходимо не просто констатировать наличие или отсутствие указанных в законе оснований для освобождения от уголовной ответственности, а принять справедливое и мотивированное решение с учетом всей совокупности данных, характеризующих в том числе особенности объекта преступного посягательства, обстоятельства совершения преступления, конкретные действия, предпринятые лицом для возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда, изменение степени общественной опасности деяния вследствие таких действий, достаточность таких действий для того, чтобы расценить их в качестве свидетельствующих об уменьшении общественной опасности содеянного.

В кассационном постановлении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции отмечается, что «при таких обстоятельствах вызывают сомнение выводы суда о том, что И. соблюдены все условия, необходимые для освобождения его от уголовной ответственности в связи с примирением, поскольку судом не принято во внимание, что само по себе возмещение вреда не устраняет наступившие последствия, заключающиеся в том числе в гибели потерпевшего <данные изъяты> и не может снизить степень общественной опасности содеянного.

Также, сославшись на тот факт, что у потерпевшей отсутствуют претензии к И., который полностью загладил причиненный ей вред, суд не принял во внимание, что супруга погибшего <данные изъяты> выполняет лишь процессуальную функцию потерпевшей, в связи с чем судом не высказано суждений относительно того, может ли выплата супруге потерпевшего <...> рублей и принесение ей извинений являться единственным подтверждением такого снижения степени общественной опасности преступления, которое действительно позволило бы освободить И. от уголовной ответственности»¹⁴⁸.

Другого мнения придерживаются сотрудники прокуратуры. На их взгляд, примирение с потерпевшими по данной категории дел возможно только в исключительных случаях, например когда

¹⁴⁸ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2024 г. № 77-3584/2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в результате дорожно-транспортного происшествия, в котором признан виновным муж, погибает жена, а у семьи остаются несколько несовершеннолетних детей.

Подобное расхождение в подходах ведет к отсутствию единообразной практики применения норм ст. 76 УК РФ в рассмотренных ситуациях.

Мы также не можем согласиться с обозначенной позицией судов. На наш взгляд, происходит подмена уголовно-правовых понятий содержанием уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с УПК РФ родственники погибшего, действительно, могут быть признаны потерпевшими, но это лица, которые выполняют лишь процессуальную функцию, в целях участия в уголовном процессе. Потерпевшими в уголовно-правовом смысле, т. е. лицами, которым непосредственно причиняется вред жизни, они не являются, соответственно, примирение с ними невозможно.

Представляется, что решить вышеуказанные проблемы можно только путем обсуждения данных вопросов юридическим сообществом и внесения соответствующих изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащих четкие разъяснения по обозначенным проблемам.

Глава 8. НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена стремительной цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни, которая сопровождается лавинообразным ростом количества и сложности киберпреступлений. Эти противоправные деяния приобретают транснациональный характер, а их масштабы и изощренность создают серьезную угрозу как для публичных интересов государства, так и для частных интересов граждан и бизнеса.

Ключевой проблемой, определяющей необходимость настоящего анализа, является системное отставание уголовно-правовой доктрины и, как следствие, правоприменительной практики от скорости развития информационных технологий. Традиционные конструкции составов преступлений, сформулированные

в Уголовном кодексе Российской Федерации, зачастую оказываются недостаточно гибкими для адекватной квалификации новых способов и средств совершения противоправных деяний в цифровой среде. Это приводит к правовой неопределенности, ошибкам в квалификации и, в конечном счете, к снижению эффективности борьбы с киберпреступностью.

Красноречиво о состоянии киберпреступности говорит статистика. В России она представлена следующим образом.

По итогам 2024 года в России зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений с использованием ИТ;

В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % в январе–декабре 2023 года до 40 %. В 2022 году ИТ-преступления составляли 26,5 % от общего числа преступлений в Российской Федерации, в 2021 году – 25,8 %, в 2020 – 25 %.

По данным МВД, в 2024 году четыре преступления из пяти (84,8 %) были совершены с использованием Интернета. Также выросло число киберпреступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи. Если в 2023 году их было зарегистрировано почти 303 тыс., то в 2024 году это число увеличилось на 14,3 % и составило 346 тыс.¹⁴⁹.

Мировая статистика киберпреступлений:

ежедневно по всему миру происходит более 2200 кибератак;

число глобальных кибератак выросло на 30 %;

1636 организаций еженедельно подвергались кибератакам;

в сфере образования и научных исследований наблюдается наибольшее количество атак – 3341 инцидент в неделю;

в Африке было зафиксировано наибольшее количество еженедельных атак на одну организацию – в среднем 2960;

лидером по количеству атак с использованием программ-вымогателей стал производственный сектор – на его долю пришлось 29 % инцидентов;

расходы на киберстрахование выросли на 28 %;

по всему миру было зафиксировано 236,1 миллиона атак с использованием программ-вымогателей. Общий ущерб от кибератак в том же году составил 7,08 триллиона долларов¹⁵⁰.

¹⁴⁹ URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22978955> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁵⁰ URL: <https://www.demandsage.com/cybersecurity-statistics/> (дата обращения: 10.07.2025).

Таким образом, киберпреступность в России представляется серьезной проблемой с высокой динамикой роста и значительными финансовыми потерями, а в мире наблюдается тенденция к увеличению мощности и числа кибератак с огромными ущербами. Раскрываемость преступлений в России повышается, но все еще остается относительно низкой.

В науке уголовного права нет единой точки зрения относительно определения круга киберпреступлений.

Однако еще на Десятом конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 2000 г. обращалось внимание на то, что киберпреступления – это преступные деяния, совершаемые в электронной среде с использованием какой-либо электронной сети. Рекомендовалось под термином «киберпреступление» понимать любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети. Сеть представляет собой среду для совершения преступлений. Выделялись две категории киберпреступлений:

киберпреступление в узком смысле («компьютерное преступление») – любое противоправное деяние, осуществляемое посредством электронных операций, целью которого является преодоление защиты компьютерных систем и обрабатываемых ими данных;

киберпреступление в широком смысле («преступление, связанное с использованием компьютера») – любое противоправное деяние, совершаемое посредством или в связи с компьютерной системой или сетью, включая такие преступления, как незаконное хранение, предложение или распространение информации посредством компьютерной системы или сети.

В декабре 2024 г. была принята Конвенция ООН против киберпреступности, где определяются основные понятия, относящиеся к киберпреступлениям. В частности, дано определение информационно-телекоммуникационных систем, под которыми понимается любое устройство или группа соединенных или взаимосвязанных устройств, одно или несколько из которых по команде программы производит сбор, хранение и автоматическую обработку электронных данных.

Соответственно, электронные данные означают любое представление фактов, информации или концепций в форме, пригодной для обработки в информационно-коммуникационной системе, включая соответствующую программу, в результате действия которой информационно-коммуникационная система выполняет ту или иную функцию.

Учитывая статистику и динамику киберпреступности, ее место в общей структуре преступности, уголовное законодательство Российской Федерации активно развивается.

В статьях Особенной части УК РФ появились составы преступлений, которые с точки зрения науки и практики относят к киберпреступлениям, поскольку они совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Например:

преступления против личности:

ст. 137 УК РФ – нарушение неприкосновенности частной жизни с использованием информационно-телекоммуникационных сетей;

ст. 138 УК РФ – нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений с использованием электронных средств связи;

ст. 146 УК РФ – нарушение авторских и смежных прав при распространении контрафактной продукции с использованием Интернета;

преступления в сфере экономики:

ст. 159.3 УК РФ – мошенничество с использованием электронных средств платежа;

ст. 159.6 УК РФ – мошенничество в сфере компьютерной информации;

ст. 187 УК РФ – неправомерный оборот средств платежей в электронной форме;

ст. 171.2 УК РФ – незаконные организация и проведение азартных игр с использованием Интернета;

преступления против общественной безопасности:

ст. 207.1 УК РФ – публичное распространение заведомо ложной информации;

ст. 207.2 УК РФ – публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации с использованием СМИ или Интернета;

преступления против государственной власти:

ст. 280 УК РФ – публичные призывы к экстремистской деятельности с использованием Интернета;

ст. 282 УК РФ – возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человека с использованием информационно-телекоммуникационных сетей;

ст. 325.1 УК РФ – неправомерное завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства с использованием компьютерных технологий;

преступления против мира и безопасности человечества:

ст. 354.1 УК РФ – реабилитация нацизма с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

И это далеко не полный перечень. К киберпреступлениям следует отнести и составы, в которых есть указание на публичную демонстрацию в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»):

ч. 2 ст. 280 УК РФ – предусматривает уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей;

п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ – предусматривает ответственность за незаконные изготовление и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов, совершенные с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей;

п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ – предусматривает уголовную ответственность за те же действия, предметом которых являются материалы или предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних;

п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ – предусматривает ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества,

совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ в целый ряд составов преступлений внесены изменения, в силу которых усиливается уголовная ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Перечень данных составов преступлений достаточно солидный:

- ст. 105 УК РФ – убийство;
- ст. 106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка;
- ст. 107 УК РФ – убийство, совершенное в состоянии аффекта;
- ст. 108 УК РФ – убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление;
- ст. 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности;
- ст. 110 УК РФ – доведение до самоубийства;
- ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью;
- ст. 112 УК РФ – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью;
- ст. 113 УК РФ – причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта;
- ст. 114 УК РФ – причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление;
- ст. 115 УК РФ – умышленное причинение легкого вреда здоровью;
- ст. 116 УК РФ – побои;
- ст. 117 УК РФ – истязание;
- ст. 118 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности;
- ст. 119 УК РФ – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью;
- ст. 120 УК РФ – принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации;

ст. 123 УК РФ – незаконное проведение искусственного прерывания беременности;

ст. 124 УК РФ – неоказание помощи больному;

ст. 124.1 УК РФ – воспрепятствование оказанию медицинской помощи;

ст. 125 УК РФ – оставление в опасности.

Неуклонно увеличивается количество составов преступлений в главе 28 УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации. В настоящее время насчитывается уже девять статей:

ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации;

ст. 272.1 УК РФ – незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения;

ст. 273 УК РФ – создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;

ст. 274 УК РФ – нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей;

ст. 274.1 УК РФ – неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации;

ст. 274.2 УК РФ – нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования;

ст. 274.3 УК РФ – незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции;

ст. 274.4 УК РФ – организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации;

ст. 274.5 УК РФ – организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса;

Для облегчения уяснения существа составов преступлений, предусмотренных в главе 28 УК РФ, создадим сравнительную таблицу, основанную на предмете и объективной стороне рассматриваемых составов преступлений.

Таблица 8

**Сравнительная таблица составов преступлений
главы 28 УК РФ**

Статья УК РФ	Название преступления	Предмет преступления	Объективная сторона (действия / без- действие)
Ст. 272 УК РФ	Неправомерный доступ к компьютерной информации	Охраняемая законом компьютерная информация	Неправомерный доступ, который повлек уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации
Ст. 272.1 УК РФ	Незаконные операции с персональными данными	Компьютерная информация, содержащая персональные данные	Незаконные сбор, хранение, использование, передача; создание и обеспечение работы ресурсов для этих целей. (Состав формальный, последствия не-обязательны)

Продолжение табл. 8

Статья УК РФ	Название преступления	Предмет преступления	Объективная сторона (действия / бездействия)
Ст. 273 УК РФ	Создание, использование и распространение вредоносных программ	Вредоносные программы или иная компьютерная информация	Создание, распространение или использование указанных программ и информации. (Состав формальный, последствия необязательны)
Ст. 274 УК РФ	Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи информации и сетей	Средства хранения, обработки, передачи информации; информационно-телекоммуникационные сети	Нарушение правил эксплуатации, которое повлекло: 1) уничтожение, блокирование, модификацию, копирование информации и 2) причинение крупного ущерба
Ст. 274.1 УК РФ	Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (КИИ)	Критическая информационная инфраструктура Российской Федерации и информация в ней	1. Создание, распространение, использование программ для воздействия на КИИ 2. Неправомерный доступ к информации в КИИ 3. Нарушение правил эксплуатации КИИ (Для пп. 2 и 3 обязательно причинение вреда КИИ)

Статья УК РФ	Название преступления	Предмет преступления	Объективная сторона (действия / без- действие)
Ст. 274.2 УК РФ	Нарушение правил управления техническими средствами противодействия угрозам	Технические средства противодействия угрозам («суверенный Интернет»)	Нарушение порядка установки, эксплуатации, модернизации или требований к пропуску трафика. (Специальный субъект – должностное лицо/ИП, ранее привлекавшийся)
Ст. 274.3 УК РФ	Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной АТС	Абонентский терминал пропуска трафика, виртуальная АТС, их основные части	Незаконное использование или обеспечение функционирования, если это совершено в целях иного преступления либо повлекло тяжкие последствия
Ст. 274.4 УК РФ	Организация деятельности по передаче абонентских номеров	Абонентские номера подвижной связи	Организация или участие в деятельности по их незаконной передаче, если деяние совершено из корыстной заинтересованности либо в целях совершения иного преступления

Статья УК РФ	Название преступления	Предмет преступления	Объективная сторона (действия / без- действие)
Ст. 274.5 УК РФ	Организация деятельности по передаче данных для авторизации	Информация для регистрации/авторизации в сети «Интернет» (логины, пароли)	Организация или участие в деятельности по ее незаконной передаче, если деяние совершено из корыстной заинтересованности либо в целях совершения иного преступления

Из сравнительного анализа составов преступлений в сфере компьютерной информации можно сделать следующие выводы.

1. Отличие по предмету преступления:

ст. 272, 272.1, 273, 274, 274.1 УК РФ – имеют предметом преступления компьютерную информацию (в общем виде, персональные данные или как часть КИИ);

ст. 274.2, 274.3, 274.4, 274.5 УК РФ – имеют предметом преступления технические средства, инфраструктуру или данные доступа (номера, логины), т. е. средства обеспечения функционирования информационной среды.

2. Отличие по объективной стороне:

материальные составы (требуют наступления последствий):
ст. 272, 274, 274.1 (ч. 2 и ч. 3) УК РФ – без указанных в диспозиции последствий состава преступления нет;

формальные составы (не требуют наступления последствий):
ст. 272.1, 273, 274.2 УК РФ – преступление считается оконченным в момент совершения самого действия;

составы с альтернативными условиями: ст. 274.3, 274.4, 274.5 УК РФ – для наличия состава требуется либо специальная цель, либо корыстный мотив, либо наступление тяжких последствий.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что все киберпреступления по уголовному законодательству России необходимо разделить на две категории:

- 1) преступления в сфере компьютерной информации;
- 2) собственно киберпреступления, т. е. деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Киберпреступления объединяет то, что они могут совершаться с использованием компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и технологий.

В силу того что киберпреступления совершаются в информационной сфере с использованием компьютерных технологий, их составы имеют бланкетную диспозицию. Это заставляет правоприменителя обращаться к иному законодательству, а также к специалистам, обладающим познаниями в сфере информационно-компьютерных технологий.

Характерно, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет”» посвящено не только преступлениям в сфере компьютерной информации, но и иным преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». И несмотря на то что в названии не фигурируют понятия «компьютерное устройство», «информационно-телекоммуникационные технологии», в содержании Постановления они раскрываются. Ибо понятно, что любые сети функционируют на основе информационно-телекоммуникационных сетей, с использованием соответствующих средств связи и оборудования.

Поэтому Пленум в Постановлении был вынужден дать определения, наряду с иными, касающиеся технических терминов, поскольку они относятся к признакам составов киберпреступлений или к обстоятельствам, отягчающим ответственность.

Анализ данного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет составить указатель ключевых терминов и понятий, употребленных в нем, с указанием пунктов Постановления.

1. Компьютерная информация – пункты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.
2. Неправомерный доступ – пункты 5, 6, 7, 15, 16.
3. Вредоносная программа – пункты 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 22.
4. Блокирование информации – пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.
5. Модификация информации – пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.
6. Критическая информационная инфраструктура – пункты 1, 13, 14.
7. Тяжкие последствия – пункты 6, 14.
8. Информационно-телекоммуникационная сеть – пункты 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.
9. Публичная демонстрация – пункты 22, 23.
10. Распространение вредоносных программ – пункты 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16.
11. Уничтожение информации – пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.
12. Копирование информации – пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.
13. Нейтрализация средств защиты – пункты 4, 8, 11, 14.
14. Создание вредоносных программ – пункты 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16.
15. Использование вредоносных программ – пункты 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16.
16. Электронные устройства – пункты 2, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.
17. Сеть «Интернет» – пункты 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.
18. Технические средства защиты – пункты 4, 8, 11, 14.
19. Общественно опасные последствия – пункты 6, 14.
20. Покушение на преступление – пункты 7, 15.
21. Квалификация преступлений – пункты 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 22, 23, 24.
22. Совокупность преступлений – пункты 15, 16.
23. Локальные нормативные акты – пункты 12, 14.
24. Международные договоры – пункты 1, 13.
25. Технические регламенты – пункты 1, 14.

Иные термины, нашедшие отражение в анализируемом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

1. Федеральные законы – пункты 1, 12, 13, 14.
2. Подзаконные акты – пункты 1, 12, 14.
3. Электронные сигналы – пункты 2, 4.
4. Запоминающее устройство – пункты 2, 4.
5. Внешние электронные носители – пункты 2, 4.
6. Персональные данные – пункты 3, 14.
7. Конфиденциальность – пункты 3, 14.
8. Целостность информации – пункты 3, 4, 8, 11, 14.
9. Доступность информации – пункты 3, 4, 8, 11, 14.
10. Технические неисправности – пункты 6, 14.
11. Автоматизированные средства защиты – пункты 7, 14.
12. Ключи доступа – пункты 8, 11.
13. Элементы кодов – пункты 8, 11.
14. Создание фрагмента кода – пункты 10, 11.
15. Рассылка вредоносных программ – пункты 11, 22.
16. Тестирование компьютерных систем – пункты 11, 14.
17. Локальные сети – пункты 17, 18, 19.
18. Домашние сети – пункты 17, 18, 19.
19. Сайт в сети «Интернет» – пункты 18, 22, 23.
20. Интернет-страница – пункты 18, 22, 23.
21. Прямая трансляция – пункты 22, 23.
22. Рекламирование – пункты 22, 23.
23. Социальные сети – пункты 22, 23.
24. Мессенджеры – пункты 22, 23.
25. Технические термины – пункты 24.

Указатель охватывает все ключевые термины, встречающиеся в тексте Постановления. На основании указателя можно составить глоссарий понятий и терминов, с указанием пунктов постановления, где они раскрываются.

1. Компьютерная информация.

Определение. Сведения (сообщения, данные), представленные в виде электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (пункт 2).

Пункты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.

2. Неправомерный доступ.

Определение. Получение или использование информации без согласия обладателя информации (пункт 5).

Пункты 5, 6, 7, 15, 16.

3. Вредоносная программа.

Определение. Компьютерная программа, предназначенная для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации (пункт 8).

Пункты 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 22.

4. Блокирование информации.

Определение. Воздействие на информацию, средства доступа к ней или источник ее хранения, в результате которого становится невозможным ее использование (пункт 4).

Пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.

5. Модификация информации.

Определение. Внесение изменений в информацию, включая изменение ее свойств, например целостности или достоверности (пункт 4).

Пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.

6. Копирование информации.

Определение. Перенос информации на другой носитель с сохранением ее первоначального содержания (пункт 4).

Пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.

7. Уничтожение информации.

Определение. Приведение информации в непригодное для использования состояние с целью утраты возможности ее восстановления (пункт 4).

Пункты 4, 6, 7, 8, 11, 14.

8. Нейтрализация средств защиты.

Определение. Воздействие на технические, криптографические и другие средства защиты информации с целью утраты их функций (пункт 4).

Пункты 4, 8, 11, 14.

9. Критическая информационная инфраструктура

Определение. Объекты, обеспечивающие безопасность государства и общества в информационной сфере (пункт 13).

Пункты 1, 13, 14.

10. Тяжкие последствия.

Определение. Последствия преступлений, приводящие к значительному ущербу, например приостановка работы предприятия или утечка государственной тайны (пункт 14).

Пункты 6, 14.

11. Информационно-телекоммуникационная сеть.

Определение. Технологическая система, предназначенная для передачи информации по линиям связи с использованием средств вычислительной техники (пункт 17).

Пункты 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.

12. Сеть «Интернет».

Определение. Технологическая система, предназначенная для передачи информации по линиям связи с использованием средств вычислительной техники (пункт 17).

Пункты 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.

13. Охраняемая законом информация.

Определение. Информация, для которой установлен специальный режим правовой защиты (пункт 3).

Пункты 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16.

14. Персональные данные.

Определение. Сведения, относящиеся к физическому лицу, которые могут быть использованы для его идентификации (пункт 3).

Пункты 3, 14.

15. Программа для ЭВМ.

Определение. Совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования компьютера (пункт 4).

Пункты 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.

Понятия, не раскрытые в Постановлении, но имеющие общепринятые определения.

1. Аудит безопасности.

Определение. Процесс оценки защищенности информационных систем и выявления уязвимостей.

Пункты употребления: не упоминается в Постановлении.

2. Безопасность информации.

Определение. Состояние защищенности информации от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, изменения или уничтожения.

Пункты употребления: упоминается в контексте защиты, но не определена.

3. Кибербезопасность.

Определение. Защита компьютерных систем и сетей от цифровых атак.

Пункты употребления: не упоминается в Постановлении.

4. Криптография.

Определение. Наука о методах обеспечения конфиденциальности и целостности данных с использованием математических алгоритмов.

Пункты употребления: упоминается в пункте 4, но без четкого определения.

5. Мониторинг безопасности.

Определение. Процесс постоянного наблюдения за состоянием защищенности информационных систем.

Пункты употребления: не упоминается в Постановлении.

6. Облачные технологии.

Определение. Технологии, позволяющие хранить и обрабатывать данные на удаленных серверах.

Пункты употребления: не упоминаются в Постановлении.

7. Политика безопасности.

Определение. Набор правил и процедур, направленных на защиту информации и информационных систем.

Пункты употребления: не упоминается в Постановлении.

8. Сетевая безопасность.

Определение. Меры, направленные на защиту сетей и данных, передаваемых через них.

Пункты употребления: упоминается в контексте защиты, но не определена.

9. Социальная инженерия.

Определение. Методы манипуляции людьми с целью получения доступа к конфиденциальной информации.

Пункты употребления: не упоминается в Постановлении.

10. Управление рисками.

Определение. Процесс идентификации, оценки и минимизации рисков, связанных с информационной безопасностью.

Пункты употребления: не упоминается в Постановлении.

11. Электронная подпись.

Определение. Цифровой аналог собственноручной подписи, используемый для подтверждения подлинности документа.

Пункты употребления: не упоминается в Постановлении.

Таким образом, глоссарий включает в себя:

понятия, раскрытые в Постановлении, с указанием пунктов, где они определены;

понятия, не раскрытые в Постановлении, однако имеющие существенное значение для противодействия киберпреступлениям и киберпреступности на основании общепринятых определений.

В небольшой по объему работе невозможно рассмотреть все понятия, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Однако имеется настоятельная необходимость остановиться на основных понятиях, относящихся к последствиям преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ.

1. Уничтожение компьютерной информации.

Определение. «Приведение такой информации полностью или в части в непригодное для использования состояние с целью утраты возможности ее восстановления, независимо от того, имеется ли фактически такая возможность и была ли она впоследствии восстановлена».

Критический анализ. Противоречие между целью и реальностью. Ключевая несуразность заключена в фразе «независимо от того, имеется ли фактически такая возможность и была ли она впоследствии восстановлена». Это создает юридический парадокс.

Ситуация. Злоумышленник с целью уничтожения удаляет файл, но специалисты его легко восстанавливают из «корзины» или с резервной копии.

По букве закона. Преступление окончено, так как была цель утратить возможность восстановления, а фактическая возможность восстановления не имеет значения.

Несуразность. Состав преступления формализуется и ставится в зависимость от субъективного намерения, а не от объективного наказуемого результата. Фактический вред может быть нулевым (информация мгновенно восстановлена), но уголовная ответственность уже наступила. Это размывает грань между покушением и окончанным преступлением.

Размытость понятия «непригодное для использование состояние». Неясно, что считается «непригодностью». Удаление ярлыка на рабочем столе делает информацию «непригодной для использования» для рядового пользователя, но не для специалиста. Шифрование файла злоумышленником также приводит его в «непригодное для использования состояние» для владельца. Является это уничтожением или блокированием? Определение допускает двойное толкование.

Вывод. Определение опасно тем, что позволяет привлекать к ответственности за неудачные попытки причинения вреда, приравнивая их к реальному ущербу, и опирается на сложно доказуемый субъективный критерий – цель.

2. Блокирование компьютерной информации.

Определение. «Воздействие... в результате которого становится невозможным в течение определенного времени или постоянно надлежащее ее использование...(искусственное затруднение или ограничение доступа законных пользователей...)».

Критический анализ. Неопределенность временного порога. Указание «в течение определенного времени» является фундаментальной уязвимостью. Блокирование доступа на 1 секунду – это преступление? На 1 минуту? Закон не устанавливает минимального значимого периода, что открывает путь для злоупотреблений и произвола при квалификации незначительных сбоев или действий как уголовного преступления.

Субъективный критерий «надлежащего использования». Понятие «надлежащее использование» крайне расплывчато. Замедление скорости доступа к базе данных с 1 секунды до 1 минуты можно трактовать как «ненадлежащее использование». DDoS-атака, приводящая к замедлению работы сайта, подпадает под это определение. Хотя это, безусловно, вредоносное деяние, его квалификация как «блокирование» наряду с полным закрытием доступа стирает границы между разными видами правонарушений.

Неясность с «искусственным затруднением». Любое изменение конфигурации системы, приведшее к неосторожным последствиям для других пользователей, может быть истолковано как «искусственное затруднение». Необходимость доказывания умысла не отменяет того, что сам диспозитив состава сформулирован чрезмерно широко.

Вывод. Определение страдает отсутствием количественных и качественных критериев («сколько времени», «что такое надлежащее использование»), что делает его слишком широким и неопределенным.

3. Модификация компьютерной информации.

Определение. «Внесение в нее любых изменений, включая изменение ее свойств, например целостности или достоверности».

Критический анализ. Чрезмерная широта и криминализация легитимных действий. Это самое уязвимое определение. Слово «любые» делает преступлением огромное количество правомерных операций: автосохранение документа текстовым редактором; обновление записи в базе данных сотрудником; переименование файла пользователем; работа антивируса, который «лечит» файл, модифицируя его; работа системного администратора по обслуживанию систем.

Отсутствие признака «неправомерности». В отличие от ст. 272 УК РФ, где доступ прямо назван «неправомерным», в данном определении модификация сама по себе криминализируется. Конечно, для привлечения к ответственности по соответствующей статье (например, 273) требуется умысел, но сам состав сформулирован как «внесение любых изменений». Это создает опасный прецедент: правоприменителю приходится искать умысел там, где объективно совершено легальное действие.

Вывод. Определение является технически некорректным и юридически опасным, так как формально подводит под состав преступления всю повседневную деятельность по работе с компьютерными данными. Требуется обязательное указание на неправомерный или несанкционированный характер изменений.

4. Копирование компьютерной информации.

Определение. «Перенос... на другой электронный носитель при сохранении неизменной первоначальной информации либо ее воспроизведение в материальной форме (в том числе... распечатывание на принтере, фотографирование, переписывание от руки...)».

Критический анализ. Стирание границы между цифровым и физическим миром. Включение в понятие «копирование компьютерной информации» таких действий, как «переписывание от руки» или «фотографирование экрана», является юридической несуразностью.

Проблема. «Компьютерная информация», по определению УК РФ (ст. 272), – это «сведения... представленные в форме электрических сигналов». Как только информация переписывается на бумагу или фотографируется, она перестает быть «компьютерной информацией» и становится обычной материальной вещью или изображением.

Последствие. Это размывает специальный состав преступления, подменяя его другими составами (например, нарушение авторских прав, хищение документов). Кража секретного чертежа путем его фотографирования на мобильный телефон должна квалифицироваться по иным статьям, а не как преступление в сфере компьютерной информации.

Отсутствие признака неправомерности. Как и в случае с модификацией, определение описывает технологический акт, а не противоправное деяние. Создание резервной копии, отправка письма по почте или печать документа являются легальным копированием.

Вывод. Определение пытается охватить все возможные способы завладения информацией, но делает это некорректно, выходя за рамки своего предмета (компьютерная информация) и криминализируя базовые операции.

5. Нейтрализация средств защиты компьютерной информации.

Определение. «Воздействие... на технические, криптографические и другие средства... предназначенные для защиты... а также воздействие на средства контроля эффективности защиты информации... с целью утраты ими функций...».

Критический анализ. Чрезмерно широкий охват. Включение «средств контроля эффективности защиты» (например, программ мониторинга работы антивируса) является избыточным и создает риски.

Ситуация. Пользователь отключает ресурсоемкий антивирус, чтобы запустить требовательную к производительности игру. Он воздействует на средство защиты (антивирус) и на средство контроля (его мониторинговый модуль), приводя к утрате ими функций.

По букве закона. При наличии цели (например, чтобы игра «не тормозила») формально присутствуют все признаки «нейтра-

лизации». Это абсурдно, но технически подпадает под определение.

Акцент на цели, а не на результате. Как и в случае с «уничтожением», ключевым элементом становится «цель утраты ими функций». Это опять же смещает акцент с объективно опасного деяния на субъективное намерение, которое крайне сложно доказывать.

Вывод. Определение страдает тем, что и другие: оно описывает технологический процесс без должной привязки к противоправному контексту и включает в себя слишком широкий круг систем, вмешательство в которые может быть легальным.

Общий вывод.

Представленные определения были созданы с целью максимально широко охватить все возможные вредоносные действия. Однако в результате они стали карать не за вред, а за технологию.

Основные системные ошибки.

1. Криминализация технологии – определения описывают базовые операции с данными (изменение, копирование, удаление), а не противоправные деяния.

2. Подмена объективного субъективным – ключевыми элементами составов часто выступают «цель» и «намерение», а не объективно опасный результат, что размывает границу между покушением и оконченным преступлением.

3. Правовая неопределенность – использование чрезмерно широких и оценочных понятий («надлежащее использование», «любые изменения», «определенное время») создает почву для произвольного применения закона.

Для исправления ситуации термины должны быть напрямую увязаны с признаком неправомерности или несанкционированности и смещать акцент с технологического действия на его общественно опасные последствия.

Как нам представляется, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 15 декабря 2022 г. № 37 предпринял попытку дать юридическое определение технических понятий. Данную попытку нельзя признать достаточно удачной.

Обращает на себя внимание также и то, что уголовное законодательство России «обрастает» все больше новыми составами киберпреступлений и конца этой тенденции не видно. Поэтому, на наш взгляд, проблема киберпреступлений в Российской Федерации на законодательном уровне должна быть решена иначе.

Мы предлагаем в плане *de lege ferenda* следующее решение: предусмотреть в законе только один состав преступления, устанавливающий ответственность за киберпреступление, дифференцировав его в зависимости от тяжести совершенного деяния.

Данный состав преступления может быть сформулирован следующим образом:

«Совершение киберпреступления, т. е. деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, называется:

- за преступление небольшой тяжести...;
- за преступление средней тяжести...;
- за тяжкое преступление...;
- за особо тяжкое преступление...».

Это позволит значительно «разгрузить» Уголовный кодекс, упорядочить судебную практику, разрешить многочисленные квалификационные проблемы, экономить на мерах уголовно-правовой репрессии и многое другое.

Основные термины и понятия могут найти отражение в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что киберпреступность представляет собой одну из наиболее значимых и динамично развивающихся угроз современности. Ее масштабы, транснациональный характер и колоссальный экономический ущерб, подтвержденные статистическими данными, обуславливают высокую актуальность темы. Ключевой проблемой, однако, остается системное отставание уголовно-правовой доктрины и правоприменительной практики от технологического развития.

В ответ на этот вызов российский законодатель избрал путь постоянного расширения и детализации уголовного закона. Это выражается в активном пополнении Уголовного кодекса Российской Федерации новыми составами преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28), а также во внесении в традиционные составы квалифицирующих признаков, учитывающих использование информационно-телекоммуникационных сетей. Важную роль в преодолении правовой неопределенности играет судебное толкование, о чем свидетельствует рассматриваемое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации,

которое сформировало необходимый понятийный аппарат для единообразной квалификации киберпреступлений.

Несмотря на эти усилия, существующая модель реагирования, основанная на криминализации каждого нового способа совершения преступления, ведет к усложнению УК РФ и порождает проблемы с квалификацией. В качестве кардинального решения данной проблемы автор предлагает введение в уголовное законодательство единого состава киберпреступления. Данный состав должен быть сконструирован по типу бланкетной диспозиции и дифференцирован по санкциям в зависимости от тяжести последствий совершенного деяния, а не от конкретного способа его совершения.

Таким образом, предлагаемый подход позволит создать гибкий и универсальный правовой инструмент, способный адекватно реагировать на постоянно эволюционирующие киберугрозы, упростить квалификацию, унифицировать судебную практику и в конечном счете повысить эффективность противодействия цифровой преступности в условиях стремительной технологической трансформации.

Глава 9. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Уголовно-правовая политика как деятельность государства по созданию и применению уголовно-правовых норм включает различные элементы: криминализацию и декриминализацию деяний, пенализацию и депенализацию, интеграцию и унификацию уголовно-правовых норм, дифференциацию уголовной ответственности. Особое место в перечне уголовно-политических инструментов принадлежит дифференциации уголовной ответственности, которая еще в 1992 году в Концепции уголовного законодательства была объявлена принципиальным направлением реформы отечественного уголовного права¹⁵¹. В теории отечественного

¹⁵¹ Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Советское государство и право. 1992. № 8. С. 43–45.

уголовного права дифференциация уголовной ответственности характеризуется как принцип, цель или тенденция уголовно-правовой политики¹⁵². Очевидно, что дальнейшее развитие уголовного права наитеснейшим образом связано с еще более широким использованием этого уголовно-политического инструмента. Об этом свидетельствуют изменения в уголовное законодательство России последних лет, связанные с введением в Уголовный кодекс специальных оснований уголовной ответственности за ранее криминализованные деяния (например, ст. 159.1–159.6 УК РФ), расширением линейки уголовных наказаний, их размеров (например, введение штрафов, кратных стоимости предмета взятки или коммерческого подкупа), увеличением оснований для освобождения от уголовной ответственности (например, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности – с назначением судебного штрафа) и т. п.

Вместе с тем в уголовно-правовой доктрине вопросы теории дифференциации уголовной ответственности разработаны недостаточно, комплексные исследования данной темы крайне немногочисленны. Среди таких исследований прежде всего труды А.Б. Мельниковой, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Л.Л. Кругликова, И.Я. Козаченко, А.В. Васильевского, А.В. Иванчина, Е.В. Роговой. Для целей нашего исследования значимыми являются основные положения теории дифференциации уголовной ответственности, выработанные доктриной уголовного права к настоящему времени.

Е.В. Рогова под учением о дифференциации уголовной ответственности понимает часть науки уголовного права, представляющую собой совокупность теоретических положений о сущности, принципах, закономерностях дифференциации уголовной ответственности¹⁵³.

¹⁵² Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные уголовным законом, и основания их применения // Советское государство и право. 1982. № 5. С. 100–108 ; Ее же. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 65–71 ; Коркмасов З.Ю. Реализация принципа дифференциации и индивидуализации наказания в советском уголовном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1986. С. 3.

¹⁵³ Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : монография. М., 2014. С. 334.

Т.А. Лесниевски-Костарева определяет дифференциацию уголовной ответственности как градацию, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате чего законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного. Автор указывает на следующие черты дифференциации уголовной ответственности: 1) субъектом ее является национальный законодатель, местом – уголовный закон; 2) сущность ее – разделение, расслоение уголовной ответственности; 3) основание – типовая степень общественной опасности содеянного и типовая степень общественной опасности лица, совершившего преступление; 4) средства дифференциации ответственности регламентированы в институте квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления и в институте освобождения от уголовной ответственности; 5) процесс дифференциации детерминирован порядком применения ее средств¹⁵⁴.

Более широко к понятию дифференциации ответственности подходят Л.Л. Кругликов и А.В. Васильевский, которые «по вертикали» вычленяют следующие виды дифференциации ответственности: а) юридической, б) межотраслевой, в) отраслевой (в уголовном праве – уголовной ответственности), г) уголовно-правового института, д) в пределах группы норм, е) в пределах отдельной нормы. Внутри отдельной отрасли права авторы считают допустимым вести речь о дифференциации: 1) оснований уголовной ответственности; 2) формы (вида) ответственности; 3) объема уголовной ответственности и уголовного наказания¹⁵⁵. В итоге дифференциацию ответственности авторы определяют как «осуществляемое законодателем разделение последней, дозировку с учетом определенного рода обстоятельств, целью которой является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 368.

¹⁵⁵ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 58.

¹⁵⁶ Там же. С. 62.

Процессом, противоположным дифференциации уголовной ответственности, называют унификацию ответственности в уголовном праве, которая в самом общем виде определяется как устранение различий в сходных уголовно-правовых нормах, обеспечение их единообразия¹⁵⁷.

Практически единодушное мнение у специалистов о том, что понятие дифференциации уголовной ответственности принципиально отличается от понятия индивидуализации уголовной ответственности. Эти явления, по словам Т.А. Лесниевски-Костаревой, связаны логически и во времени следуют одно за другим, но имеют различную правовую природу. «Вначале законодатель устанавливает уголовную ответственность и типовое наказание за тот или иной вид преступления, очерчивает общий контур наказуемости; затем он градуирует эту ответственность, предусматривая возможность как бы двигаться „по ступенькам“, увеличивая или уменьшая ответственность, вплоть до возможности полного от нее освобождения; наконец, правоприменитель избирает конкретную, индивидуальную меру ответственности в рамках, уже определенных законодателем на предыдущих этапах»¹⁵⁸. Как отмечают Л.Л. Кругликов и А.В. Васильевский, «не существует непроходимой грани между дифференциацией и индивидуализацией ответственности (равно как между дифференциацией и индивидуализацией наказания): первая из них выступает в качестве необходимой предпосылки второй, в конкретном уголовном деле дифференциация опосредуется через индивидуализацию, через правоприменительный акт (постановление, определение, приговор)»¹⁵⁹. Таким образом, дифференциация уголовной ответственности, наряду с интеграцией и унификацией уголовно-правовых норм, относится к сфере правотворчества, характеризует уголовно-правовую политику законодателя, тогда как индивидуализация уголовной ответственности относится к сфере реализации уголовного права, характеризует уголовно-правовую политику правоприменителя.

¹⁵⁷ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 76 ; Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1993.

¹⁵⁸ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 35.

¹⁵⁹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 69.

В качестве *основания дифференциации* уголовной ответственности называются «типовая степень общественной опасности преступления» и «типовая степень общественной опасности лица, совершившего преступление». «Типовая степень общественной опасности, – пишет Т.А. Лесниевски-Костарева, – отличается тем, что она характеризует степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, регламентирована в законе. Типовая степень характерна для определения группы деяний и деятелей. Например, она отражается в характеристике оснований и условий освобождения от уголовной ответственности либо в квалифицирующих (и привилегирующих) признаках состава преступления... Типовая степень характеризует существенные количественные различия в рамках определенного качества, но качество остается неизменным»¹⁶⁰. Напротив, не может быть основанием дифференциации уголовной ответственности характер общественной опасности и индивидуальная степень общественной опасности содеянного. Первое понятие служит основанием установления уголовной ответственности, а второе – основанием индивидуализации уголовной ответственности¹⁶¹.

Иначе считают Л.Л. Кругликов и А.В. Васильевский. Авторы пишут: «Естественным первым шагом законодателя при формировании системы санкций за различные преступления... является определение вида, форм ответственности, в первую очередь в зависимости от характера общественной опасности соответствующего вида преступления. На этом этапе происходит сопоставление деяний по их качественным, а не количественным особенностям, параметрам»¹⁶². В итоге авторы приходят к выводу о том, что основаниями дифференциации ответственности в уголовном праве выступают: 1) характер и типовая степень общественной опасности преступления; 2) типовая степень общественной опасности личности субъекта преступления.

Особое внимание в науке уделяется вопросу о *средствах дифференциации* уголовной ответственности, поскольку этот вопрос имеет прикладное значение для законодательной деятельности. Л.Л. Кругликов и А.В. Васильевский все средства

¹⁶⁰ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 57.

¹⁶¹ Там же. С. 56.

¹⁶² Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 60.

дифференциации уголовной ответственности подразделяют на содержащиеся в Общей части уголовного права и содержащиеся в Особенной части уголовного права. К числу первых отнесены: «категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям, обстоятельства „буферной” группы – особо смягчающие (ст. 62 УК) и особо отягчающие наказание и т. п.»¹⁶³. Среди средств дифференциации Особенной части УК названы: а) квалифицированные составы (квалифицирующие признаки) и соответствующие им новые рамки наказуемости; б) использование специальных видов освобождения от уголовной ответственности; в) относительно-определенные, альтернативные и кумулятивные санкции; г) допущение возможности (факультативности) применения дополнительных наказаний¹⁶⁴.

Напротив, Т.А. Лесниевски-Костарева считает, что категоризация преступлений и система наказаний являются не средствами, а предпосылками дифференциации уголовной ответственности. С ее точки зрения, существует только два средства дифференциации уголовной ответственности: институт освобождения от уголовной ответственности и институт квалифицирующих и привилегизирующих признаков состава преступления¹⁶⁵.

По нашему мнению, вряд ли можно к числу средств дифференциации уголовной ответственности относить основания освобождения от уголовной ответственности. При освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, независимо от того, производится такое освобождение по нормам Общей части или Особенной части УК РФ, происходит отказ от возложения на лицо исполнения обязанности претерпеть ограничения прав и свобод, что составляет суть уголовной ответственности. Если нет самой уголовной ответственности, то не может идти речь о ее дифференциации. При освобождении от уголовной ответственности лицо освобождается и от дифференциации как таковой. Очевидно, институт освобождения от уголовной ответственности логично считать средством дифференциации мер уголовно-правового характера или уголовно-правового воздействия.

¹⁶³ Там же. С. 63–64.

¹⁶⁴ Там же С. 64.

¹⁶⁵ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 228.

Главным средством дифференциации уголовной ответственности в Особенной части УК РФ является правовой институт *квалифицированных (привилегированных) составов, или квалифицирующих (привилегующих) признаков*. Особая роль этого средства дифференциации состоит в том, что, во-первых, квалифицирующие и привилегующие признаки преступления специально предназначены для отражения в уголовном законе выявленной законодателем типовой степени общественной опасности преступления и преступника, что является основанием дифференциации уголовной ответственности, во-вторых, квалифицирующие и привилегующие признаки состава преступления определяют использование вторичных средств дифференциации Особенной части УК РФ – санкций и их разновидностей. «Именно свойство квалифицирующих и привилегующих признаков, – пишет Т.А. Лесниевски-Костарева, – отражать в законе типовую степень общественной опасности, присущую группам преступлений, закономерно приводит к градированию типового наказания, а через него и уголовной ответственности так, чтобы преступлениям с повышенной (пониженной) общественной опасностью соответствовали адекватные меры уголовной ответственности (типового наказания)»¹⁶⁶.

В теории уголовного права достигнуто понимание того, что квалифицирующие признаки одновременно родственны, во-первых, признакам состава преступления, во-вторых, обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание, предусмотренным в Общей части УК РФ. Это определяет то, что квалифицирующие признаки имеют значение для квалификации преступления, поскольку они являются признаками состава преступления, и в то же время выполняют функцию, присущую обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание, с той лишь разницей, что служат средством дифференциации, а не индивидуализации ответственности, «выступают инструментом в руках законодателя, а не судьи»¹⁶⁷. По устоявшейся терминологии, «квалифицирующими являются признаки состава преступления, которые свидетельствуют о резко повышенной (по сравнению с отраженной при помощи признаков основного состава)

¹⁶⁶ Там же. С. 175.

¹⁶⁷ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 171.

общественной опасности деяния (и лица, совершившего это деяние)¹⁶⁸. Привилегирующими являются признаки с обратным вектором, свидетельствующие о резко пониженной общественной опасности преступления или лица, его совершившего. А.В. Иванчин оба вида составов именует дифференцированными, что обоснованно, ибо такое наименование точно отражает их назначение¹⁶⁹. При этом указывается на две характерные черты квалифицирующих и привилегирующих признаков: 1) они напрямую относятся к преступному деянию или к личности виновного, благодаря чему находятся в определенной связи с совершенным преступлением (это не позволяет считать таковыми признаками посткриминальное поведение виновного, например сокрытие совершенного преступления или, наоборот, деятельное раскаяние); 2) они с особой силой влияют на уровень общественной опасности преступления таким образом, что всегда отражают резкие колебания, существенные отклонения в степени общественной опасности содеянного, что обуславливает необходимость изменения законодательной оценки преступления, установления новых пределов назначения уголовного наказания.

Важное прикладное значение теории дифференциации уголовной ответственности заключается в разработке правил законодательного конструирования квалифицированных составов преступлений. В наиболее полном виде данные правила разработаны в трудах И.Я. Козаченко, Л.Л. Кругликова, Т.А. Лесниевски-Костаревой, А.В. Иванчина¹⁷⁰. Условно данные правила разделены на относящиеся к содержанию квалифицированных составов и относящиеся к их форме. Схематично данные правила включают следующие положения.

1. Правила, относящиеся к *содержанию* квалифицированных составов (их криминологической обоснованности):

а) конструирование квалифицированного состава является обоснованным, если он отражаетотягчающее обстоятельство,

¹⁶⁸ Там же. С. 174.

¹⁶⁹ Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2014. С. 201.

¹⁷⁰ Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург, 1994. 58 с. ; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. 334 с; Иванчин А.В. Указ. соч. 352 с.

обуславливающее существенный перепад в уровне общественной опасности преступления по сравнению с его основным составом;

б) типичность (характерность) отягчающего обстоятельства, претендующего на роль квалифицирующего признака, для преступления данного вида;

в) нехарактерность отягчающего обстоятельства, претендующего на роль квалифицирующего признака, для большинства случаев совершения данного преступления, предусмотренного в основном составе («обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом»¹⁷¹);

г) «безусловность (обязательность) перепада в уровне общественной опасности деяния в случаях, когда ему сопутствует соответствующее обстоятельство, претендующее на роль квалифицирующего признака»¹⁷². Это требование состоит в том, что квалифицирующие обстоятельства не могут быть переменными, т. е. отягчающими только в части, другими словами, не должны только в некоторых случаях существенно повышать общественную опасность преступления, а в других случаях не обладать таким свойством;

д) строго определенная направленность влияния квалифицирующего признака на существенное повышение общественной опасности преступления, т. е. отягчающее обстоятельство не должно при возможном изменении условий совершения преступления приводить к обратному влиянию – смягчению вины;

ж) квалифицирующие обстоятельства должны быть связаны с временными рамками преступления, т. е. они должны сформироваться до момента окончания преступления, характеризуя степень его общественной опасности и личности виновного, поэтому не могут быть квалифицирующими признаками акты посткриминального поведения (например, сокрытие совершенного преступления);

з) сложности уголовно-процессуального доказывания того или иного признака не могут служить решающим фактором в процессе конструирования состава преступления;

¹⁷¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 183.

¹⁷² Там же. С. 183.

и) недопустимо конструировать особо квалифицированный состав, если наказание за такое преступление будет слабодифференцированным в сравнении с санкцией за преступление с квалифицированным составом.

2. Правила, относящиеся к *форме изложения* квалифицированных составов:

а) квалифицированные составы должны описываться только в диспозиции статьи уголовного закона, но не в санкции;

б) описанию квалифицированных составов предназначены части статьи, которые следуют за первой частью, в которой описывается основной состав преступления;

в) поскольку квалифицирующие признаки являются дополнительными к основному составу преступлению, постольку во вводной части описания квалифицированного состава нет необходимости воспроизводить признаки основного состава преступления, а при помощи емких законодательных конструкций, таких как «то же (те же) деяние (деяния)», «деяние, предусмотренное частью первой, (второй или третьей и т. д.)», «убийство (кража, изнасилование и т. д.), совершенное », указать, что квалифицирующее обстоятельство может иметь место при наличии признаков основного состава преступления;

г) рекомендуется использование единообразного юридико-технического приема (индексации) при описании нескольких квалифицирующих признаков в рамках одного квалифицированного состава преступления путем отдельного обозначения каждого признака буквой (цифрой), а также использование «блокового» принципа изложения квалифицирующих признаков – фиксации устойчивых их сочетаний как по горизонтали (в пределах одной части статьи), так и по вертикали (при переходе от квалифицирующих к особо квалифицирующим признакам).

Заметим, что последнее правило конструирования квалифицированных составов преступлений значимо по нескольким причинам. Как справедливо отмечает Ю.Ю. Акимова, во-первых, оно способствует лучшему уяснению буквы закона, а вслед за ней смысла нормы и воли законодателя, поскольку облегчает грамматическое толкование уголовно-правовой нормы. Во-вторых, указанный способ нормотворчества позволяет наглядно отразить особенности квалифицирующих и особо квалифицирующих

признаков, их различия между собой, имеющие безусловное значение для правоприменителя. В-третьих, изложение в УК РФ квалифицирующих признаков составов преступлений по отдельным пунктам позволяет детализировать квалификацию содеянного и адекватно отразить ее в процессуальных документах по уголовному делу (постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте, приговоре и др.), что обеспечивает возможность наглядной демонстрации индивидуализации уголовного наказания. Мера назначаемого судом наказания, как правило, должна различаться в зависимости от количества установленных квалифицирующих (отягчающих) обстоятельств в деянии виновного¹⁷³. Следует также добавить, что при таком способе юридико-технического описания квалифицирующих признаков наглядно подчеркивается то, что квалифицированный состав с несколькими отягчающими обстоятельствами является альтернативным, а это имеет значение для квалификации преступления. В частности, если виновному по независящим от него обстоятельствам не удалось совершить преступление при наличии нескольких квалифицирующих признаков, предусмотренных в одной части статьи Особенной части УК РФ, однако фактически в его деянии присутствует хотя бы один из указанных квалифицирующих признаков, содеянное является оконченным преступлением при данном квалифицирующем признаке и не может квалифицироваться как покушение на преступление при других квалифицирующих обстоятельствах.

Указанные правила законодательного конструирования квалифицированных составов преступлений равным образом могут использоваться для законодательного конструирования и привилегированных составов с той лишь разницей, что смягчающие обстоятельства, претендующие на роль привилегированных признаков, обеспечивают существенный перепад в общественной опасности преступления в сторону ее понижения.

Методологическое значение правил законодательного конструирования квалифицированных и привилегированных составов

¹⁷³ Акимова Ю.Ю. Использование рабского труда: уголовно-правовой аспект : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно- исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 12.

преступлений заключается в том, что они могут использоваться в качестве общего инструмента для оценки криминологической обоснованности и правильности законодательного оформления отягчающих и смягчающих обстоятельств в статьях Особенной части УК РФ применительно к любым группам и видам преступлений.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно обозначить следующие выводы:

1. В теории уголовного права дифференциация уголовной ответственности определяется как градация, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного.

2. Дифференциацию уголовной ответственности как разновидность законодательной деятельности нужно отличать, с одной стороны, от *унификации* ответственности в уголовном праве (устранение различий в сходных уголовно-правовых нормах, обеспечение их единообразия), с другой стороны, от *индивидуализации* уголовной ответственности – деятельности правоприменителя по избранию меры уголовной ответственности лицу, совершившему преступление.

3. Ключевыми понятиями теории дифференциации уголовной ответственности являются основания и средства дифференциации. В качестве основания дифференциации уголовной ответственности называются «типичная степень общественной опасности преступления» и «типичная степень общественной опасности лица, совершившего преступление».

Средства дифференциации уголовной ответственности подразделяют на содержащиеся в Общей части уголовного права (категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности и наказания, обстоятельства, влияющие на назначение наказания (ст. 63, 64 УК РФ и др.) и содержащиеся в Особенной части уголовного права (квалифицирующие обстоятельства, санкции, специальные виды освобождения от уголовной ответственности и др.).

Представляется необоснованным отнесение к средствам дифференциации уголовной ответственности института освобождения

ния от уголовной ответственности, поскольку невозможно дифференцировать то, от чего субъект уголовного права освобождается. Институт освобождения от уголовной ответственности логично считать средством дифференциации мер уголовно-правового характера или уголовно-правового воздействия.

4. Главным средством дифференциации уголовной ответственности в Особенной части УК РФ является правовой институт квалифицированных (привилегированных) составов, или квалифицирующих (привилегирующих) признаков, фиксирующих типовую степень общественной опасности преступления и преступника как основания дифференциации уголовной ответственности.

5. Прикладное значение теории дифференциации уголовной ответственности заключается в разработке правил законодательного конструирования квалифицированных составов преступлений, условно разделяемых на две группы: правила, относящиеся к содержанию квалифицированных составов (их криминологической обоснованности), и правила, относящиеся к форме изложения квалифицированных составов. Данные правила равным образом могут использоваться для законодательного конструирования привилегированных составов с той лишь разницей, что смягчающие обстоятельства, претендующие на роль привилегирующих признаков, обеспечивают существенный перепад в общественной опасности преступления в сторону ее понижения.

Глава 10. ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ (ст. 245 УК РФ)

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, положения ст. 245 УК РФ применяются в системной связи с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ)¹⁷⁴, в котором впервые

¹⁷⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № 2187-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

сформулировано понятие жестокого обращения с животными¹⁷⁵. Ранее жестокое обращение с животным понималось доктриной и практикой как некая особая (необязательная) жестокость¹⁷⁶. В настоящее время, согласно приведенному выше Закону, жестокое обращение – любое обращение, которое привело или может привести к гибели животного, увечью, независимо от характера и интенсивности противоправного воздействия на животное.

Уголовная ответственность по ст. 245 УК РФ может наступать лишь в случае совершения деяния в отношении живого организма. Воздействие на мертвую тушу животного не образует состав рассматриваемого преступления.

Применительно к ст. 245 УК РФ понятие «животное» в биологическом смысле¹⁷⁷ не являются тождественным данному понятию в уголовно-правовом смысле. Иное понимание приведет к необходимости при наличии других оснований использовать механизмы уголовно-правового воздействия в случае ловли и уничтожения, например, мух и комаров, что представляется излишним.

¹⁷⁵ Согласно п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» жестокое обращение с животным – обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо не оказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии.

¹⁷⁶ Танага И.В., Миллеров Е.В. Вопросы совершенствования юридической ответственности за жестокое обращение с животными // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3. С. 20–25.

¹⁷⁷ См., напр.: Перечень случаев, при которых допускаются содержание и использование животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2025 г. № 681 : текст с изм. и доп. на 27 окт. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации : утв. Приказом Минприроды России от 24 марта 2020 г. № 162. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Правоприменительная практика помимо кошек и собак в качестве *предмета преступления*, предусмотренного ст. 245 УК РФ, признает обезьян¹⁷⁸, кроликов¹⁷⁹, коз¹⁸⁰, лошадей¹⁸¹, коров¹⁸², коз¹⁸³, ондатр¹⁸⁴, уток¹⁸⁵, черных коршунов¹⁸⁶, попугаев¹⁸⁷ и т. д.

Существует мнение, что не все представители животного мира могут выступать предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, а лишь высшие позвоночные – млекопитающие и птицы¹⁸⁸. Сказанное исключает из перечня предметов преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, беспозвоночных (насекомых, червей, моллюсков), рыб, пресмыкающихся и земноводных. Однако из-за отсутствия в данном вопросе нормативной определенности правоприменительная практика признает в качестве предмета преступления пресмыкающихся.

¹⁷⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2019 г. № 10-17046/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹⁷⁹ Приговор Баргузинского районного суда (Республика Бурятия) от 23 июля 2019 г. № 1-180/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸⁰ Приговор Вяземского районного суда (Смоленская область) от 29 ноября 2023 г. № 1-359/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Алтай от 2 марта 2023 г. № 22-105/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸² Приговор Ордынского районного суда (Новосибирская область) от 7 сентября 2023 г. № 1-135/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸³ Приговор Усть-Удинского районного суда (Иркутская область) от 28 июня 2018 г. № 1-51/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸⁴ Приговор Наро-Фоминского городского суда (Московская область) от 25 июня 2021 г. № 1-227/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸⁵ Приговор Уваровского районного суда (Тамбовская область) от 3 февраля 2025 г. № 1-37/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸⁶ Приговор Целинного районного суда (Алтайский край) от 28 февраля 2024 г. № 1-28/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸⁷ Приговор Зеленодольского городского суда (Республика Татарстан) от 17 января 2024 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸⁸ Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 8, 15.

С. достал из аквариума водную черепаху и с силой бросил ее в ванну. Суд установил, что животное испытало боль и страдания, у нее раскололся панцирь, пошла кровь. От полученных увечий черепаха скончалась. С. осужден по ст. 245 УК РФ¹⁸⁹. В литературе описываются случаи осуждения по ст. 245 УК РФ за жестокое обращение с ящерицами¹⁹⁰.

В этой связи некоторыми авторами с учетом нравственных принципов обращения с животными, закрепленных в п. 1 ст. 4 Федерального закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ, предлагается для целей ст. 245 УК РФ под предметом преступления понимать представителей царства животных, имеющих нервную систему, способных испытывать эмоции и физические страдания¹⁹¹, т. е. не только млекопитающих и птиц, но и иных представителей высших хордовых – пресмыкающихся (крокодилов, черепах, змей, ящериц)¹⁹².

Полагаем, что окончательное разрешение обозначенной выше дискуссии возможно лишь в случае определения перечня животных, включенных в предмет преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, на уровне закона или разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

С учетом положений ст. 3 Федерального закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, могут выступать любые животные независимо от их происхождения и формы собственности (домашние, дикие, служебные либо не имеющие владельца). Подобный подход находит отражение на практике.

Суд кассационной инстанции отклонил доводы жалобы о том, что «не имевшие владельцев животные, каковыми являлись убитые собаки, не могут являться предметом преступления,

¹⁸⁹ Приговор Соликамского городского суда (Пермский край) от 16 мая 2024 г. № 1-164/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁹⁰ Миллеров Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 21.

¹⁹¹ Аюпова Г.Ш. К вопросу о толковании отдельных объективных признаков состава жестокого обращения с животными // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 4. С. 39–52.

¹⁹² Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 УК РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 92–97.

поскольку по смыслу ст. 245 УК РФ во взаимосвязи с положениями Федерального закон от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ предметом преступного посягательства, предусмотренного указанной статьей уголовного закона, являются животные вне зависимости от форм собственности на них и их отнесения к категории домашних, служебных или не имеющих владельцев и т. п.»¹⁹³.

В силу п. 9 ст. 3 Федерального закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ под обращением с животными следует понимать их содержание, использование (применение), а также совершение других действий в отношении животных, которые оказывают влияние на их жизнь и здоровье.

Согласно п. 5 ст. 3, чч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ **жестоким обращением с животным** признается:

обращение, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного;

нарушение требований к содержанию, причинившее вред здоровью животного, либо отказ владельцев животных от исполнения ими обязанностей по содержанию до их определения в приюты для животных или отчуждения иным законным способом, а равно неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии;

проведение на животных без применения обезболивающих лекарственных препаратов ветеринарных и иных процедур, которые могут вызвать у них непереносимую боль;

натравливание животных (за исключением служебных животных) на других животных, организация и проведение боев между ними, а равно зрелищных мероприятий, влекущих за собой нанесение травм и увечий или умерщвление животных;

кормление хищных животных другими живыми животными в местах, открытых для свободного посещения, за исключением случаев, предусмотренных требованиями к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию, установленными Правительством Российской Федерации.

¹⁹³ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2024 г. № 77-2200/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем достаточно широкое толкование жестокого обращения, предложенное в п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ, ограничено сферой применения этого Закона.

Так, согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ положения данного Закона не применяются к отношениям в области охраны и использования животного мира, рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, аквакультуры (рыбоводства), охоты и сохранения охотничьих ресурсов, содержания и использования сельскохозяйственных и лабораторных животных.

В этой связи жестоким не может быть признано правомерное умерщвление животных в случаях: проведения мероприятий, связанных с предотвращением их размножения, регулирования их численности; эвтаназии при оказании ветеринарных услуг; уоя сельскохозяйственных животных без излишних мучений; уничтожения по санитарно-эпидемиологическим соображениям; проведения охоты; иных форм правомерного использования объектов животного мира¹⁹⁴.

В литературе подчеркивается, что жестокое обращение может быть выражено как в системе действий, так и в единичном поведенческом акте¹⁹⁵, что находит отражение в правоприменительной практике.

Д., оспаривая осуждение по ч. 1 ст. 245 УК РФ, полагал, что по смыслу уголовного закона совершение лицом одного направленного на причинение смерти животному действия *без продолжительного жестокого обращения с ним* не влечет уголовной ответственности. Согласно приговору суда, Д., выбросив кошку из окна, допустил жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и страданий, повлекшее гибель животного. Суд кассационной инстанции признал, что доводы

¹⁹⁴ Данилова С.И. Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ («Жестокое обращение с животными») / материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс». Дата публикации: 15.02.2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Шарпов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2019. № 1. С. 51–60.

¹⁹⁵ Щетинина Н.В., Аюпова Г.Ш. Особенности толкования юридически значимых признаков основного состава жестокого обращения с животными (ч. 1 ст. 245 УК) // Законность. 2024. № 9. С. 38–44.

жалобы основаны на неверном толковании закона, по смыслу которого под жестоким обращением с животным понимается любое обращение, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного¹⁹⁶.

Подобный подход основан на положениях п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ, согласно которым под жестоким следует понимать любое обращение, повлекшее или способное повлечь смерть, увечье или иное повреждение здоровья животного. Иными словами, с точки зрения позитивного права, поддержанного правоприменительной практикой по уголовным делам, наличие особых страданий животного при его умерщвлении не является обязательным для признания такого обращения жестоким.

Формами единичных действий по умерщвлению животного при квалификации деяния по ст. 245 УК РФ практикой признаются выстрел в голову из огнестрельного оружия¹⁹⁷, утопление в воде¹⁹⁸, отравление¹⁹⁹, целенаправленный наезд автомашиной²⁰⁰, повешение²⁰¹, сожжение заживо²⁰².

Под системой действий, связанных с жестоким обращением с животными, правоприменителем признаются различные формы истязания животных, влекущие их гибель (например, удушение

¹⁹⁶ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 июля 2024 г. № 77-2165/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹⁷ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2025 г. № 77-458/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹⁸ Апелляционное постановление Тверского областного суда (Тверская область) от 10 июля 2019 г. № 22-1187/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁹⁹ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2023 г. № 77-2239/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰⁰ Постановление Горячеключевского городского суда (Краснодарский край) от 23 мая 2018 г. № 1-95/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https:// sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

²⁰¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 4 февраля 2019 г. № 22-113/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https:// sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

²⁰² Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) от 21 ноября 2019 г. № 1-883/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https:// sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

путем повешения, сопровождающееся нанесением ударов по телу животного²⁰³; нанесение множественных ударов различными предметами, имеющими поражающие свойства (вилами)²⁰⁴; производство выстрела с последующим нанесением ударов молотком по голове²⁰⁵ и т. п.).

Из пунктов 5 и 9 ст. 3, чч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ следует, что жестокое обращение с животными может быть совершено путем как действия, так и бездействия.

Ш., являясь владельцем животных – двух лошадей, преследуя цель избавления от материальных затрат, содержала их в помещении, не обеспечивающем температурных, гигиенических условий, не соблюдала благоприятный рацион их питания, воды, движения, оказания своевременной квалифицированной ветеринарной помощи, что способствовало развитию тяжелых заболеваний и привело к гибели одного животного и причинению увечий другому, за что осуждена по п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ²⁰⁶.

Обязательным признаком материального состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, выступает *наличие последствий деяния в виде гибели или увечья животного*. Вместе с тем из п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ следует, что с точки зрения отраслевого законодательства под жестоким понимается обращение, повлекшее не только гибель или увечье, но и иное повреждение здоровья животного. Следовательно, в случае причинения животному иного вреда здоровью, не относящегося к категории увечья, уголовная ответственность по рассматриваемой норме исключается. Ранее возникал вопрос: что при квалификации деяний по ст. 245 УК РФ включать в понятие «увечье», а что относить к иному повреждению здоровья?

²⁰³ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 июня 2025 г. № 7У-3349/2025 [77-1455/2025]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰⁴ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2021 г. № 77-1235/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2024 г. № 18-УД23-47-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰⁶ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2022 г. № 77-4335/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В литературе предлагалось под увечьем в рамках ст. 245 УК РФ понимать тяжкий вред здоровью животного, который опасен для его жизни либо влечет потерю зрения, слуха, какого-либо органа, полную или временную утрату органом его функций, а под иным повреждением – легкий вред здоровью и вред средней тяжести²⁰⁷. Однако в отраслевом и репрессивном законодательстве отсутствует разделение вреда здоровью животных на тяжкий, средний и легкий.

Дискуссия была упразднена в 2023 г. высшей судебной инстанцией в решении по делу Ш.²⁰⁸

Ш. прикрепил конец поводка собаки к мопеду и стал осуществлять движение со значительной скоростью, осознавая, что животное упало и волочится по асфальтированному покрытию. Суд признал, что действия подсудимого повлекли причинение животному увечья в виде скальпированных ран с грануляциями на мякишах всех четырех конечностей. Приговор по ч. 1 ст. 245 УК РФ был основан на показаниях врача-ветеринара, который отнес повреждения к увечью, так как восстановление и регенерация тканей невозможны. Кроме того, судом учитывалось, что в мякишах лап собаки имеются потовые железы, необходимые для регуляции теплообмена, которые при повреждении подушечек не восстанавливаются. Верховный Суд Российской Федерации приговор и последующие акты отменил, а дело направил на новое рассмотрение, указав, что судами не учтены критерии и порядок отнесения того или иного телесного повреждения и его последствий к увечью, сославшись на положения ГОСТ Р 58436-2019:

увечье – телесное повреждение, сопровождающееся частичной или полной утратой способности к выполнению конкретной функции организма (п. 3.6);

увечья непродуктивных животных подразделяют на увечья центральной и периферической нервной системы, органов зрения, слуха, дыхания, пищеварения, мочеполовых органов; частичное или полное отделение конечности (конечностей); травматическое

²⁰⁷ Шабалина М.А. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) // Уголовное право. 2020. № 6. С. 77–82.

²⁰⁸ Пейсикова Е.В. Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ): судебная практика, поиск новых критериев // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4. С. 10–15.

повреждение кожных покровов площадью более 50 % поверхности тела (п. 4.6.1);

подтверждение причинно-следственной связи между нанесением механических повреждений и смертью животного и установление увечья (увечий) осуществляется только судебным ветеринарным экспертом (п. 5.5)²⁰⁹.

Таким образом, правоприменителю для признания причиненного животному вреда здоровью увечьем следует руководствоваться положениями пп. 3.6, 4.6.1, 5.5 ГОСТ Р 58436-2019.

Лишение жизни животного или причинение ему увечья образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, не само по себе, а только при наличии специальной цели и (или) мотивов, приведенных в диспозиции анализируемой нормы²¹⁰, что указывает на возможность его совершения только с прямым умыслом.

С. из хулиганских побуждений поджег деревянную постройку (стойло). Огнем уничтожено два деревянных денника, вольтер, два рулона сена и две лошади (пони). С. осужден по ч. 2 ст. 167 УК РФ. В ходе расследования уголовного дела не получено объективных данных о наличии у С. прямого умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ²¹¹.

При отсутствии специальных признаков субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, ответственность за сам факт жестокого обращения с животными наступает по ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ.

Одним из альтернативных мотивов рассматриваемого преступления является наличие **корыстных побуждений**, под которыми суды традиционно понимают стремление виновного в результате деяния (жестокого обращения с животными) извлечь выгоду материального характера или освободиться от материальных затрат, в том числе связанных с содержанием животных²¹².

²⁰⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2023 г. № 33-УД22-19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹⁰ Попов И.В. Ошибки квалификации жестокого обращения с животными // Уголовное право. 2025. № 2. С. 60–68.

²¹¹ Приговор Подольского городского суда (Московская область) от 4 июля 2017 г. № 1-366/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

²¹² Щетинина Н.В., Аюпова Г.Ш. Указ. соч. С. 38–44.

Администрация муниципального района заключила контракт с Ч. на отлов и содержание безнадзорных животных. С целью освобождения от материальных затрат по содержанию животных Ч. с помощью К. изготовил 173 ветеринарных заключения, содержащих заведомо ложные сведения о том, что отловленные собаки являются агрессивными, поражены неизлечимыми инвазионными заболеваниями и нуждаются в эвтаназии. Далее К. умерщвлял животных, используя препарат «Дитилин» – деполяризирующий миорелаксант, яд курареподобного действия, не предназначенный для эвтаназии, используемый для обездвижения. После введения препарата с превышением дозировки происходила парализация всех мышц, в том числе голосовых связок, собаки не могло издавать звуки. Далее наступала смерть животных от удушья по причине невозможности сделать вдох из-за парализации дыхательной мышцы²¹³.

З. не исполнял взятые на себя обязательства в рамках муниципального контракта по содержанию безнадзорных животных (собак) в приюте, а полученные средства тратил не на их кормление, а на свои нужды. В результате наступила гибель не менее 32 животных из-за патологии органов пищеварения алиментарного характера, приведшей к кахексии. Отягощающим фактором выступала ангидремия (обезвоживание)²¹⁴.

П. из корыстных побуждений (за вознаграждение от граждан, не являвшихся собственниками животных, по найму) осуществил умерщвление трех собак и одного кота в общественных местах путем инъекции препарата «Аделин Супер»²¹⁵.

В литературе отмечается, что жестоким обращением с животными из корыстных побуждений при наличии определенных в законе последствий следует признавать проведение собачьих боев, иных зрелищных мероприятий, запись видео с издевательствами над животными для последующей реализации²¹⁶.

²¹³ Приговор Новошахтинского районного суда (Ростовская область) от 19 сентября 2019 г. № 1-267/2019 УИД // Судебные и нормативные акты РФ сайт : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

²¹⁴ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. № 77-2097/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

²¹⁵ Постановление Лазаревского районного суда г. Сочи (Краснодарский край) от 10 декабря 2019 г. № 1-327/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

²¹⁶ Попов И.В. Указ. соч. 60–68.

Согласно позиции высшей судебной инстанции, умерщвление животного, препятствующего совершению хищения имущества, не может быть признано жестоким обращением из корыстных побуждений.

П. застрелил из ружья собаку во дворе дома Ф. с целью устранения препятствий для совершения кражи из гаража и дома последнего. Верховный Суд Российской Федерации приговор в части осуждения П. по ч. 2 ст. 245 УК РФ отменил, а производство по делу прекратил за отсутствием состава преступления²¹⁷. В другом случае Верховный Суд Российской Федерации переквалифицировал отравление собаки с целью осуществления беспрепятственного совершения разбойного нападения на семью К. с ч. 2 ст. 245 УК РФ на ч. 1 ст. 167 УК РФ²¹⁸.

Выводы об отсутствии признаков рассматриваемого преступления следовали из того, что в результате умерщвления животных обвиняемые материальной выгоды не извлекали.

Мы также не можем согласиться с наличием рассматриваемого признака при осуществлении добычи охотничьих ресурсов негуманными способами.

М. и С. с целью незаконной добычи охотничьих ресурсов осуществили установку металлических петель у солонцов, что повлекло гибель двух сибирских косуль от удушения. Осуждая М. и С. по ч. 2 ст. 245, ч. 2 ст. 258 УК РФ в особом порядке, суд признал наличие в действиях осужденных жестокого обращения с животными, повлекшего их гибель, из корыстных побуждений²¹⁹.

Такой подход следует признать небезупречным. Непосредственно от умерщвления животных виновные материальной выгоды не получили, поэтому содеянное не может квалифицироваться по ст. 245 УК РФ по признаку совершения преступления из корыстных побуждений. Факт умерщвления животных полностью охватывается положениями ст. 258 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 245 УК РФ не требует.

²¹⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2003 г. № 74-Д02-18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 41-кпо01-156. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹⁹ Приговор Усть-Удинского районного суда (Иркутская область) от 28 июня 2018 г. № 1-51/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

Наиболее дискуссионным представляется вопрос о возможности квалификации по ст. 245 УК РФ по признаку наличия корыстных побуждений случаев умерщвления животных для употребления их мяса в пищу.

Так, некоторые авторы подобные случаи жестокого обращения с животными полагают возможным признавать совершенными из корыстных побуждений, приводя в обоснование правоприменительную практику²²⁰.

Другие авторы считают, что при умерщвлении животного с целью употребления его мяса в пищу корыстные побуждения отсутствуют, поскольку субъект никакой выгоды именно от жестокого обращения не извлекает. Содеянное полностью охватывается нормами, предусматривающими ответственность за хищение. Подобные случаи могут быть квалифицированы по ст. 245 УК РФ, но при наличии иных субъективных признаков рассматриваемого преступления в виде цели причинить животному боль и (или) страдания либо из хулиганских побуждений²²¹, что нам представляется верным. Сказанное находит отражение на практике.

О. увел сидевшую на цепи собаку от дома А., умертвил ее, воткнув в шею нож и повернув его, а затем отрезал животному голову и употребил мясо в пищу, за что осужден по ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 245 УК РФ. Суд кассационной инстанции признал, что избранный О. способ умерщвления собаки свидетельствует о наличии у него цели причинения животному боли и страданий²²².

М. открыто похитил обезьяну К. с применением насилия. В дальнейшем М. в результате множественных ударов причинил животному черепно-мозговую травму, отчего наступила смерть обезьяны. Осуждая М. по п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 245 УК РФ, суд признал, что жестокое обращение совершено с целью причинения животному боли и страданий²²³.

²²⁰ Шабалина М.А. Указ. соч. С. 77–82.

²²¹ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 92–97 ; Попов И.В. Указ. соч. С. 60–68.

²²² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 августа 2024 г. № 77-2590/2024. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

²²³ Определение Московского городского суда от 16 сентября 2019 г. № 10-17046/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В ходе распития спиртного Ф. ночью (в 03.30) в населенном пункте обнаружил уток, плавающих в пруду. Виновный стал бросать камни в уток, отчего две особи погибли, одной причинены увечья. Далее Ф. достал из воды уток и одной, подававшей признаки жизни, свернул шею. Гушки животных Ф. отдал своей матери, которая сварила из них суп. Причины умерщвления животных обвиняемый пояснить не смог, сославшись на состояние сильного алкогольного опьянения. Ф. осужден за жестокое обращение с животными из хулиганских побуждений, повлекшее их гибель (п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ)²²⁴.

При признании наличия *хулиганского мотива* при жестокое обращении с животными правоприменитель руководствуется п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26 ноября 2024 г.) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»²²⁵ и п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)²²⁶.

В одном из решений Верховный Суд Российской Федерации указал, что преступление, предусмотренное ст. 245 УК РФ, «признается свершенным из хулиганских побуждений в том случае, когда животных убивают, калечат ради желания видеть их мучения или для демонстрации пренебрежения к нормам морали и общественному мнению»²²⁷.

²²⁴ Приговор Уваровского районного суда (Тамбовской область) от 3 февраля 2025 г. № 1-37/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

²²⁵ Под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода.

²²⁶ Преступлением из хулиганских побуждений признается деяние, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное преступление без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для его совершения).

²²⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2007 г. № 11-Д07-33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ судебных решений показал, что правоприменитель признает наличие хулиганского мотива при жестоком обращении с животными в случае беспричинности насилия над животным, отсутствия какой-либо необходимости в умерщвлении или нанесении увечий, публичности и демонстративности поведения виновного; игнорирования требований очевидцев о прекращении противоправного поведения.

Например, М. подверг избиению собаку металлическим прутом, отчего она скончалась, без какого-либо повода, демонстративно и открыто, в общественном месте, грубо нарушая таким образом общественный порядок²²⁸.

В момент нанесения собаке телесных повреждений, приведших к ее смерти, К. был обнаружен очевидцами, которые пытались помешать ему, делали замечания, однако он не реагировал, напротив, своим поведением воспрепятствовал вмешательству посторонних в его действия по отношению к животному и продолжил их совершать²²⁹.

Правильным является утверждение ряда авторов о том, что при наличии конфликтных ситуаций, ставших причиной жестокого обращения с животным, которые обусловлены нарушением собственником правил содержания или агрессивным поведением животного, представляющего опасность для окружающих, хулиганский мотив отсутствует (например, нападение на людей или других животных, порча имущества, непрекращающийся лай в ночное время, фекальные загрязнения, провоцирование ДТП и т. п.). Кроме того, хулиганский мотив отсутствует в действиях дог-хантеров, которые для предотвращения негативных последствий по собственной инициативе осуществляют регулирование численности бродячих животных²³⁰.

При наличии фактической ошибки субъекта в необходимости и допустимости умерщвления животного содеянное не может быть признано жестоким обращением из хулиганских побуждений.

²²⁸ Апелляционное постановление Московского городского суда от 4 июля 2023 г. № 10-11981/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²²⁹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 14 февраля 2017 г. № 22-1334/2017 (по делу № 1-521/2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³⁰ Щетинина Н.В., Аюпова Г.Ш. Указ. соч. С. 38–44.

Так, кассационный суд согласился с оправданием егеря К. по п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ, который при патрулировании охотугодья обнаружил и застрелил собаку. Установлено, что К., осведомленный о неблагоприятной в районе ситуации с бешенством животных, обнаружив бесконтрольно перемещающуюся собаку в лесном массиве без намордника, предположил, что она заражена. После двух предупредительных выстрелов в воздух в отсутствие реакции животного К. выстрелил на поражение²³¹.

Неоднозначным и противоречивым является такой признак субъективной стороны основного состава преступления, как наличие *цели причинить боль и (или) страдания животному*.

Буквальное толкование рассматриваемого признака указывает на наличие двух альтернативных целей – причинить боль и (или) причинить страдания. Однако согласно Толковому словарю С.И. Ожегова, боль – ощущение страдания, а страдание – физическая или нравственная боль²³². Большинство словарей определяют боль и страдания в качестве синонимов.

Исходя из изученных приговоров, правоприменитель также не видит принципиальных различий между указанными понятиями, инкриминируя по всем делам рассматриваемой категории наличие обеих целей – причинить боль и причинить страдания, преодолевая таким образом недостатки юридической техники в изложении диспозиции ч. 1 ст. 245 УК РФ.

Сотрудники правоохранительных органов испытывают затруднения с разграничением таких признаков рассматриваемого преступления, как «жестокое обращение», «цель причинить боль и (или) страдания», «применение садистских методов».

Жестокое обращение является обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, а цель причинить боль и страдания животному – альтернативным признаком субъективной стороны.

Напомним, что в силу п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ жестокое обращение – любое обращение с животным, которое привело или может привести к его гибели

²³¹ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2025 г. № 77-484/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. 939 с. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegovva/> (дата обращения: 21.05.2025).

или увечью. Следовательно, если в результате деяния наступила смерть или причинено увечье, содеянное является жестоким обращением с животным.

Наступлению смерти или возникновению увечья в результате нарушения анатомической целостности организма из-за наличия у животного нервных окончаний всегда сопровождается болью. Из содержания диспозиции ч. 1 ст. 245 УК РФ следует, что период испытываемой животным боли при умерщвлении или причинении увечья для квалификации значения не имеет. При мгновенном умерщвлении путем выстрела в голову животное все равно, пусть и незначительный период времени, боль испытывает. В таком случае напрашивается вывод: если лицо осознанно, нарушая анатомическую целостность, причиняет смерть или увечье животному и тем самым совершает жестокое обращение с ним, следовательно, оно имеет цель причинить последнему боль и (или) страдания. Значит ли это, что в каждом случае жестокого обращения, влекущего смерть или увечье животного, наличие цели причинить боль и (или) страдания презюмируется? Представляется, что нет.

Как известно, цель преступления – это конечный результат, к которому виновный стремится, совершая общественно опасное деяние (идеальное представление субъекта о результате своего деяния). Анализируемая цель имеет место лишь в тех случаях, когда причинение животному боли и страданий выступает самоцелью, «жестокость ради жестокости, т. е. совершением насильственных действий исчерпываются все желания субъекта»²³³. Данный подход находит отражение в правоприменительной практике.

Так, Н. в ходе совершения убийства потерпевшего, сопряженного с разбоем, нанес собаке потерпевшего несколько ударов по голове неустановленным предметом, отчего животное погибло. Верховный Суд Российской Федерации исключил из приговора осуждение Н. по ч. 1 ст. 245 УК РФ, указав следующее. Умерщвление животного было связано с убийством потерпевшего. Данных о том, что умысел осужденного был направлен на причинение страданий животному, не получено²³⁴.

²³³ Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность... С. 51–60.

²³⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2007 г. № 4007-13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Я., находясь в квартире, воспользовавшись отсутствием потерпевшего, с целью употребления в пищу мяса животного стал душиТЬ собаку. Не добившись желаемого в результате удушения животного, Я. перерезал собаке горло, а потом употребил мясо в пищу. Суд кассационной инстанции исключил осуждение Я. по ст. 245 УК РФ, указав следующее: «Субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом, при этом умысел виновного должен быть направлен именно на причинение страданий животному. Вместе с тем, как следует из предъявленного Я. обвинения и установлено приговором суда, он желал причинить смерть собаке с целью употребления ее мяса в пищу. Данных о том, что умысел Я. был направлен на причинение страданий животному, по делу не имеется»²³⁵.

В случаях незаконной добычи охотничьих ресурсов негуманными способами суды также исключают из приговоров осуждение по ст. 245 УК РФ, не усматривая в содеянном цели причинить животному боль и (или) страдания.

Ж., К. и П., осуществляя незаконную охоту, загоняли лося, наезжая ему на конечности снегоходами, а когда животное обессилило, стали избивать его ногами и душиТЬ, далее совершив его умерщвление. Обвиняемые осуждены по ч. 2 ст. 258 УК РФ и оправданы по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ²³⁶.

Обвиняемый Ф., управлявший маломерным судном, обнаружив переплывающих реку двух лосей, накинул веревки на шею животных, затянул петли, а свободный конец привязал к лодке и поплыл в сторону берега. На берегу обвиняемый разделал туши лосей. Ф. осужден по ч. 2 ст. 258 УК РФ и оправдан по пп. «в», «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ²³⁷.

Представляется, что рассматриваемый признак отсутствует, если лицо, пусть даже и противоправно, умерщвляет животное,

²³⁵ Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 21 мая 2014 г. № 44у-243/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³⁶ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2024 г. № 77-1008/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³⁷ Приговор Нарьян-Марского городского суда (Ненецкий автономный округ) от 30 мая 2023 г. по делу № 1-63/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 18.08.2025).

преследуя при этом общеполезные цели (например, в целях недопущения неконтролируемого размножения бродячих собак, способных проявлять агрессию), не применяя при этом неоправданной или не вызванной необходимостью жестокости. Цель причинить боль и страдания отсутствует и в случае, если противоправное лишение жизни животного осуществляется гуманными, общепринятыми способами. При этом, учитывая, что подобные случаи в силу п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ являются жестоким обращением с животным, содеянное следует квалифицировать по ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ.

Например, мировым судьей принято решение о применении принудительных мер медицинского характера в отношении «колдуна» и «магистра магии вуду» в связи с совершением общественно опасного деяния, запрещенного ч. 1 ст. 148 УК РФ, связанного с проведением перед объективами камер обряда жертвоприношения животного (петуха) на погребальном полотне путем отсечения головы²³⁸. Содеянное не квалифицировано по ст. 245 УК РФ по причине отсутствия у виновного цели причинить животному боль и страдания.

Отсутствует анализируемая цель и при умерщвлении животного или нанесении ему увечья в ходе отражения его агрессивного нападения. Однако если указанные действия совершены после окончания нападения в качестве мести с применением неоправданной жестокости, суды квалифицируют подобные случаи по ст. 245 УК РФ, отклоняя доводы о необходимой обороне²³⁹ и крайней необходимости²⁴⁰ в случаях, когда, например, собака находилось на цепи.

²³⁸ Постановление мирового судьи судебного участка № 6 Кировского судебного района г. Екатеринбурга от 12 апреля 2016 г., апелляционное постановление Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 20 июня 2016 г. № 10-45/2016 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) дата обращения: 18.08.2025).

²³⁹ Постановления Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2024 г. № 77-3525/2024, Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2023 г. № 77-205/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴⁰ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. № 77-2687/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, если умерщвление обусловлено иными целями (облегчение совершения другого преступления, употребление в пищу, незаконная охота, разрешение конфликтной ситуации и т. п.), содеянное не может быть признано жестоким обращением в целях причинения животному боли и (или) страданий. Сделаем две оговорки (исключения).

1. Если животному целенаправленно причиняется тяжелое увечье или смерть после окончания конфликтной ситуации либо ее активной фазы не для ее преодоления, а в качестве мести, наказания животного или его хозяина, содеянное следует признавать жестоким обращением с целью причинения боли и (или) страданий (например, ампутация конечностей соседской собаки за ночной лай). Подобный вывод находит отражение в правоприменительной практике.

Собака потерпевшей укусила дочь обвиняемого С. и ее подругу. С. застрелил собаку, совершив два выстрела в ее туловище из ружья. Суд кассационной инстанции согласился с осуждением С. по ч. 1 ст. 245 УК РФ, указав следующее: «Учитывая действия осужденного, который после произошедшего конфликта с собакой потерпевшей покинул место происшествия, уехал домой и затем вернулся, вооружившись ружьем, при этом в момент производства С. выстрелов собака находилась в кладовой под крыльцом дома и не проявляла какой-либо агрессии, суд обоснованно пришел к выводу о том, что у С. не было объективных причин дважды стрелять в собаку. В создавшейся обстановке осужденный имел возможность избрать законный способ защиты, сообщить о собаке в соответствующую службу для принятия необходимых мер к животному. Суд пришел к обоснованному выводу о том, что, производя выстрелы дробью из охотничьего ружья в туловище собаки, осужденный осознавал неизбежность последствий в виде причинения боли и страданий животному, что свидетельствует о наличии в его действиях прямого умысла и цели на причинение боли и страданий животному»²⁴¹.

2. Применение не обусловленных характером конфликтной ситуации садистских методов причинения смерти или увечья

²⁴¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2025 г. № 77-458/2025. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

животному может свидетельствовать о наличии цели причинить ему боль и страдания. Например, при лишении жизни в рамках конфликтной ситуации к животному применялись истязание, глумление либо умерщвление совершенно способом, который заведомо для виновного связан с причинением особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение или погребение заживо и т. п.) *при отсутствии в этом необходимости*. В таком случае виновный стремится не просто лишить животное жизни, а сделать это максимально мучительно для него, наблюдая за его страданиями.

К. задушил поводком собаку, которую взял на содержание, поскольку она его укусила. Кроме того, К. причинил собаке множественные прижизненные повреждения заднего прохода деревянной щепкой длиной 15–20 см. Согласно показаниям свидетеля (соседа осужденного), в день гибели животного он слышал визг собаки на протяжении 1,5 часа, а после этого обнаружил ее окровавленный труп с признаками насильственной смерти в пакете с миской, игрушкой и ветеринарным паспортом в лифте. Суд кассационной инстанции признал обоснованным осуждение К. по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ за жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и страданий, повлекшее гибель животного, совершенное с применением садистских методов²⁴².

В отличие от цели причинить боль и (или) страдания животному, выступающей одним из обязательных признаков субъективной стороны основного состава преступления, ***применение садистских методов*** при жестоком обращении выступает квалифицирующим признаком, предусмотренным п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ, характеризующим способ совершения деяния.

Анализ практики показал, что судами под применением садистских методов при жестоком обращении с животными понимаются различные безжалостные деяния, причиняющие особые страдания животным, изощренные физические способы воздействия, мучительное умерщвление или членовредительство (сожжение заживо, удушение, истязание и т. п.).

²⁴² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2020 г. № 77-3150/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, суд кассационной инстанции указал, что количество ударов, характер причиняемых собаке телесных повреждений, поведение осужденного, который после нанесения ударов собаке, в том числе видя мучения животного (скулило и выло), не прекратил своих действий, а продолжал наносить удары по телу ножом, свидетельствуют о том, что избранный способ умерщвления собаки сопровождался садистскими методами, причиняющими животному особые страдания и мучения²⁴³.

Противоречиво разрешается вопрос о необходимости наличия у виновного болезненного самоудовлетворения от жестокого обращения с животным для квалификации содеянного по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

Д., удерживая собаку на поводке, нанес ей лезвием топора множественные удары в область головы, отчего животное скончалось. Д. осужден за жестокое обращение с животным с целью причинения ему боли и страданий, повлекшее его гибель. Суд кассационной инстанции отклонил доводы жалобы потерпевшего о необоснованном исключении из обвинения указания на применение садистских методов, указав следующее. Согласно закону, под жестоким обращением с животным с применением садистских методов понимается особо изощренный способ издевательства над ним, а также мучительный способ умерщвления или истязания животного в целях получения болезненного самоудовлетворения. Исследованными доказательствами данного мотива в действиях Д. не установлено²⁴⁴.

Подобный подход находит поддержку и в литературе.

П.А. Филиппов предлагал толковать содержание п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ через призму садизма в широком смысле слова, как ненормальную страсть (наслаждение), не только сексуальной окраски, от страданий других существ²⁴⁵. Другие авторы обращали внимание на то, что «садист заинтересован не в умерщвлении, а в получении удовольствия от причинения животному

²⁴³ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 октября 2023 г. № 77-4139/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴⁴ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2021 г. № 77-767/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 92–97.

страданий, которые в конечном итоге могут стать причиной смерти животного»²⁴⁶; «садистские методы представляют собой особо изощренное жестокое обращение с животным, а также мучительное их умерщвление и истязание в целях получения болезненного самоудовлетворения»²⁴⁷.

Позволим себе не согласиться с таким мнением. Наличие садистского метода жестокого обращения с животным не следует смешивать с садистскими побуждениями или садизмом как склонностью лица к насилию, получению удовольствия от унижения и мучения других. Садистский метод совершения преступления, характеризует его объективную (внешнюю) сторону. Цель (мотив) болезненного самоудовлетворения от жестокого обращения с животным относится к субъективным признакам состава преступления, в диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ как обязательный элемент отсутствует и составной частью способа совершения посягательства не является. Представляется, что жестокое обращение с животным с применением садистских методов может быть совершено и без признаков болезненного самоудовлетворения виновного (например, лицо за денежное вознаграждение жестокого обращения с животным – способ калечит животное или муж, желая отомстить супруге за расставание, причиняет вред их общему питомцу). Сказанное находит отражение в практике кассационных судов общей юрисдикции.

Осужденный по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ З. оспаривал наличие в его действиях садистских методов жестокого обращения с собакой, так как не получал удовольствия от причинения животному страданий. Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения, а жалобу без удовлетворения, указав следующее. З. накинул петлю собаке на шею, а затем перекинул край веревки через металлический каркас. По мнению суда, З. не мог не осознавать, что при подвешивании таким образом собака, перестав касаться задними лапами земли, претерпевала острое нарушение проходимости дыхательных путей при прямом сдавлении трахеи, тем самым происходит удушение, ей причиняются особые страдания и мучения перед наступлением смерти.

²⁴⁶ Шабалина М.А. Указ. соч. С. 77–82.

²⁴⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Г.Н. Борзенко, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 1359 с. (Профессиональные комментарии).

Законодатель не ставит признание садистских методов жесткого обращения с животным (п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ) в зависимость от наличия либо отсутствия удовольствия от совершения рассматриваемого преступления²⁴⁸.

По п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ следует квалифицировать жестокое обращение с животным при наличии одного из обязательных субъективных признаков в случае совершения преступления в присутствии лица, не достигшего четырнадцати лет. Виновный должен осознавать, что за его действиями наблюдает несовершеннолетний. С учетом правовой позиции, изложенной в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ возможна не только тогда, когда виновный знал, но и когда допускал, что лицо, наблюдающее за его действиями, не достигло четырнадцати лет.

Практика показывает, что по п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ квалифицируются случаи не только *публичной демонстрации* жестокого обращения с животными в режиме *on line*, но и размещения ранее изготовленной видеозаписи в сети «Интернет».

Б. в баке с водой удерживал кота не менее одной минуты, пока животное не перестало подавать признаки жизни. Момент умерщвления животного, согласно отведенной роли, снимала на телефон П. Согласно разработанному плану, Б. разместил видеозапись в социальной сети «ВКонтакте». Б. и П. осуждены по п. «а», «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ (цель – причинение боли и страданий)²⁴⁹.

Позволим себе не в полной мере согласиться с квалификацией содеянного. Признавая П. исполнителем преступления, суд указал, что П. предоставила своего кота и бак, а также снимала процесс умерщвления животного, а Б. утопил животное и разместил видеозапись. Поскольку П. непосредственно не участвовала в умерщвлении животного и размещении в сети «Интернет» видеоролика, с учетом содержания ч. 2 и ч. 5 ст. 33 УК РФ ее следует

²⁴⁸ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2025 г. № 77-580/2025. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

²⁴⁹ Приговор Московского районного суда г. Твери (Тверская область) от 14 мая 2019 г. № 1-128/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

признать пособником (предоставила средства совершения преступления, устранила препятствия). По причине отсутствия при совершении преступления не менее двух соисполнителей содеянное не могло быть квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

Полагаем, что по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ могут быть квалифицированы действия двух лиц, когда оба умерщвляют животное, а после один из них или вместе размещают видеозапись преступления в сети «Интернет».

Например, широкий общественный резонанс вызвало дело Л. и Г., которые совместно истязали и умертвили кота, после чего также вместе разместили запись жестокого обращения с животным в социальной сети, за что осуждены по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ²⁵⁰.

Аналогичным образом следует квалифицировать случаи, когда один из соучастников умерщвляет животное, а другой снимает и в дальнейшем размещает запись в сети «Интернет». Публичная демонстрация – дополнительное деяние, образующее вместе с умерщвлением или истязанием животного единое сложное преступление²⁵¹. Следовательно, публичная демонстрация наряду с жестоким обращением выступает элементом (частью) объективной стороны состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Жестокое обращение и публичная демонстрация могут совершаться в разное время и место, что влечет значительное количество вопросов.

Например, одно лицо калечило животное, а второе снимало и должно было разместить запись в сети «Интернет», но соучастники были задержаны, а видеозапись изъята. Иными словами, один соучастник выполнил свою роль и причинил увечье животному, а второй не успел разместить запись в сети «Интернет». Как квалифицировать содеянное? Предложим три варианта.

1. Содеянное необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 245 УК РФ, так как жестокое обращение с животным совершено, а к публичной демонстрации виновные не приступили.

²⁵⁰ Приговор Северодвинского городского суда (Архангельская область) от 14 февраля 2022 г. № 1-137/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

²⁵¹ Шкеле М.В., Кузнецова Н.И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 98–100.

Однако при таком подходе второе лицо не подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 245 УК РФ, поскольку участия в физическом воздействии на животное ни в форме соисполнительства, ни в форме пособничества он не принимал. Квалификация содеянного только по ч. 1 ст. 245 УК РФ противоречит направленности умысла указанных лиц, принципу субъективного вменения, что представляется неверным.

2. Виновные лица совершили преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Представляется, что покушения на публичную демонстрацию жестокого обращения с животным в данном случае не произошло. Видеозапись – лишь средство совершения преступления (п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ), само по себе изготовление видеозаписи не влечет наступления уголовной ответственности. Следовательно, условно второе лицо в нашем примере лишь изготовило средство совершения преступления, т. е. имеет место приготовление (не покушение) к преступлению, предусмотренному п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, что уголовным законом ненаказуемо (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Изготовив видеозапись жестокого обращения с животным, виновные не приступили к ее публичной демонстрации. Сказанное указывает на невозможность квалификации содеянного по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

3. В таком случае полагаем необходимым квалифицировать содеянное по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 245 УК РФ, так как один соисполнитель уже выполнил часть объективной стороны (жестокое обращение), а второй не довел свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам. Представляется, что с учетом размеров наказаний покушение на квалифицированный состав (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 245 УК РФ) в данном случае поглощает выполнение всех признаков основного состава преступления (ч. 1 ст. 245 УК РФ).

Ответственность по п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ наступает за умерщвление нескольких животных или причинение им увечья. Как показывает практика, данный квалифицирующий признак имеет место в случае умерщвления одного животного и причинения увечья другому животному²⁵².

²⁵² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2022 г. № 77-4335/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ могут квалифицироваться случаи как одномоментного, так и совершенного в разное время жестокого обращения в отношении нескольких животных, если эти деяния объединены единым умыслом.

Правила квалификации убийства двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) при отсутствии единого умысла в данном случае неприменимы. С учетом разъяснений, изложенных в пп. 4 и 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях», особые правила квалификации продолжаемых преступлений используются лишь в специально оговоренных случаях. Например, п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ). По аналогичным причинам умерщвление одного животного и нерезультативную попытку в отношении другого (при отсутствии причинения увечий и отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 245, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 245 УК РФ.

С учетом того, что животные с точки зрения гражданского законодательства относятся к имуществу (ст. 137 ГК РФ), их умерщвление или причинение им увечий может квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 167, 245 УК РФ.

Например, С., увидев двух беременных коз, из хулиганских побуждений произвел по пять выстрелов в каждую из них, причинив им увечья, за что осужден по ч. 2 ст. 167, п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ²⁵³.

Проведенный анализ показал, что принятие Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» позволило устранить значительное количество проблем, возникавших ранее при квалификации деяний по ст. 245 УК РФ.

²⁵³ Постановление Ромодановского районного суда (Республика Мордовия) от 19 декабря 2019 г. № 1-64/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 10.05.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 : текст с изм. и доп. на 26 февр. 2019 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Акимова, Ю.Ю. Использование рабского труда: уголовно-правовой аспект : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акимова Юна Юрьевна. – Тюмень, 2010. – 24 с.

7. Алферьев, Т.П. Финансово-правовое регулирование таможенно-тарифной деятельности как источник формирования бюджета Российской Федерации : специальность 12.00.04 «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Алферьев Тимур Павлович. – Москва, 2014. – 189 с.

8. Андреева, Л.А. Уголовный кодекс нуждается в усовершенствовании / Л.А. Андреева, Г.В. Овчинникова // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации. Итоги применения и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 10 июня 2016 года) / М-во образования и науки Российской Федерации, Вологод. гос. ун-т ; [отв. ред. В.П. Силкин]. – Вологда : ВоГУ, 2016. – С. 13–18.

9. Аюпова, Г.Ш. К вопросу о толковании отдельных объективных признаков состава жестокого обращения с животными / Г.Ш. Аюпова // Полицейская и следственная деятельность. – 2021. – № 4. – С. 39–52.

10. Безбородов, Д.А. Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация : учеб. пособие / Д.А. Безбородов. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 60 с.

11. Безбородов, Д.А. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» / Д.А. Безбородов, Д.Ю. Краев. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 47, [1] с.

12. Бестужев-Лада, И.В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования / И.В. Бестужев-Лада. – Москва : Мысль, 1970. – 268 с.

13. Бобровская, О.Н. К вопросу о дефектах качества медицинской помощи / О.Н. Бобровская // Медицинское право России. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 34–40.

14. Бойко, А.И. Преступное бездействие / А.И. Бойко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 320 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр).

15. Бриллиантов, А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения уголовной практики : науч.-практ. пособие / А.В. Бриллиантов. – Москва : Проспект, 2014. – 111, [1] с.

16. Великий, А.А. Нарушение правил охраны труда: уголовно-правовые и криминологические аспекты: на материалах Уральского федерального округа : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Великий Андрей Анатольевич. – Челябинск, 2004. – 240 с.

17. Вешняков, Д.Ю. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в Российской Федерации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Вешняков Дмитрий Юрьевич. – Санкт-Петербург, 2013. – 31 с.

18. Виноградов, В.П. Законы общества и научное предвидение / В.Г. Виноградов, С.И. Гончарук. – Москва : Политиздат, 1972. – 231 с.

19. Винокуров, В.Н. Последствия как способ указания на объект преступления / В.Н. Винокуров // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 16–19.

20. Войтович, А.П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Войтович Александр Петрович. – Ульяновск, 2006. – 31 с.

21. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2007. – 763 с.

22. Галиакбаров, Р.Р. Неосторожное сопричинение как вид множественности участников / Р.Р. Галиакбаров // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью : межвуз. темат. сб. / Дальневосточный гос. ун-т. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1981. – С. 28–34.

23. Гордеев, В.И. Криминализация и декриминализация в практике медицины критических состояний // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3 ноября 2016 г. / Российский гос. ун-т правосудия ; отв. ред. Е.Н. Рахманова. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2016. – С. 74–82.

24. Готчина, Л.В. Молодежный наркотизм в современной России: состояние и профилактика : монография / Л.В. Готчина. – Санкт-Петербург : С.-Петербур. ун-т МВД России, 2013. – 300 с.

25. Готчина, Л.В. Молодежный наркотизм: состояние и проблемы профилактики (на материалах социологического исследования в Центральном федеральном округе России) : монография / Л.В. Готчина – Белгород : БелЮИ МВД России, 2006. – 252 с.

26. Гречихин, В.Г. Опрос как метод сбора первичной социологической информации : лекции по методике и технике социологических исследований / В.Г. Гречихин. Москва : Изд-во Моск. унта, 1988. – 230 с.

27. Гринберг, М.С. Ответственность за преступную неосторожность при действии производственного коллектива / М.С. Гринберг // Советское государство и право. – 1979. – № 8. – С. 104–109.

28. Дагель, П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы / П.С. Дагель. – Москва : Юрид. лит., 1977. – 144 с.

29. Дагель, П.С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности / П.С. Дагель // Вопросы борьбы с преступностью : [сб. ст.] / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. – Москва : Юрид. лит., 1981. – № 34. – С. 28–38.

30. Данилова, С.И. Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ («Жестокое обращение с животными») / С.И. Данилова ; материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс». – Дата публикации: 15.02.2008. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Добренков, В.И. Методология и методика социологического исследования : учебник / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. – Москва : Академический Проект ; Альма Матер, 2009. – 537 с. – (Gaudeamus).

32. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов ; отв. ред. М.Д. Шаргородский. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – 315 с.

33. Душакова, Д.А. Место государственных услуг в общей системе публично-правовых услуг / Д.А. Душакова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 11 (42). – С. 58–63.

34. Евдокимов, А.А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Евдокимов Андрей Андреевич. – Москва, 2016. – 30 с.

35. Ендольцева, А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения : монография / А.В. Ендольцева. – Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2004. – 231 с.

36. Жариков, Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации / Ю.С. Жариков. – Москва : Юриспруденция, 2009. – 216 с.

37. Закомолдин, Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами / Р.В. Закомолдин. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 192 с.

38. Закомолдин, Р.В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности : монография / Р.В. Закомолдин. – Тольятти : Российский гос. социальный ун-т в г. Тольятти, 2013. – 168 с.

39. Зарубин, А.В. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» / А.В. Зарубин, А.А. Сапожков. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 64 с.

40. Иванов, Л. Об уголовной ответственности юридических лиц / Л. Иванов // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 31–38.

41. Иванчин, А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / А.В. Иванчин ; отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Москва : Проспект, 2014. – 352 с.

42. Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях / [В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова, И.И. Елисеева и др.] ; отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова ; АН СССР, Ин-т социолог. исслед. – Москва : Наука, 1987. – 254 с.

43. Каташинских, В.С. Методы сбора социальной информации : учеб. пособие / В.С. Каташинских ; [науч. ред. Ю.Р. Вишневский] ; М-во образования и науки Российской Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 124 с.

44. Краев, Д.Ю. Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : лекция / Д.Ю. Краев. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 44 с.

45. Квалификация преступлений против собственности : учеб. пособие / Д.А. Безбородов, Я.И. Гилянский, А.В. Зарубин [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 220 с.

46. Келина, С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. Москва : Изд-во ИГи П РАН, 1994. – С. 50–60.

47. Келина, С.Г. Меры ответственности, предусмотренные уголовным законом, и основания их применения / С.Г. Келина // Советское государство и право. – 1982. – № 5. – С. 100–108.

48. Келина, С.Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства / С.Г. Келина // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 65–71.

49. Козаченко, И.Я. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка / И.Я. Козаченко, Т.А. Костарева, Л.Л. Кругликов. – Екатеринбург : Уральская гос. юрид. акад., 1994. – 58 с.

50. Колоколов, Г.Р. Медицинское право : учеб. пособие / Г.Р. Колоколов, Н.И. Махонько. – Москва : Дашков и К, 2009. – 452 с.

51. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31, от 24 мая 2016 года № 22 / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 123, [1] с.

52. Овчинникова, Г.В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 9 декабря 2008 года № 25 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31 / Г.В. Овчинникова, Л.Ф. Рогатых ; под ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – 40 с.

53. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / [Г.Н. Борзенко, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2012. – 1359 с. – (Профессиональные комментарии).

54. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. Т. 2. Особенная часть (разделы VII–VIII) / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О.С. Капинус ; под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2022. – 680 с.

55. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Советское государство и право. – 1992. – № 8. – С. 43–45.

56. Коркмасов, З.Ю. Реализация принципа дифференциации и индивидуализации наказания в советском уголовном законодательств : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Коркмасов Заур Юрьевич. – Ростов-на-Дону, 1986. – 21 с.

57. Коробеев, А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность : монография / А.И. Коробеев. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 486, [1] с.

58. Коробов, В.Б. Социальные технологии профилактики наркомании : учеб. пособие / В.Б. Коробов, Л.В. Готчина ; под ред. В.А. Кудина. – Белгород : БелЮИ МВД России, 2006. – 116 с.

59. Кошелева, А.Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия / А. Ю. Кошелева. – Москва : Вече, 2009. – 208 с.

60. Кропачев, Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н.М. Кропачев. – Санкт-Петербург. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1999. – 262 с.

61. Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр).

62. Кругликов, Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. – 336 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

63. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – Москва : Госюриздат, 1960. – 244 с.

64. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – Москва : Юрид. лит., 1999. – 352 с.

65. Кузнецова, Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 1993. – № 4. – С. 12–21.

66. Кузнецова, Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н.Ф. Кузнецова. – Москва : Госюриздат, 1958. – 219 с.

67. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. – Москва : Городец, 2007. – 336 с.

68. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – Москва : Норма, 2000. – 368 с.

69. Лисаускайте, В.В. К вопросу о применении ст. 238 УК РФ / В.В. Лисаускайте // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 1. – С. 57–59.

70. Логинова, А.С. Таможенные платежи : учеб. пособие / А.С. Логинова. – Санкт-Петербург : Троицкий мост, 2016. – 152 с.

71. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия / Н.А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 200 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр).

72. К вопросу о ятрогенных заболеваниях / В.М. Лысенко, О.В. Лысенко, М.М. Зарецкий, Е.Э. Черников // Научный вестник Национального медицинского университета им. Богомольца. – 2009. – № 1. – С. 164–168.

73. Любавина, М.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» от 5 июня 2002 года № 14

с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 года № 7 / М.А. Любавина ; под ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. – 28 с.

74. Матвеева, Я.М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правовых конфликтов : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Матвеева Яна Максимовна. – Санкт-Петербург, 12019. – 222 с.

75. Миллеров, Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Миллеров Евгений Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с.

76. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. – Москва : Бек, 1996. – 560 с.

77. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко [и др.]. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 124 с.

78. Нерсесян, В. Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности / В. Нерсесян // Российская юстиция. – 1999. – № 10. – С. 44–45.

79. Никифоров, Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – Москва : Госюриздат, 1956. – 42 с.

80. Никольская А.Г. Основы квалификации преступлений в сфере таможенного дела : учеб. для студентов вузов по специальности «Таможенное дело» / А.Г. Никольская. – Санкт-Петербург : Интермедия, 2015. – 337 с.

81. Пейсикова, Е.В. Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ): судебная практика, поиск новых критериев / Е.В. Пейсикова // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 10–15.

82. Попов, И.В. Ошибки квалификации жестокого обращения с животными / И.В. Попов // Уголовное право. – 2025. – № 2. – С. 60–68.

83. Преступления против безопасности движения или эксплуатации транспорта : учеб. пособие / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко [и др.] ; под ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 47, [1] с.

84. Преступления против собственности : учеб. пособие в табл. / Д.А. Безбородов, Я.И. Гишинский, А.В. Зарубин [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 79, [1] с.

85. Прохоров, В.С. Преступление и ответственность / В.С. Прохоров. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 136 с.

86. Рабочая книга социолога : [монография] / [А.М. Яковлев и др.] ; под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. – Изд. 5-е. – Москва : URSS, 2009. – 476, [1] с.

87. Радько, Т.Н. Теория государства и права : учеб. для вузов / Т.Н. Радько. – Москва : Академический Проект, 2005. – 811 с.

88. Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ / Б.Т. Разгильдиев ; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 320 с.

89. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : монография / Е.В. Рогова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 344 с.

90. Савченко, А.Н. Установление потерпевшего и субъекта преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ / А.Н. Савченко, В.В. Колосовский // Уголовный процесс. – 2008. – № 3. – С. 134–140.

91. Семенов, К.П. Животные как предмет и средство преступления : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Семенов Константин Петрович. – Санкт-Петербург, 2015. – 23 с.

92. Специальные вопросы квалификации преступлений против собственности : учеб. пособие / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Д.Ю. Краев, А.Н. Попов. – Санкт-Петербург : С.-Петербур. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 119 с.

93. Степанов, К.С. Уголовно-правовая характеристика уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Степанов Константин Сергеевич. – Москва, 2007. – 28 с.

94. Танага, И.В. Вопросы совершенствования юридической ответственности за жестокое обращение с животными / И.В. Танага, Е.В. Миллеров // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 20–25.

95. Таций, В.Я. Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной промышленной продукции / В.Я. Таций. – Харьков : Вища шк., 1981. – 81 с.

96. Тер-Акопов, А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А.А. Тер-Акопов // Военное право : электрон. журн. – 2006. – Вып. 5. – URL: <https://voennoepravo.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

97. Тер-Акопов, А. Причинная связь в преступлениях, связанных с нарушением должностных функций / А. Тер-Акопов // Советская юстиция. – 1984. – № 22. – С. 3–4.

98. Тер-Акопов, А.А. Безопасность человека : (Теоретические основы социально-правовой концепции) / А.А. Тер-Акопов ; Междунар. независимый экол.-политол. ун-т. – Москва : Изд-во МНЭПУ, 1998. – 194 с.

99. Тимейко, Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г.В. Тимейко. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1977. – 216 с.

100. Трайнин, А.Н. Учение о соучастии / А.Н. Трайнин. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 158 с.

101. Тюнин, В.И. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб.-практ. пособие / В.И. Тюнин. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 380 [1] с.

102. Тяжкова, И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / И.М. Тяжкова. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 275 [1] с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр).

103. Фефелов, П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности: основные методологические проблемы / П.А. Фефелов ; отв. ред. М.И. Ковалев. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 151 с.

104. Фефелов, П.А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы / П.А. Фефелов. – Москва : Наука, 1992. – 230 с.

105. Филиппов, П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 УК РФ / П.А. Филиппов // Юридическая наука. – 2019. – № 12. – С. 92–97.

106. Хилтунов, Н.Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Хилтунов Николай Николаевич. – Москва, 2015. – 205 с.

107. Церетели, Т.В. Причинная связь в уголовном праве / Т.В. Церетели. – Москва : Госюриздат, 1963. – 382 с.

108. Шабалина, М.А. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) / М.А. Шабалина // Уголовное право. – 2020. – № 6. – С. 77–82.

109. Шалагин, А.Е. Ответственность за выпуск и реализацию недоброкачественной продукции, выполнение работ и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности / А.Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 9. – С. 40–43.

110. Шарапов, Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными / Р.Д. Шарапов // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2019. – № 1. – С. 51–60.

111. Шарапов, Р.Д. Субъект транспортного преступления : монография / Р.Д. Шарапов, С.Н. Шатилович, С.А. Зворыгина ; Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Тюмень : ТИПК МВД России, 2018. – 113 с.

112. Шеина, И.А. Уголовно-правовые меры противодействия производству, хранению, перевозке либо сбыту товаров и продукции, выполнению работ или оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Шеина Ирина Анатольевна. – Москва, 2016. – 180 с.

113. Шеслер, А. Субъективная сторона преступного нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах / А. Шеслер // Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 98–102.

114. Шкеле, М.В. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» / М.В. Шкеле, Н.И. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (77). – С. 98–100.

115. Шкунов, А.Д. Дифференциация ответственности за преступления в сфере экономической деятельности по признакам их субъекта : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Шкунов Артём Дмитриевич. – Ярославль, 2022. – 275 с.

116. Щетинина, Н.В. Особенности толкования юридически значимых признаков основного состава жестокого обращения с животными (ч. 1 ст. 245 УК) / Н.В. Щетинина, Г.Ш. Аюпова // Законность. – 2024. – № 9. – С. 38–44.

117. Яни, П.С. Товарная контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей / П.С. Яни // Российская юстиция. – 2012. – № 5. – С. 23–26.

118. Яни, П.С. Состав нарушения специальных правил безопасности: форма вины / П.С. Яни // Законность. – 2016. – № 6 (980). – С. 39–43.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КРИМИНАЛИСТЪ

ТЕРРИТОРИЯ
ПРОФЕССИОНАЛОВ

ОСНОВНЫЕ РУБРИКИ:

- ◆ Теоретико-исторические правовые науки
- ◆ Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- ◆ Частно-правовые (цивилистические) науки
- ◆ Уголовно-правовые науки
- ◆ Международно-правовые науки
- ◆ Рецензии, обзоры, материалы научных собраний

Адрес редакции:

📍 191014, г. Санкт-Петербург,
Литейный просп., 44

✉ E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Индекс в подписном агентстве
«Книга-Сервис»: 33338

Санкт-Петербург

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Монография

Редактор *Н.Я. Елкина*
Компьютерная правка и верстка *И.А. Щербаковой*

Подписано в печать 30.12.2025. Формат 60х90/16.
Печ. л. 15,0. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—55). Заказ 37/25.

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44